

АВСТРІЙСКАЯ КРАСНАЯ КНИГА

(29 Іюня – 24 Августа 1914 г.)

Книжный магазинъ б. Мелье и К°.
ПЕТРОГРАДЪ 1915 г.

ТОГО ЖЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Книги о войнѣ:

Французскіе разсказы съ фронта. Выпуски I—IV. Съ начала войны по конецъ марта 1915 г.

Передъ войной. Разоблаченія германскаго шпіонства. Леона Додэ.

Нѣмецкое шпіонство во Франціи. Разоблаченія Поля Ляну ара.

Конецъ Германской имперіи. По нѣмецкимъ предсказаніямъ, собраннымъ Ляворъ.

Организованныя преступленія германской арміи. По оффиціальнымъ даннымъ французской правительственной комиссіи.

Чего ждетъ Германія отъ войны. Опросъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей Германіи. Ибаньеса Иберо.

Такъ говоритъ Германія. Подлинные нѣмецкіе документы и изреченія о германскихъ замыслахъ и поступкахъ.

Желтая французская книга дипломатическихъ документовъ, касающихся войны 1914—1915 гг.

Сѣрая бельгійская книга диплом. докум. и пр.

Синяя сербская книга диплом. докум. и пр.

Красная австрійская книга диплом. докум. и пр.

И мн. др.

Спорныя области:

Галичина и **Арменія.** 2 книги, со многими рис., чертежами, планами и картами.

Современная Бельгія. Очерки матеріальнаго прогресса. Инж. Изара. Съ 21 рис. 2-ое изд.

Описаніе столицъ воюющихъ странъ:

Парижъ (568 стр. 5-ое изд.), **Лондонъ** (360 стр.), **Римъ** (364 стр.), **Берлинъ** (415 стр.). 4 тома убористой печати, съ дорожными переводчиками, множествомъ иллюстрацій, чертежей и плановъ.

Царьградъ и окрестности. Историко-художественное описаніе А. Барта. 284 стр. съ 58 рис. и чертеж.

Будапештъ и окрестности. (Отъ Карпатъ до Будапешта) 80 стр. съ картой Венгріи до Будапешта и съ планомъ Будапешта и окрестностей.

КРАСНАЯ КНИГА

АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА, ОТНОСЯЩАЯСЯ КЪ ВОЙНѢ 1914 ГОДА.

Переводъ Н. М. Лагова.

Книжн. магаз. б. МЕЛЬЕ и К°
ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Типографія Р. Г. Шредера. Гороховая, 49.

Съ тѣхъ поръ какъ династія Карагеоргіевичей вступила на окровавленный тронъ Сербіи и окружила себя заговорщиками, покусившимися на жизнь короля Александра, Королевство неизмѣнно, хотя и разными путями и съ различной настойчивостью, но стало стремиться къ одной и той же цѣли: вести при помощи враждебной пропаганды и революціонныхъ интригъ подкопъ подъ населенныя южными славянами австровенгерскія области и затѣмъ, когда міровое положеніе окажется благопріятнымъ для этихъ пансербскихъ замысловъ, отторгнуть ихъ отъ Монархіи.

Та ожесточенная враждебность и глубокое разочарованіе, кои вызваны были въ Сербіи присоединеніемъ Босніи и Герцеговины, ясно показали до какого градуса достигали надежды Королевства съ береговъ Савы и до какой степени оно считало себя у своей, желанной съ такимъ пыломъ, цѣли; онѣ же и довели эту охваченную возбужденіемъ и ослѣпленную страну до порога войны.

Будучи покинуто покровительствовавшей ему Россійской Державой, которая въ эту эпоху свои вооруженія считала еще недостаточными, сербское Правительство, весною 1909 г. оказалось вынужденнымъ торжественно, предъ лицомъ всей Европы, заявить, что соглашается на проистекающія изъ этой аннексіи перемѣны въ конституціонномъ и международномъ отношеніяхъ и что, какъ это явствовало, этимъ актомъ не нарушаются интересы Сербіи; кромѣ того оно обязалось распустить вооруженныя противъ Монархіи шайки и поддерживать впредь съ Австро-Венгріей дружественныя отношенія.

Но надежды Монархіи не оправдались: она увидѣла, что ей впредь невозможно будетъ жить съ Сербіей по добрососѣдски и въ мирѣ, какъ это было въ правленіе Обреновичей; что ей болѣе невозможно будетъ принимать въ соображеніе и сохранять прежнее благосклонное отношеніе къ интересамъ этого Государства, хотя оно обязано Австро-Венгріи своей независимостью, провозглашенной на Берлинскомъ конгрессѣ.

Сербское Правительство, хотя и связало себя обѣщаніемъ поддерживать съ Австро-Венгріей добрососѣдскія отношенія, позволило однако своей прессѣ неслыханнымъ образомъ разжигать ненависть къ Монархіи; оно дозволило существующимъ на сербской территоріи, — подъ руководствомъ высшаго офицерства, государственныхъ чиновниковъ, профессоровъ и судей, — обществамъ открыто проявлять такія тенденціи, которыя стремились революціонировать извѣстныя австровенгерскія области. Оно не помѣшало правящимъ членамъ своего гражданскаго Управленія до такой степени отравить общественное сознаніе, что простое убійство стало считаться излюбленнымъ орудіемъ борьбы съ Монархіей. Въ этой, насыщенной ненавистнической агитаціей, атмосферѣ и зародился цѣлый рядъ покушеній на жизнь высшихъ чиновъ Монархіи, а въ концѣ концовъ, — и это отвратительное, методически подготовленное въ Сербіи, преступленіе: покушеніе на августѣйшую персону Эрцгерцога престолонаслѣдника Франца-Фердинанда.

Смерть этой, принесенной отечеству жертвы, должна была, какъ этого ожидали въ своемъ безумномъ заблужденіи наши враги, ускорить распадъ Монархіи; но она, наоборотъ, объединила въ страстномъ единодушіи всѣ австровенгерскіе народы вокругъ ихъ династіи. Весь міръ воочію могъ убѣдиться, на какихъ незыблемыхъ основахъ держится Монархія и съ какою вѣрностью и непоколебимостью поддерживаютъ другъ друга ея дѣти. Общее впечатлѣніе было такое, — и на этотъ счетъ невозможно допускать никакихъ сомнѣній, — что наша честь, собственное достоинство и наши жизненные интересы повелительно обязывали насъ разрушить преступныя интриги Сербіи и обезпечить гарантію безопасности Австро-Венгріи.

Безрезультатныя попытки Императорскаго и Королевскаго Правительства въ отношеніи этого коварнаго сосѣдняго Государства указали тотъ единственный путь, по которому мы могли слѣдовать для огражденія нашихъ интересовъ.

Сербіи надлежало предъявить всѣ просьбы и потребовать отъ нея всевозможныя гарантіи, способныя обезпечить наказаніе соумышленниковъ этого позорнаго преступленія, равно какъ и пресѣченіе пансербскихъ тенденцій.

Такъ какъ безпримѣрное терпѣніе Австро-Венгріи считалось въ Сербіи признакомъ слабости, то стало необходимымъ дать бѣлградскому Правительству ясно понять, что въ крайнемъ случаѣ Монархія, для огражденія своего престижа

и неприкосновенности своихъ владѣній, готова прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, что она равнымъ образомъ не потерпитъ больше разныхъ увертокъ со стороны Королевства съ береговъ Савы, которое, прикрываясь согласіемъ на австро-венгерскія просьбы, вводило державы въ заблужденіе и предоставляло возможность продолжать, — точь-въ-точь какъ послѣ торжественнаго обѣщанія 1909 г.—свои подкопы подъ Монархію. Для того, чтобы бороться съ обычной сербской тактикой, — которая заключается въ подготовкѣ самыми зазорными средствами насильственнаго отторженія юго-славянскихъ областей Австро-Венгріи, а на случай, если Монархія потребуетъ къ отвѣту за эти интриги, — въ стараніи добиться защиты державъ и безнаказанности, — Императорскому и Королевскому Правительству не оставалось другого пути къ огражденію неприкосновенности своихъ владѣній и къ пресѣченію тѣхъ невыносимыхъ тяготъ, которыя потрясали экономическую жизнь страны и которыя неослабно поддерживались сербскими чаяніями. Съ другой же стороны оно не хотѣло колебать европейскій миръ. Императорское и Королевское Правительство съ самаго начала предупредило опасенія державъ, давъ имъ завѣренія, что Монархія не пойдетъ далѣе огражденія своихъ интересовъ и отнюдь не стремится къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ. Въ намѣченныхъ ею самою предѣлахъ своихъ дѣйствій ей надлежало настаивать на своемъ желаніи придти къ улаженію этого разногласія съ Сербіей непосредственнымъ путемъ между этимъ Государствомъ и Австро-Венгріей. То продленіе срока, которое мы, по просьбѣ Россіи, должны были бы дать Сербіи для отвѣта на наши требованія, только дало бы бѣлградскому Правительству возможность прибѣгнуть къ новымъ уверткамъ и новой проволочкѣ; кромѣ того это служило открытой дверью для вмѣшательства какой-либо державы въ ея пользу. Вотъ почему мы принуждены были отказать въ продленіи срока. Хотя, ранѣе чѣмъ дать свой уклончивый и лукавый отвѣтъ, Сербія уже сдѣлала распоряженіе объ общей мобилизаціи и этимъ мѣропріятіемъ явно обнаружила свою враждебность, тѣмъ не менѣе Монархія съ объявленіемъ войны ждала еще два дня. Предложеніе же англійскаго Правительства, касательно передачи сербскаго разногласія на улаженіе особой конференціи Державъ, дошло до Вѣны уже послѣ начала враждебныхъ дѣйствій и, благодаря опередившимъ его событіямъ, оказалось тщетнымъ. Во всякомъ случаѣ это предложеніе и само по себѣ не было годнымъ для огражденія интересовъ

Монархіи. Только полное согласіе Сербіи на австро-венгерскія требованія представляло достаточныя гарантіи возстановленія сносныхъ добрососѣдскихъ отношеній. Державы же Тройственнаго Согласія, напротивъ того, руководились желаніемъ устранить требованія Австро-Венгріи путемъ какого-либо компромисса, хотя эти требованія были самымъ дѣйствительнымъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ въ отношеніи Сербіи; такимъ образомъ уничтожалась всякая гарантія корректнаго въ будущемъ поведенія Королевства съ береговъ Савы. Сербія же поощрялась продолжать свои стремленія, цѣлью которыхъ было отторженіе отъ Австро-Венгріи ея южныхъ провинцій.

Требуя отъ Сербіи, во-первыхъ, наказанія проживавшихъ въ Королевствѣ соумышленниковъ сараевскаго покушенія, а во-вторыхъ, — исполненія ею такихъ ея обязанностей, съ которыми связывается понятіе о мирныхъ отношеніяхъ между сосѣдними Государствами, Императорское и Королевское Правительство не ставило себѣ единственной цѣлью только огражденіе своей династіи отъ новыхъ покушеній и защиту принадлежащихъ Монархіи территорій отъ преступныхъ козней,—заявивъ, что покушенія не должны безнаказанно служить преступнымъ орудіемъ политической борьбы и что Сербія не должна своими чаяніями безпрестанно угрожать европейскому миру, — оно защищало общіе интересы цивилизованнаго міра.

Державы Тройственнаго Согласія совершили крупную несправедливость, когда, подъ вліяемъ политическаго эгоизма, оставили безъ вниманія эти „посылки" общественной морали и гуманности и когда взяли сторону этого обремененнаго преступленіями Государства. Если бы онѣ внимательно отнеслись къ увѣреніямъ Монархіи, которая своею консервативною политикой и своимъ миролюбіемъ въ теченіе огромныхъ переворотовъ, потрясавшихъ Балканскій полуостровъ, могла разсчитывать заслужить ихъ полное довѣріе, и если бы сохранили въ сербскомъ вопросѣ выжидательное положеніе, то міровая война могла бы быть избѣгнута. Именно онѣ предъ лицомъ исторіи являются отвѣтственными за обрушившіяся на человѣчество безконечныя страданія.

Маленькое сербское Государство никогда бы, несомнѣнно, не осмѣлилось помышлять, съ едва прикрытой враждебностью, за отторженіе отъ сосѣдней великой Монархіи населенныхъ юго-славянами областей, если бы оно не обезпечило себя тайнымъ соглашеніемъ съ Россіей и покровительствомъ

этой Державы. Кромѣ того оно полагало, что можетъ разсчитывать на мощное въ царской Имперіи панславистское теченіе, которое въ крайнемъ случаѣ принудитъ русское Правительство придти на помощь борющемуся за осуществленіе своихъ пансербскихъ замысловъ Королевству.

Русская Имперія за послѣдніе два вѣка расширялась въ необъятномъ размѣрѣ съ первобытной силой ледника и безпрестанно покоряла московской власти все новыя и новыя народности, угнетая ихъ цивилизацію, ихъ религію и ихъ языкъ. Это упорное стремленіе къ міровому владычеству поставило себѣ высшей и неизмѣнной цѣлью захватъ проливовъ, обладаніе коими обезпечитъ русской Имперіи преобладаніе на ближнемъ Востокѣ и въ Малой Азіи, равно какъ и независимый отъ всякаго иностраннаго давленія свободный выходъ для ея вывоза.

Такъ какъ осуществленіемъ этого плана нарушаются важные интересы Австро-Венгріи и Германіи, то оно и наткнулось на неизбѣжное сопротивленіе этихъ Державъ; русской же политикѣ желательно было ослабить ихъ способность къ сопротивленію. Несокрушимый блокъ центральныхъ европейскихъ Имперій преграждалъ Россіи путь къ міровой гегемоніи; и потому его надо было разрушить, а Германію — изолировать.

На первой очереди стояло—окружить Монархію Габсбурговъ при помощи балканской лиги, и ослабить ея преобладаніе тайной панславистской и сербской пропагандой въ южныхъ ея предѣлахъ. Главнымъ условіемъ осуществленія этого плана являлось низверженіе и оттѣсненіе Турціи, такъ чтобы возросшія вслѣдствіе этого силы христіанскихъ балканскихъ Государствъ могли вполнѣ свободно быть обращены противъ Державъ центральной Европы.

Когда же балканская лига, вслѣдствіе конфликта на почвѣ раздѣла отнятыхъ у Турціи областей, распалась, и когда планамъ Россіи началъ угрожать провалъ, то „Держава-Покровительница славянъ“ не только позволила разбить Болгарію, но и, доведенную до униженія, лишить большей части ея земельныхъ пріобрѣтеній. Перспектива же расширеній территорій балканскихъ народовъ за счетъ Монархіи, путемъ постепеннаго оттѣсненія ея границъ съ востока на западъ, должна была позволить этимъ государствамъ возстановить балканскую лигу, которая, со времени разгрома Турціи, могла быть обращена только противъ Австро-Венгріи и Германіи; кромѣ того Россія и Франція задались цѣлью нарушить равновѣсіе европейскихъ государственныхъ группъ. При этой преступ-

ной игрѣ, гдѣ русская дипломатія угрожала самому существованію Монархіи и всеобщему миру, Сербія являлась крупнымъ козыремъ; и Россія не хотѣла лишаться его, хотя бы даже рисковала изъ-за него вызвать міровую войну.

Императорское и Королевское Правительствобезпрестанно, до самаго факта объявленія войны (чему свидѣтели—собранные въ этомъ томѣ документы), возобновляло свои завѣренія предъ петроградскимъ Кабинетомъ, что оно ни въ чемъ не нарушитъ русскихъ интересовъ, не отниметъ ни пяди сербской земли, отнюдь не покусится на сербскую государственность, и что оно готово вступить съ русскимъ Правительствомъ въ переговоры относительно русскихъ и австро-венгерскихъ интересовъ. Но послѣднее не заявило себя удовлетвореннымъ торжественными завѣреніями Императорскаго и Королевскаго Правительства и уже въ сообщеніи 24 іюля заговорило угрожающимъ тономъ, а 29 іюля, когда Австро-Венгрія не мобилизовала еще ни одного человѣка противъ Россіи, оно объявило мобилизацію Одесскаго, Кіевскаго, Московскаго и Казанскаго военныхъ округовъ, угрожая такимъ образомъ Монархіи. Затѣмъ, 31 числа, оно, не считаясь съ повторными предупрежденіями Императорскаго и Королевскаго Посла и съ сообщеннымъ еще 26 іюля заявленіемъ германскаго Правительства, которое гласило, что русскія военныя приготовленія принудятъ Германію принять аналогичныя мѣры, по необходимости заключающіяся въ мобилизаціи арміи,—мобилизація же означаетъ войну,—оно объявило всеобщую мобилизацію.

24 іюля Императорскій и Королевскій Посолъ въ бесѣдѣ съ русскимъ министромъ иностранныхъ Дѣлъ, высказалъ миролюбивыя чувства Монархіи. Ея единственною цѣлью, сказалъ онъ, — было положить конецъ опасности отъ сербскихъ бомбъ, которыя угрожали нашей династіи, и отъ козней сербскихъ революціонеровъ—нашей землѣ.

Достиженіе этой цѣли являлось для Монархіи жизненнымъ интересомъ. Даже возможность грознаго столкновенія съ Россіей, въ случаѣ если бы она взяла Сербію подъ свое покровительство, не должно было помѣшать положить конецъ невыносимому положенію. А такъ какъ Россія, надобно замѣтить, предоставила сербскому Королевству привилегированное положеніе, то эта послѣдняя могла все время угрожать Австро-Венгріи, безъ всякаго риска наказанія и даже безъ возможности его.

30 іюля англійскій статсъ-секретарь снова подалъ Австро-Венгріи совѣтъ воспользоваться въ своемъ конфликтѣ съ

Сербіей посредничествомъ державъ. И руководясь желаніемъ сдѣлать все возможное для сохраненія всеобщаго мира, Императорское и Королевское Правительство заявило о своемъ согласіи на это посредничество. Но честь и интересы Австро-Венгріи требовали того, чтобы это не казалось результатомъ угрожающихъ мѣропріятій со стороны Россіи. Поэтому ей прежде всего надлежало энергично просить, чтобы предварительно отмѣнены были принятыя царской Имперіей враждебныя военныя мѣры. На эту просьбу петроградскій Кабинетъ отвѣтилъ полной мобилизаціей русскихъ силъ.

Въ согласіи съ эгоистической политикой Велико-Британіи и съ желаніемъ реванша французской Республики петроградское Правительство не пренебрегло ни единымъ средствомъ, которое полезно было для обезпеченія за тройственнымъ Согласіемъ преобладанія въ Европѣ, въ частности за Россіей — свободнаго пути къ осуществленію ея самыхъ смѣлыхъ замысловъ.

Россія безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти своими руками постаралась затянуть наброшенный на Монархію неводъ своей политики.

Когда же Австро-Венгрія, повинуясь инстинкту самосохраненія, рѣшилась порвать эти путы, то Россія попыталась парализовать руку Императорскаго и Королевскаго Правительства и унизить Монархію.

Подъ страшной угрозой своимъ жизненнымъ интересамъ Австро-Венгрія и Германія могли выбирать одно изъ двухъ: или защищать свои права и свою безопасность, или отступить предъ угрозой Россіи.

И онѣ избрали тотъ путь, который указанъ имъ честью и долгомъ.

№ 1.

Совѣтникъ посольства господинъ Шторкъ графу Берхтольду.

Бѣлградъ, 29 іюня 1914 г.

Мы всѣ еще до такой степени находимся подъ впечатлѣніемъ вчерашней катастрофы, которая насъ ошеломила, что мнѣ трудно судить отсюда со всѣмъ необходимымъ хладнокровіемъ, объективностью и спокойствіемъ о кровавой сараевской драмѣ.

Вслѣдствіе этого прошу вашего разрѣшенія пока ограничиться лишь отмѣткой нѣкоторыхъ фактовъ.

Вчера, 15/28 іюня здѣсь съ большимъ, чѣмъ ранѣе, торжествомъ праздновали годовщину битвы на Дроздовомъ Полѣ и чествовали память сербскаго патріота Милоша Обилича, который, съ двумя своими товарищами, убилъ въ 1389 году султана Мурада-Гази.

Всюду, гдѣ живутъ сербы, Обиличъ слыветъ за народнаго героя. Но благодаря сѣемой подъ защитой Королевскаго Правительства пропагандѣ, благодаря длящемуся многіе годы разжиганію прессы, роль наслѣдственнаго врага, вмѣсто турокъ, теперь играемъ мы.

Вотъ почему трое юныхъ виновниковъ сараевскаго покушенія, Принципъ, Кабриновичъ и неизвѣстный, бросившій бомбы, представляются возобновителями разыгравшейся на Коссовомъ Полѣ драмы. Они, кромѣ того, убили еще револьвернымъ выстрѣломъ неповинную женщину, почему, конечно и воображаютъ, что превзошли свой образецъ.

Ненависть къ Монархіи въ Сербіи сѣялась годами. Нива взошла и теперь пожали убійство.

Оффиціально сербское Правительство, до котораго новость дошла приблизительно около 5 часовъ пополудни, распорядилось около 10 час. вечера прекратить празднества въ честь Обилича; но оффиціозно и въ потемкахъ онѣ продолжались еще долго. Мнѣ сообщили (очевидцы), что люди бросались другъ другу въ объятія и что раздавались восклицанія вродѣ слѣдующихъ: „Это имъ хорошо устроили; уже давно мы этого ждали“, или же такъ: „Вотъ и отомстили за аннексію“.

№ 2.

Совѣтникъ посольства господинъ Шторкъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Бѣлградъ, 30 іюня 1914 г.

Сегодня я задалъ генеральному секретарю министерства иностранныхъ Дѣлъ вполнѣ естественный вопросъ, а именно: какія мѣры приняла или расчитываетъ принять Королевская полиція для розыска слѣдовъ авторовъ завѣдомо затѣяннаго въ Сербіи покушенія.

Въ отвѣтъ онъ мнѣ сообщилъ, что до сихъ поръ полиція этимъ дѣломъ совсѣмъ не занималась.

№ 3.

Генеральный консулъ Еличка графу Берхтольду.

Ускюбъ, 1 іюля 1914 г.

15/28 іюня въ Приштинѣ совпавшій въ этомъ году съ 525 годовщиной битвы на Дроздовомъ Полѣ (1389 г.) Видовъ-Данъ (Божій день), въ первый разъ оффиціально праздновался подъ именемъ праздника Освобожденія сербскаго племени.

Особый праздничный комитетъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы придать этому празднеству насколько возможно торжественный характеръ и создать изъ него грандіозную манифестацію сербскаго націонализма.

Пропаганда въ виду этого празднества одновременно начата была въ Хорватіи, въ Далмаціи и въ Босніи, но въ особенности въ Венгріи; всѣмъ, кто пожелалъ бы принять въ немъ участіе, обѣщали безплатный проѣздъ по сербскимъ казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, дешевое помѣщеніе и пропитаніе, помощь и поддержку со стороны властей и т. п.

Кампанія эта отличалась своею энергичностью и сознаніемъ своей цѣли. Приглашенные доставлены были въ специальныхъ поѣздахъ въ Приштину, гдѣ предстояли торжества.

Въ различныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ по этому поводу, ключемъ били связанныя съ мѣстомъ празднества историческія воспоминанія; кончили же болѣе или менѣе опредѣленными варіантами на хорошо извѣстную тему о союзѣ всѣхъ сербовъ и объ освобожденіи пока еще подъяремныхъ братьевъ по ту сторону Дуная и Савы и даже еще дальше, въ Босніи и Далмаціи.

Когда вечеромъ распространилась вѣсть объ ужасномъ преступленіи, театромъ котораго стало Сараево, то въ нафанатизированной толпѣ проявилось такое настроеніе, которое я не могу назвать иначе какъ лишь—безчеловѣчнымъ; до того многочисленны были проявленія одобренія, о которыхъ сообщено мнѣ было вѣрными и безусловно надежными людьми.

Въ виду такого поведенія населенія, которое одинаково проявилось и въ Ускюбѣ, всѣ попытки сербской прессы отклонить моральную отвѣтственность этой страны за преступленіе, къ которому это, выражающее сербскія чаянія

собраніе отнеслось со столь мало скрытымъ удовлетвореніемъ, всѣ такія попытки, — повторяю, — потерпѣли самое жалкое фіаско.

№ 4.

Графъ Сеченъ графу Берхтольду

(Телеграмма.) Парижъ, 4 іюля 1914 г.

Я передалъ сегодня г. Пуанкарэ благодарность Императорскаго и Королевскаго Правительства за выраженныя имъ соболѣзнованія. Намекая на тѣ враждебныя демонстраціи, предметомъ которыхъ была у насъ Сербія, онъ припомнилъ, что послѣ убійства президента Карно всѣ итальянцы подвергались повсюду во Франціи наихудшимъ притѣсненіямъ со стороны населенія.

Я обратилъ его вниманіе на тотъ фактъ, что упомянутое имъ преступленіе не имѣло никакого отношенія къ франкофобскому движенію въ Италіи; тогда какъ въ Сербіи приходится признать, что уже цѣлые годы употребляютъ всѣ законныя и незаконныя средства къ возбужденію умовъ противъ Монархіи.

Въ заключеніе г. Пуанкарэ выразилъ свое убѣжденіе, что сербское Правительство, когда мы произведемъ судебное слѣдствіе и розыскъ предполагаемыхъ соучастниковъ, проявитъ примирительный духъ. Отъ этого долга не можетъ уклониться никакое государство.

№ 5.

Завѣдующій консульствомъ г. Гофленеръ графу Берхтольду.

Нишъ. 6 іюля 1914.

Вѣсть объ ужасномъ сараевскомъ покушеніи, успѣшность котораго слишкомъ полна, вызвала здѣсь въ полномъ смыслѣ сенсацію.

По правдѣ говоря, ошеломленности или даже возмущенія здѣсь нѣтъ и слѣда; гораздо больше преобладаетъ чувство

удовлетворенности, да что я говорю, даже радости, которымъ данъ полный просторъ, часто даже безъ малѣйшаго стѣсненія, безъ малѣйшей вуали, и еще чаще въ самой грубой формѣ. Это послѣднее въ особенности приложимо къ такъ называемымъ правящимъ кругамъ, къ образованнымъ, напримѣръ, къ профессіональнымъ политикамъ, къ учащему персоналу, къ чиновникамъ, офицерамъ, классу студентовъ. Торговые круги проявили нѣсколько больше сдержанности.

Всѣ же заявленія, исходящія изъ оффиціальныхъ сербскихъ круговъ или какихъ-либо отдѣльныхъ высшихъ лицъ, когда они желаютъ выразить негодованіе отъ покушенія, даже сквозь неодобреніе, производятъ на всякаго, кто за эти послѣдніе дни имѣлъ случай здѣсь, на мѣстѣ, проникнуть въ питаемыя образованной частью сербскаго населенія чувства, производятъ впечатлѣнія горькой насмѣшки.

Нижеподписавшійся въ день преступленія, около 9 ч. вечера, еще даже и не подозрѣвая о событіи, отправился въ одинъ кафе-ресторанъ. И только тутъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ сообщилъ мнѣ о разошедшемся въ самой категорической формѣ слухѣ. Было безпримѣрной пыткой наблюдать за многочисленными посѣтителями, слышать открытыя проявленія ихъ радости и разсужденія съ самымъ довольнымъ видомъ объ убійствѣ; проявленія веселости перемѣшивались съ сарказмами и насмѣшками. Хотя будучи давно привычнымъ къ подобнымъ взрывамъ царящаго здѣсь политическаго фанатизма, тѣмъ не менѣе я былъ ими глубоко подавленъ.

№ 6.

Баронъ Гисль графу Берхтольду.

Бѣлградъ, 21 іюля 1914 г.

Вотъ уже нѣсколько времени, какъ со дня мрачнаго покушенія 28 іюня я вернулся на мой постъ и могу позволить себѣ произнести мое сужденіе о царящемъ здѣсь состояніи умовъ.

Со времени вызваннаго аннексіей кризиса отношенія между Монархіей и Сербіей отравлены были поведеніемъ этой послѣдней: ея націоналистическимъ шовинизмомъ, ея враждебнымъ поведеніемъ и ея усиленной пропагандой пансербской идеи въ нашихъ населенныхъ сербами провинціяхъ.

Со времени двухъ послѣднихъ балканскихъ. войнъ одержанные Сербіей успѣхи довели ея шовинизмъ до пароксизма, и его проявленія иногда принимаютъ оттѣнокъ безумія.

Да будетъ мнѣ позволено не приводить примѣровъ этого и доказательствъ. Ихъ всегда и вездѣ сколько угодно можно набрать, какъ въ политическихъ сферахъ общества, такъ и въ низшихъ слояхъ населенія, словомъ, повсюду. Я принципіально считаю, это очевидно само собою, что сербская политика во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ задалась цѣлью отторженія отъ Австро-Венгріи тѣхъ изъ нашихъ провинцій, которыя населены юго-славянами, а затѣмъ стремится къ уничтоженію Монархіи, какъ великой Державы; другой цѣли она не признаетъ.

Правдивость этого сужденія можетъ подтвердить всякій, кому пришлось пробыть и проработать въ этой средѣ хоть одну только недѣлю. Вслѣдствіе же послѣднихъ событій, произведшихъ на политическія чувства особенное впечатлѣніе (и въ числѣ такихъ событій я считаю сараевское покушеніе, смерть Гартвига и избирательную кампанію), ненависть къ Монархіи стала еще глубже.

Сараевское покушеніе произвело на сербовъ впечатлѣніе какого-то миража: они увѣровали, что тотъ неминуемый развалъ государствъ Габсбурговъ, на который они расчитывали уже раньше, теперь совершится еще скорѣе, въ ближайшемъ будущемъ; точно также они вообразили, что населенные юго-славянами земли отложатся сами отъ Монархіи; что въ Босніи - Герцеговинѣ вспыхнетъ революція; что вѣрность славянскихъ полковъ дѣло сомнительное. Всѣ эти предположенія въ ихъ умѣ преобразились въ дѣйствительные факты, заключали въ себѣ, при ихъ націоналистическомъ безумствѣ, извѣстную логичность и съ виду подтверждались.

Предметъ ихъ ненависти, Австро-Венгрія, впредь казалась Сербамъ Государствомъ лишеннымъ силъ и даже не заслуживающимъ того, чтобы съ нимъ воевать; проникшись презрѣніемъ и ненавистью къ нему, они уже предвидѣли его легкое паденіе, словно подгнившаго дерева, въ лоно пансербской имперіи, возникновеніе которой должно было быть дѣломъ ближайшаго будущаго.

Даже стоящіе внѣ крайнихъ партій листки въ ежедневныхъ статьяхъ толкуютъ о безсиліи и развалѣ сосѣдней Монархіи и, не боясь наказанія, безстыдно поносятъ различные ея органы.

Они не щадятъ далѣе августѣйшей персоны нашего Государя. Даже правительственный органъ даетъ понять, что

единственная причина отвратительнаго преступленія заключается въ нынѣшнемъ положеніи вещей въ Австро-Венгріи. Боязни отвѣтственности больше не существуетъ. Сербскій народъ уже долгіе годы воспитывается газетами, и политика здѣсь всегда зависитъ отъ партійной прессы. Однимъ изъ плодовъ такого воспитанія оказалась пансербская пропаганда, а ея чудовищнымъ дѣтищемъ является покушеніе 28 іюня.

Я умалчиваю объ обвиненіяхъ и подозрѣніяхъ по поводу смерти Гартвига; онѣ граничатъ съ безуміемъ, а по словамъ „Times'a" — съ бредомъ. Я ничего не буду говорить объ организованной печатью кампаніи лжи, которая, несомнѣнно, приведетъ къ тому, что у сербовъ укрѣпится такое убѣжденіе, что австро-венгерское Правительство и его представители стоятъ внѣ закона и что мы должны считать за лестныя наименованія такія выраженія, какъ убійца, каналья, безстыжій австріякъ.

Смерть Гартвига, когда оцѣнили всю тяжесть этой потери, положила въ политическихъ кругахъ начало фанатическому культу покойнаго; но при этихъ обстоятельствахъ не только руководились благодарностью къ прошлымъ заслугамъ, но еще больше того заботою о будущемъ; покорность и раболѣпство предъ Россіей удвоились; ея благоволеніемъ хотѣли заручиться на будущее время.

Въ качествѣ третьяго фактора слѣдуетъ помѣстить избирательную кампанію, для которой всѣ партіи выдвинули общую „платформу", а именно враждебное отношеніе къ Австро-Венгріи. Ни одна изъ стремящихся къ власти партій не желаетъ быть заподозрѣнной въ слабости или снисходительности къ Монархіи: приказъ по всему фронту на время избирательной кампаніи—бить Австро-Венгрію.

Монархію считаютъ безсильной какъ по внутреннимъ, такъ и по внѣшнимъ соображеніямъ; неспособной на какія-либо энергичныя дѣйствія; и думаютъ, что раздавшіяся у насъ въ авторитетныхъ сферахъ серьезныя слова были не больше какъ „блэфъ".

Взятые Императорскимъ и Королевскимъ военнымъ министромъ и начальниками Генеральныхъ штабовъ отпуски еще больше укрѣпили убѣжденіе въ томъ, что отнынѣ слабость Австро-Венгріи вполнѣ очевидна.

Я позволилъ себѣ злоупотребить терпѣніемъ Вашего Превосходительства отнюдь не потому, что думалъ, что привожу въ этомъ докладѣ какіе-либо новые факты, а потому, что полагаю, что это описаніе должно быть отправнымъ пунктомъ къ нижеслѣдующему общеобязательному заклю-

ченію: для сохраненія Монархіей ея великодержавннаго положенія—больше того—для обезпеченія самаго ея существованія въ качествѣ великой Державы невозможно на долгое время избѣжать расчета съ Сербіей, т.-е. войны.

Если мы промедлимъ пролить свѣтъ на наши отношенія съ Сербіей, то будемъ отчасти виновны въ тѣхъ затрудненіяхъ и неблагопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ, которыя встрѣтятся намъ въ той борьбѣ, которую рано или поздно придется вести.

Для любого мѣстнаго наблюдателя и представителя австро-венгерскихъ интересовъ въ Сербіи вопросъ ставится такимъ образомъ: возможно ли намъ дольше терпѣть новыя посягательства на нашъ престижъ?

Если, вслѣдствіе этого, мы рѣшаемся предъявить широкія требованія, связанныя съ дѣйствительнымъ контролемъ (такъ какъ лишь онъ одинъ позволитъ намъ очистить эти Авгіевы конюшни, гдѣ плетутся пансербскія козни), то въ такомъ случаѣ намъ необходимо взвѣсить всѣ возможныя послѣдствія и съ самаго начала вооружиться твердою и сильною волей выдержать до конца.

Всякія полумѣры и влекущія за собою долгіе переговоры и кончающіеся какимъ-нибудь побочнымъ компромиссомъ требованія, вотъ тотъ самый жестокій ударъ, который можетъ обрушиться на Австро-Венгрію въ Сербіи и на ея великодержавное положеніе въ Европѣ.

№ 7.

Графъ Берхтольдъ барону фонъ-Гислю въ Бѣлградѣ.

Вѣна, 22 іюля 1914 г.

Благоволите, Господинъ Посланникъ, вручить въ ближайшій четвергъ 23-го іюля послѣ полудня Королевскому Правительству слѣдующую ноту:

18/31 марта 1909 г. Королевскій сербскій Посланникъ при вѣнскомъ Дворѣ сдѣлалъ, по приказанію своего Правительства, Императорскому и Королевскому Правительству слѣдующее заявленіе:

„Сербія признаетъ, что права ея не были затронуты совершившимся въ Босніи фактомъ, и что, слѣдовательно, она

будетъ сообразоваться съ тѣми рѣшеніями, которыя будутъ приняты Державами въ силу ст. 25 Берлинскаго трактата.

Всецѣло подчиняясь совѣтамъ великихъ Державъ, Сербія обязуется отказаться отъ того положенія протеста и оппозиціи, которое она занимала по вопросу объ аннексіи съ октября мѣсяца и обязуется, кромѣ того, измѣнить курсъ своей настоящей политики по отношенію къ Австро-Венгріи, чтобы впредь жить съ названной Державой въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ исторія этихъ послѣднихъ лѣтъ и въ частности прискорбное событіе 15/28 іюня доказали существованіе въ Сербіи революціоннаго движенія, имѣющаго цѣлью отторгнуть отъ австро-венгерской Монархіи нѣкоторыя части ея территоріи.

Движеніе это, зародившееся на глазахъ у сербскаго Правительства, впослѣдствіи стало проявляться за предѣлами территоріи Королевства въ актахъ террора, въ серіи покушеній и въ убійствахъ. Королевское сербское Правительство не только не выполнило формальныхъ обязательствъ, заключающихся въ деклараціи 18/31 марта 1909 г., но даже не приняло никакихъ мѣръ, чтобы подавить это движеніе.

Оно допускало преступную дѣятельность различныхъ обществъ и организацій, направленную противъ Монархіи, распущенный тонъ въ печати, прославленіе виновниковъ покушенія, участіе офицеровъ и чиновниковъ въ революціонныхъ выступленіяхъ; оно допускало вредную пропаганду въ учебныхъ заведеніяхъ и, наконецъ, всякія манифестаціи, которыя могли возбудить въ сербскомъ населеніи ненависть къ Монархіи и презрѣніе къ ея установленіямъ.

Эта допущенная Королевскимъ сербскимъ Правительствомъ терпимость не прекратилась даже въ моментъ, когда событія 15/28 прошлаго іюня показали всему міру ея прискорбныя послѣдствія. Изъ показаній и признаній преступныхъ виновниковъ покушенія 15/28 іюня явствуетъ, что сараевское убійство было подготовлено въ Бѣлградѣ, что оружіе и взрывчатыя вещества, которыми оказались снабжены убійцы, были даны имъ сербскими офицерами и чиновниками, входящими въ составъ „Народной Одбраны", и что, наконецъ, переѣздъ преступниковъ съ ихъ оружіемъ въ Боснію былъ организованъ и осуществленъ сербскими пограничными властями.

Результаты слѣдствія не позволяютъ австро-венгерскому Правительству сохранять долѣе то выжидательное и терпѣливое положеніе, которое оно занимало въ теченіе ряда лѣтъ

по отношенію къ этимъ дѣйствіямъ, имѣвшимъ свой центръ въ Бѣлградѣ и пропагандировавшимся оттуда въ предѣлахъ территоріи Монархіи.

Напротивъ того, эти результаты возлагаютъ на Императорское Королевское Правительство обязанность положить конецъ этимъ махинаціямъ, являющимся постоянной угрозой для спокойствія Монархіи. Для достиженія этой цѣли Императорское Королевское Правительство находится вынужденнымъ потребовать отъ сербскаго Правительства формальнаго завѣренія въ томъ, что оно осуждаетъ опасную пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, то-есть всю совокупность тенденцій, клонящихся, въ концѣ концовъ, къ отторженію отъ Монархіи принадлежащихъ ей провинцій, и что оно обязуется принять всѣ мѣры для подавленія этой преступной и террористической пропаганды.

Дабы придать торжественный характеръ этому обязательству, Королевское сербское Правительство опубликуетъ на первой страницѣ своей Оффиціальной Газеты отъ 13/26 іюля нижеслѣдующее заявленіе:

„Королевское сербское Правительство осуждаетъ пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, то-есть всю совокупность тенденцій, имѣющихъ конечной цѣлью отторженіе отъ австро-венгерской Монархіи принадлежащихъ ей территорій, и весьма искренно сожалѣетъ объ ужасныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій.

Королевское сербское Правительство сожалѣетъ, что сербскіе офицеры и чиновники участвовали въ вышеупомянутой пропагандѣ и такимъ образомъ скомпрометировали тѣ добрососѣдскія отношенія, поддерживать которыя Королевское сербское Правительство торжественно обязалось въ своей деклараціи, отъ 18/31 марта 1909 года.

Королевское сербское Правительство, порицая также и отвергая всякую мысль или попытку вмѣшиваться въ поведеніе обитателей какой бы то ни было части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ обратить особое вниманіе офицеровъ, чиновниковъ, равно какъ и всего населенія Королевства на то, что отнынѣ оно будетъ принимать самыя суровыя мѣры противъ тѣхъ лицъ, которыя окажутся виновными въ подобныхъ дѣйствіяхъ, и что оно всѣми своими силами будетъ предупреждать и подавлять ихъ“.

Это заявленіе въ то же самое время будетъ объявлено Королевской арміи дневнымъ приказомъ его Величества Короля и будетъ опубликовано въ „Оффиціальномъ Армейскомъ Бюллетенѣ“.

„Королевское Правительство, кромѣ того, обязуется:

1) Воспретить всякія изданія, возбуждающія ненависть и презрѣніе къ Монархіи и проникнутыя общей тенденціей, направленной противъ территоріальной неприкосновенности Имперіи.

2) Немедленно распустить общество, называемое „Народна Одбрана“, конфисковать всѣ средства пропаганды и принять тѣ же мѣры противъ другихъ обществъ и учрежденій въ Сербіи, занимающихся пропагандой противъ австро-венгерской Монархіи. Королевское Правительство приметъ необходимыя мѣры къ тому, дабы упраздненныя Общества не продолжали свою дѣятельность подъ другимъ названіемъ и въ другой формѣ;

3) Неотложно исключить изъ дѣйствующихъ въ Сербіи программъ учебныхъ заведеній, какъ въ отношеніи личнаго состава учащихъ, такъ и въ отношеніи пособій при обученіи, все то, что служитъ или можетъ служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи.

4) Удалить съ военной и вообще административной службы всѣхъ офицеровъ и должностныхъ лицъ, виновныхъ въ пропагандѣ противъ Австро-Венгріи, фамиліи которыхъ австровенгерское Правительство оставляетъ за собою право опубликовывать, сообщая въ то же время сербскому Правительству собранныя противъ нихъ улики.

5) Допустить сотрудничество въ Сербіи австро-венгерскихъ агентовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленнаго противъ территоріальной неприкосновенности Монархіи.

6) Произвести судебное разслѣдованіе противъ всѣхъ участниковъ заговора 15/28 іюня, находящихся на сербской территоріи; при чемъ лица, командированныя австро-венгерскимъ Правительствомъ, примутъ участіе въ этихъ розыскахъ.

7) Срочно арестовать майора Войю Танкосича и нѣкоего сербскаго чиновника, Милана Цыгановича, скомпрометированнаго результатами разслѣдованія.

8) Воспретить энергичными мѣрами всякое содѣйствіе сербскихъ властей тайному провозу оружія и взрывчатыхъ веществъ черезъ границу. Уволить и подвергнуть строгому наказанію чиновъ пограничной службы въ Шабацѣ и Лозницѣ, виновныхъ въ содѣйствіи совершителямъ сараевскаго покушенія, облегченіемъ имъ перехода границы.

9) Представить австро-венгерскому Правительству объясненія по поводу неумѣстныхъ выраженій высшихъ сербскихъ чиновъ, которые, несмотря на свое оффиціальное по-

ложеніе, позволили себѣ какъ въ Сербіи, такъ и за границей послѣ покушенія 15/28 іюня высказываться въ бесѣдахъ во враждебномъ по отношенію къ Австро-Венгріи тонѣ.

10) Безъ замедленія увѣдомить Императорское Королевское Правительство объ осуществленіи вышеуказанныхъ мѣръ въ предыдущихъ параграфахъ.

Австро-венгерское Правительство ожидаетъ отвѣта Королевскаго Правительства самое позднее до 6 час. вечера субботы 12/25 сего мѣсяца.

Къ этой нотѣ приложенъ особый меморандумъ, относительно результатовъ начатаго въ Сараевѣ слѣдствія, касательно вышеупомянутыхъ въ 7-мъ и 8-мъ пунктахъ чиновниковъ.

Приложеніе.

Уголовное слѣдствіе, начатое сараевскимъ судомъ противъ Гаврилы Принципа и соумышленниковъ совершеннаго ими 15/28 истекшаго іюня преступленія,—пришло до настоящаго времени къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Планъ убійства Эрцгерцога Франца-Фердинанда во время пребыванія его въ Сараевѣ, былъ задуманъ въ Бѣлградѣ Гаврилою Принципомъ, Недѣлькой Кабриновичемъ, нѣкіимъ Миланомъ Цыгановичемъ и Трифкой Грабецомъ при содѣйствіи майора Войи Танкосича.

2) 6 бомбъ и 4 пистолета браунинга, которыми виновные совершили покушеніе, были доставлены въ Бѣлградъ и вручены Принципу, Кабриновичу и Грабецу нѣкіимъ Миланомъ Цыгановичемъ и майоромъ Войей Танкосичемъ.

3) Бомбы представляютъ собою ручныя гранаты изъ склада военныхъ припасовъ сербской арміи въ Крагуевацѣ.

4) Чтобы обезпечить успѣхъ покушенія, Цыгановичъ обучалъ Принципа, Кабриновича и Грабеца обращенію съ гранатами и давалъ Принципу и Грабецу уроки стрѣльбы изъ пистолетовъ браунингъ въ лѣсу близъ стрѣльбища у Топчидера.

5) Чтобы дать возможность Принципу, Кабриновичу и Грабецу перейти границу Босніи-Герцеговины и тайно перевезти свою контрабанду вооруженія, Цыгановичемъ была организована особая секретная система перевозки.

Проникновеніе въ Боснію-Герцеговину злоумышленниковъ и ихъ оружія было разрѣшено таможенными поручиками въ Шабацѣ (Радо Поповичемъ) и въ Лозницѣ, а также таможен-

нымъ досмотрщикомъ Рудивоемъ Грибичемъ изъ Лозницы, при содѣйствіи многихъ частныхъ лицъ.

При врученіи прилагаемой при семъ ноты благоволите устно добавить, что въ случаѣ, если отвѣтъ Королевскаго Правительства съ безусловнымъ согласіемъ его не дойдетъ до васъ по истеченіи указаннаго въ нотѣ сорока-восьми часового срока,—который считается со дня и часа врученія вашего сообщенія,—то вы уполномочены покинуть Бѣлградъ совсѣмъ персоналомъ Императорскаго и Королевскаго посольства.

№ 8.

Графъ Берхтольдъ Императорскимъ и Королевскимъ посламъ, въ Берлинѣ, Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Петербургѣ и Константинополѣ.

Вѣна, 22 іюля 1914 г.

Императорское и Королевское Правительство оказалось вынужденнымъ адресовать черезъ посредство Императорскаго и Королевскаго посла въ Бѣлградѣ, въ четвергъ 23-го текущаго мѣсяца, слѣдующую ноту Королевскому сербскому Правительству. (См. инструкціи Императорскому и Королевскому посланнику въ Бѣлградѣ, отъ 22 іюля 1914 г.).

Имѣю честь предложить Вашему Превосходительству благоволить довести содержаніе этой ноты до свѣдѣнія Правительства, при которомъ вы аккредитованы, добавивъ къ этому сообщенію нижеслѣдующій комментарій:

31 марта 1909 года Королевское сербское Правительство адресовало Австро-Венгріи заявленіе, текстъ котораго приводится выше.

На другой же день послѣ этого заявленія, Сербія вступила на такой политическій путь, который направленъ къ внушенію превратныхъ идей сербскимъ подданнымъ австровенгерской Монархіи и къ подготовленію такимъ образомъ отторженія смежныхъ съ Сербіей австро-венгерскихъ территорій.

Сербія сдѣлалась очагомъ преступной агитаціи.

Не замедлили образоваться общества и группы, которыя открыто или секретно имѣли цѣлью вызывать безпорядки на австро-венгерской территоріи. Общества и группы эти въ

числѣ своихъ членовъ имѣли генераловъ и дипломатовъ, государственныхъ чиновниковъ и судей, словомъ, самые верхи оффиціальнаго и неоффиціальнаго міра Королевства.

Сербская печать почти цѣликомъ находится на службѣ у этой, направленной противъ Австро-Венгріи, пропаганды; и безъ того не проходитъ дня, чтобы органы сербской прессы не подстрекали своихъ читателей на ненависть и презрѣніе сосѣдней Монархіи или на болѣе или менѣе открыто направленныя покушенія противъ ея безопасности и неприкосновенности.

Значительное число агентовъ призвано всевозможными средствами поддерживать агитацію противъ Австро-Венгріи и соблазнять молодежь пограничныхъ областей этихъ странъ.

Духъ заговоровъ въ средѣ сербскихъ политиковъ, тотъ духъ, кровавые слѣды котораго запятнали лѣтописи Королевства, замѣтно развился со времени послѣдняго балканскаго кризиса; разныя, до сихъ поръ являвшіяся участниками работавшихъ въ Македоніи шаекъ личности, явились съ предложеніемъ своихъ услугъ для террористической пропаганды, направленной противъ Австро-Венгріи.

Несмотря на явность этой агитаціи, которой Австро-Венгрія подвергается цѣлые годы, сербское Правительство не сочло своимъ долгомъ принять хотя бы малѣйшія мѣры противодѣйствія. И такимъ образомъ сербское Правительство не исполнило своего долга, который возложенъ на него торжественной деклараціей 31 марта 1909 года, а равно, такимъ же образомъ оно оказалось въ противорѣчіи съ волею Европы и съ принятымъ имъ на себя обязательствомъ по отношенію къ Австро-Венгріи.

Долготерпѣніе Императорскаго и Королевскаго Правительства въ отношеніи вызывающаго поведенія Сербіи, внушено территоріальнымъ безкорыстіемъ австро-венгерской Монархіи и надеждой, что сербское Правительство въ концѣ концовъ оцѣнитъ все-таки дѣйствительную дружбу Австро-Венгріи. Проявляя благосклонное отношеніе къ политическимъ интересамъ Сербіи, Императорское и Королевское Правительство надѣялось, что Королевство тоже, въ концѣ концовъ, рѣшится со своей стороны избрать такое же поведеніе. Въ особенности Австро-Венгрія ожидала такой перемѣны въ политическихъ идеяхъ Сербіи послѣ того, какъ вслѣдъ за событіями 1912 года, Императорское и Королевское Правительство своимъ безкорыстнымъ и незлопамятнымъ отношеніемъ допустило возможность столь значительнаго увеличенія Сербіи.

Тѣмъ не менѣе проявленіе такой благосклонности со стороны Австро-Венгріи въ отношеніи сосѣдняго Государства нисколько не измѣнило поведенія Королевства, которое продолжало допускать на своей территоріи пропаганду, печальныя послѣдствія которой обнаружились передъ всѣмъ міромъ 28 истекшаго іюня, въ тотъ день, когда предполагаемый наслѣдникъ Монархіи со своей сіятельной супругою сдѣлались жертвами затѣяннаго въ Бѣлградѣ заговора.

Въ виду такого положенія вещей, Императорское и Королевское Правительство должно было предпринять въ Бѣлградѣ новыя настойчивыя попытки, дабы заставить сербское Правительство остановить поджигательное движеніе, угрожавшее безопасности и неприкосновенности австро-венгерской Монархіи.

Императорское Королевское Правительство убѣждено, что, предпринимая эти попытки, оно находится въ полномъ согласіи съ чувствами всѣхъ цивилизованныхъ націй, которыя не могутъ допустить, чтобы цареубійство сдѣлалось такимъ оружіемъ, которымъ безнаказанно можно пользоваться въ политической борьбѣ и чтобы европейскій миръ безпрестанно находился подъ угрозой, благодаря исходящей изъ Бѣлграда агитаціи.

Въ подтвержденіе всего вышеизложеннаго Императорское и Королевское Правительство предоставляетъ въ распоряженіе Правительства, при которомъ вы аккредитованы, собраніе документовъ, освѣщающихъ сербскія козни и существующую между этими кознями и убійствомъ 28 іюня связь.

Одинаковое сообщеніе адресовано Императорскимъ и Королевскимъ представителямъ при прочихъ великихъ Державахъ.

Копію этой депеши вы уполномочены вручить г. министру иностранныхъ Дѣлъ.

№ 9.

Графъ Берхтольдъ графу Менсдорфу въ Лондонѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 23 іюля 1915 г.

Въ виду желательности добиться отъ Англіи, ранѣе другихъ Державъ Тройственнаго согласія, объективнаго сужденія о предпринимаемомъ нами сегодня въ Бѣлградѣ шагѣ, прошу Ваше Превосходительство, во время вашего пред-

стоящаго разговора со статсъ-секретаремъ по поводу этой циркулярной ноты, высказать въ Foreign Office, что отъ Сербіи зависѣло ослабить строгій характеръ этого серьезнаго нашего выступленія, котораго она должна была отъ насъ ожидать. Она сама могла бы добровольно принять всѣ необходимыя мѣры къ вчиненію на сербской территоріи слѣдствія о виновникахъ покушенія 28-го текущаго мѣсяца, и раскрыть то соумышленничество, которое, насколько это касается покушенія, что и доказано, руководило въ Сараевѣ изъ Бѣлграда.

Но сербское Правительство до сего дня ничего еще не предприняло въ этомъ направленіи, хотя значительное число достовѣрно извѣстныхъ уликъ намъ позволяетъ обратиться къ Бѣлграду; оно, наоборотъ, пыталось уничтожить существующіе слѣды.

Такъ телеграфное донесеніе нашего посланника въ Бѣлградѣ сообщаетъ намъ, что замѣшанный, судя по согласнымъ показаніямъ преступниковъ, въ покушеніи сербскій государственный чиновникъ Цыгановичъ въ день покушенія еще находился въ Бѣлградѣ, но три дня спустя, когда его фамилія сообщена была газетами, онъ уже покинулъ городъ. Общеизвѣстно также, что начальникъ сербской прессы самъ заявилъ, что Цыгановичъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ Бѣлградѣ.

Что касается краткости назначеннаго для отвѣта на наши просьбы срока, то его слѣдуетъ приписать нашему старому знакомству съ увертливыми пріемами Сербіи. Что же касается требованій, которымъ должна подчиниться Сербія, и которыя содержатъ лишь самыя естественныя для желающихъ жить въ мирѣ и во взаимномъ пониманіи Государствъ вещи, то мы не можемъ допустить, чтобы онѣ стали матеріаломъ для споровъ и компромиссовъ; и принимая во вниманіе наши политическіе и экономическіе интересы, мы не можемъ пойти на такую политическую методу, которая позволила бы Сербіи затянуть, какъ ей заблагоразсудится, открывшійся кризисъ.

№ 10.

Графъ Менсдорфъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Лондонъ, 24 іюля 1914 г.

Только-что передалъ циркуляръ сэру Эд. Грэю, который внимательно прочиталъ его съ начала до конца.

Дойдя до параграфа 5-го, онъ спросилъ, какой надлежитъ придавать ему смыслъ; введенiе органовъ нашего Правительства въ Сербiи, по его мнѣнiю, было бы равносильно прекращенiю политической независимости Сербiи. Я отвѣчалъ, что сотрудничество, напримѣръ, органовъ полицiи не причинитъ никакого посягательства на сербскую государственность.

Онъ пожалѣлъ объ ограниченности времени, такъ какъ благодаря этому нельзя дождаться успокоенiя перваго возбужденiя и затѣмъ оказать въ Бѣлградѣ нѣкоторое давленiе въ пользу полученiя удовлетворительнаго отвѣта. Ультиматумъ представить всегда будетъ время, если отвѣтъ окажется непрiемлемымъ.

Я подробно изложилъ нашу точку зрѣнiя (необходимость для насъ защищаться отъ безпрестанно угрожающихъ территорiямъ Монархiи революцiонныхъ попытокъ; защищать наши жизненные интересы; наблюдаемая до сихъ поръ полная безуспѣшность примирительнаго отношенiя къ Сербiи, доказательства чему имѣются въ изобилiи; развѣ Сербское Правительство не медлило три недѣли, чтобы начать слѣдствiе касательно соучастничества въ покушенiи? и т. п.).

Статсъ-секретарь повторилъ мнѣ, что краткость назначеннаго срока все же заставляетъ его задуматься; но, не говоря о многихъ другихъ нашихъ требованiяхъ, онъ призналъ, что все, высказываемое нами касательно соучастничества въ сараевскомъ преступленiи,—основательно.

Что касается до него, то онъ расположенъ считать это дѣло интересующимъ только Австро-Венгрiю и Сербiю. Но онъ опасается, какъ бы не были втянуты въ войну многiя великiя Державы. Говоря о Россiи, Германiи и Францiи, онъ замѣтилъ, что условiя Франко-Русскаго союза, несомнѣнно, проредактированы почти въ такихъ же выраженiяхъ, какъ условiя Тройственнаго союза.

Я подробно изъяснилъ ему нашу точку зрѣнiя и категорически повторилъ, что въ данномъ случаѣ мы принуждены были быть непреклонны, дабы обезпечить себѣ хоть въ извѣстной мѣрѣ гарантiи, такъ какъ до сихъ поръ всѣ сербскiя обѣщанiя оставались безрезультатными. Я понимаю, сказалъ я ему, что онъ смотритъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнiя потрясенiя европейскаго мира; но чтобы справедливо судить о нашихъ взглядахъ, ему надлежитъ поставить себя въ наше положенiе.

Онъ отвѣтилъ мнѣ, что не хотѣлъ бы входить въ болѣе глубокiя разсужденiя по этому предмету, что, кромѣ того,

ему надлежитъ подвергнуть эту ноту болѣе внимательному изученію, что онъ прежде всего созоветъ пословъ Германіи и Франціи, такъ какъ сначала желаетъ вызвать обмѣнъ ихъ, какъ незаинтересованныхъ въ Сербіи мнѣній съ послами Австро-Венгріи и Россіи.

№ 11.

Графъ Сеченъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Парижъ, 24 іюля 1914 г.

Я только-что далъ министру Юстиціи, который замѣняетъ отсутствующаго министра иностранныхъ Дѣлъ, прочитать инструкціи отъ 22-го сего мѣсяца и оставилъ ему ихъ копію. Г. Бьянвеню-Мартэнъ, который уже познакомился съ содержаніемъ нашей ноты по утреннимъ газетамъ, показался мнѣ довольно взволнованнымъ моимъ сообщеніемъ. Не входя въ подробное обсужденіе текста, онъ охотно согласился, что вслѣдствіе событій послѣдняго времени и вслѣдствіе избраннаго сербскимъ Правительствомъ образа дѣйствій, энергичное выступленіе съ нашей стороны ему представляется вполнѣ естественнымъ.

Параграфъ 5-ый врученной въ Бѣлградѣ ноты, повидимому, поразилъ его въ особенности, такъ какъ онъ заставилъ его прочитать два раза.

Министръ поблагодарилъ меня за мое сообщеніе и сказалъ мнѣ, что оно будетъ основательно изучено. Пользуясь этимъ случаемъ, я далъ понять, что рѣчь идетъ о такомъ вопросѣ, который долженъ быть разрѣшенъ непосредственно между нами и Сербіей; но что въ общихъ европейскихъ интересахъ требуется, чтобы длящаяся цѣлые годы, благодаря махинаціямъ Сербіи, неувѣренность смѣнилась опредѣленнымъ положеніемъ.

Поэтому всѣ друзья мира и порядка,—а въ числѣ этихъ послѣднихъ я Францію считаю во главѣ всѣхъ, — должны серьезно посовѣтовать Сербіи радикально измѣнить свое поведеніе и считаться съ нашими справедливыми требованіями.

Министръ согласился, что Сербія должна была энергично дѣйствовать противъ предполагаемыхъ сараевскихъ убійцъ; это такой долгъ, отъ котораго Сербія, конечно, не уклонится.

Съ подчеркиваніемъ упомянувъ о симпатіяхъ Франціи къ Австро-Венгріи и о добрыхъ отношеніяхъ между обѣими странами, онъ выразилъ надежду, что этотъ спорный вопросъ разрѣшенъ будетъ мирнымъ порядкомъ и въ соотвѣтствіи съ нашими желаніями. Министръ старательно избѣгалъ оправдывать или какимъ бы то ни было образомъ защищать поведеніе Сербіи.

№ 12.

Графъ Сеченъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Парижъ, 24 іюля 1914 г.

Согласно съ его инструкціями баронъ фонъ-Шэнъ заявилъ сегодня въ Парижѣ, что нашъ раздоръ съ Сербіей, по мнѣнію берлинскаго Кабинета, является дѣломъ, касающимся только Австро-Венгріи и Сербіи.

Взявъ это заявленіе за отправную точку, онъ провелъ ту мысль, что въ случаѣ, если въ это дѣло вмѣшаются третьи державы, то вѣрная своимъ союзнымъ обязательствамъ Германія окажется на нашей сторонѣ.

№ 13.

Графъ Сеченъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Парижъ, 24 іюля 1914 г.

Баронъ фонъ-Шэнъ только-что выполнилъ возложенное на него порученіе. Г. Бьянвеню-Мартэнъ сказалъ ему, что пока еще не можетъ высказаться въ окончательной формѣ; но онъ, во всякомъ случаѣ, уже теперь можетъ ему сказать, что французское Правительство тоже того мнѣнія, что нашъ раздоръ съ Сербіей касается только Вѣны и Бѣлграда и что здѣсь надѣются, что этотъ вопросъ получитъ свое непосредственное и мирное развитіе

Сербскому Правительству, черезъ сербскаго посланника въ Парижѣ, уже преподанъ совѣтъ сдѣлать всѣ возможныя уступки, но, во всякомъ случаѣ, со слѣдующей оговоркой:

„въ такихъ предѣлахъ, чтобы не было совершено посягательства на государственныя права Сербіи“.

Баронъ фонъ-Шэнъ настаивалъ на необходимости для Европы разъ навсегда истребить въ Бѣлградѣ этотъ очагъ вѣчной смуты.

№ 14.

Графъ Сапари графу Берхтольду.

(Телеграмма). Петербургъ, 24 іюля 1914 г.

Принимая меня министръ иностранныхъ Дѣлъ сказалъ мнѣ, что знаетъ цѣль моего визита и теперь же можетъ заявить, что не приметъ какого-либо рѣшенія по поводу моего шага. Я началъ съ того, что далъ ему прочитать мои инструкціи. Въ первый разъ министръ прервалъ меня, когда я дошелъ до перечня покушеній; и когда я представилъ ему по этому поводу разъясненія, то онъ спросилъ меня, дѣйствительно ли доказано, что всѣ они происходили изъ Бѣлграда. Я замѣтилъ, что они были послѣдствіемъ сербскихъ провокацій. Затѣмъ, во время чтенія, онъ заявилъ, что знаетъ, къ чему все это клонится: мы хотимъ воевать съ Сербіей, и все это является только предлогомъ. Я возразилъ, что наше поведеніе за эти послѣдніе годы съ избыткомъ доказало, что мы не искали предлоговъ противъ Сербіи и не имѣемъ въ нихъ никакой надобности. Требуемыя нами отъ Сербіи торжественныя заявленія не вызвали со стороны министра никакихъ замѣчаній; но онъ, во всякомъ случаѣ, все время старался подчеркнуть, что Пашичъ уже высказался въ томъ же тонѣ, чего я не могъ не признать правильнымъ. „Онъ это повторитъ вамъ, если хотите, двадцать пять разъ“,—добавилъ онъ. Я возразилъ, что у насъ никто и не собирается посягать на неприкосновенность Сербіи или на ея династію. Въ особенности г. Сазоновъ возсталъ противъ распущенія Народной Одбраны; на это Сербія никогда не согласится. Участіе австро-венгерскихъ чиновниковъ въ подавленіи революціоннаго движенія вызвало со стороны г. Сазонова новое замѣчаніе: „Но въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ,—Сербія не будетъ больше у себя хозяйкой; вамъ захочется вмѣшиваться по всякому поводу; какое же существованіе вы готовите Европѣ!“ Я отвѣтилъ, что если Сербія проявитъ свою добрую волю, то Европа будетъ такъ спокойна, какъ она еще не была до сихъ поръ.

Приложенный къ нотѣ комментарій министръ выслушалъ довольно спокойно. При чтеніи же фразы, что мы находимся въ полномъ согласіи съ чувствами всѣхъ цивилизованныхъ націй, онъ высказалъ мнѣніе, что это ошибочно. Тогда я, со всею, на какую способенъ, энергіей, высказалъ ему, до чего было бы печально, если бы въ такомъ вопросѣ, гдѣ замѣшано то, что мы имѣемъ самаго священнаго,—что одинаково примѣнимо и къ Россіи, мы, вопреки замѣчаніямъ министра, не нашли бы сочувственнаго отзвука въ его странѣ. Но министръ постарался умалить значеніе этого дѣла съ монархической точки зрѣнія.

По поводу собранія документовъ, предоставляемаго нами въ распоряженіе правительствъ, г. Сазоновъ задался вопросомъ, зачѣмъ намъ понадобилось надъ этимъ трудиться, разъ мы уже вручили нашъ ультиматумъ. Это лучше всего доказываетъ, сказалъ онъ, что мы совсѣмъ не расположены къ безпристрастному разслѣдованію этого спорнаго вопроса. Я сказалъ ему, что добытыхъ нашимъ собственнымъ слѣдствіемъ результатовъ достаточно для нашего вмѣшательства въ дѣло, единственно касающагося Австро-Венгріи и Сербіи, и что въ случаѣ, если этимъ заинтересуются державы, мы готовы представить имъ дополнительныя свѣдѣнія, такъ какъ намъ скрывать нечего.

Г. Сазоновъ заявилъ мнѣ, что теперь, послѣ ультиматума, ему это, собственно говоря, не интересно. Судя по его изложенію дѣла, вопросъ для насъ, съ виду, идетъ о томъ, чтобы во что бы то ни стало воевать съ Сербіей. Я возразилъ, что мы были самой миролюбивой Державой въ мірѣ; единственнымъ нашимъ желаніемъ было оградить нашу страну отъ чужеземныхъ революціонныхъ козней, а нашу династію—отъ бомбъ.

Въ продолженіе нашихъ дальнѣйшихъ объясненій г. Сазоновъ вскользь еще разъ замѣтилъ, что мы, во всякомъ случаѣ, создали трудное положеніе. Вопреки своему относительному спокойствію, министръ явно держалъ себя противникомъ, не желающимъ раздѣлить наши взгляды.

№ 15.

Сообщеніе русскаго «Правительственнаго Вѣстника».

(Телеграмма.) Петербургъ, 24 іюля 1914 г.

Петербургское Телеграфное Агентство сообщаетъ, что правительственный органъ публикуетъ слѣдующее сообщеніе:

Правительство весьма озабочено наступившими событіями и посылкой Австро-Венгріей ультиматума Сербіи. Правительство зорко слѣдитъ за развитіемъ сербско-австрійскаго столкновенія, къ которому Россія не можетъ оставаться равнодушной.

№ 16.

Графъ Сапари графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Петербургъ, 24 іюля 1914 г.

Послѣ совѣщанія министровъ, длившагося пять часовъ, г. Сазоновъ вечеромъ принялъ германскаго посла и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ. Министръ высказалъ такой взглядъ, который несомнѣнно слѣдуетъ разсматривать за результатъ совѣщанія Совѣта министровъ, а именно, что конфликтъ между Австро-Венгріей и Сербіей не является дѣломъ, ограничивающимся этими двумя Государствами, но дѣломъ европейскимъ, такъ какъ засвидѣтельствованное сербскимъ заявленіемъ 1909 г. соглашеніе заключено было подъ покровительствомъ всей Европы.

Министръ далъ понять, что въ особенности досадное впечатлѣніе произведено на него тѣмъ, что Австро-Венгрія тогда представила для изученія собраніе документовъ, когда уже врученъ былъ ультиматумъ. „Россія, сказалъ онъ, потребовала бы, чтобы предоставляемые въ ея распоряженіе документы повергнуты были на разсмотрѣніе всѣхъ націй“. Тогда мой германскій коллега тотчасъ же замѣтилъ г. Сазонову, что Австро-Венгрія не потерпитъ какого либо вмѣшательства въ ея раздоръ съ Сербіей; Германія же, съ своей стороны, не можетъ допустить такого мнѣнія, которое оказалось бы въ противорѣчіи съ великодержавнымъ достоинствомъ ея союзницы.

Затѣмъ, въ теченіе разговора, министръ заявилъ, что Россія ни за какую цѣну не отнесется безразлично къ возможному намѣренію Австро-Венгріи „проглотить Сербію“. Графъ Пурталесъ возразилъ, что, по его мнѣнію, Австро-Венгрія и не питаетъ такихъ намѣреній, которыя, къ тому же, противорѣчатъ собственнымъ самымъ внутреннимъ интересамъ Монархіи. Австро-Венгрія несомнѣнно ограничится тѣмъ, что „произведетъ надъ Сербіей справедливо заслужен-

ное ею наказаніе". Г. Сазоновъ задался вопросомъ, удовольствуется ли Австрія этими результатами даже въ томъ случаѣ, если бы ей доставили на этотъ предметъ разъясненія; онъ позволяетъ себѣ въ этомъ усомниться.

Собесѣдованіе кончилось тѣмъ, что г. Сазоновъ предложилъ Германіи соблаговолить работать вмѣстѣ съ Россіей въ интересахъ поддержанія мира.

Германскій посолъ завѣрилъ русскаго министра, что конечно Германія не питаетъ желанія вызвать войну, но что она, само собою разумѣется, вполнѣ поддержитъ интересы своей союзницы.

№ 17.

Графъ Берхтольдъ графу Менсдорфу въ Лондонѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 24 іюля 1914 г.

Въ отвѣтъ на отправленную вчера Вашимъ Превосходительствомъ телеграмму, прошу васъ немедленно заявить сэру Эд. Грэю, что наше вчерашнее выступленіе въ Бѣлградѣ не должно разсматриваться за подлинный ультиматумъ; Ваше Превосходительство изволитъ строго конфиденціально сообщить сэру Эд. Грэю, что дѣло идетъ о выступленіи при ограниченномъ срокѣ; если же оно не закончится въ назначенное время, то за нимъ послѣдуетъ разрывъ дипломатическихъ сношеній и начало необходимыхъ военныхъ приготовленій, такъ какъ мы абсолютно рѣшили довести наши справедливыя требованія до конца.

Ваше Превосходительство уполномачивается добавить, что если Сербія пойдетъ на уступки, только по истеченіи срока и подъ давленіемъ нашихъ военныхъ приготовленій, то мы, разумѣется, принудимъ ее возмѣстить намъ причиненные симъ расходы: какъ всѣмъ извѣстно, изъ-за Сербіи мы принуждены были мобилизоваться два раза, въ 1908 и въ 1912 г.г.

№ 18.

Графъ Берхтольдъ графу Сапари въ Петербургѣ.

Вѣна, 24 іюля 1914 г.

Утромъ 24 іюля я принялъ русскаго повѣреннаго въ Дѣлахъ и далъ ему завѣренія, что я въ особенности хотѣлъ

какъ можно скорѣе поставить его въ извѣстность касательно нашего выступленія въ Бѣлградѣ и изложилъ ему наши взгляды.

Поблагодаривъ меня за это вниманіе, князь Кудашевъ не скрылъ отъ меня, какое безпокойство причинилъ ему нашъ категорическій шагъ въ Сербіи; кромѣ того онъ обратилъ мое вниманіе на то, что въ Петербургѣ все еще добиваются узнать, не будетъ ли сдѣлано наше выступленіе въ унижающей Сербію формѣ, что не можетъ не отразиться на Петербургѣ.

На этотъ счетъ я поспѣшилъ успокоить русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ. Мы задались цѣлью, сказалъ я ему, разъяснить невозможное положеніе между Сербіей и Монархіей и для этого принудить бѣлградское Правительство съ одной стороны—оффиціально высказать порицаніе угрожающимъ въ настоящее время существованію Монархіи тенденціямъ и пресѣчь ихъ въ административномъ порядкѣ; а съ другой стороны—дать намъ возможность убѣдиться въ добросовѣстномъ осуществленіи этихъ мѣръ. Я подробно изложилъ тѣ опасности, которыми сербская пропаганда, если предоставить ей дальнѣйшую свободу, подвергаетъ не только неприкосновенность Монархіи, но даже и европейское равновѣсіе и миръ. Какая угроза по адресу всѣхъ династій,—а русская подвергается ей не меньше прочихъ,—если позволить укорениться такому понятію, что агитація, пользующаяся убійствомъ, какъ средствомъ націоналистической дѣятельности, можетъ оставаться безнаказанной.

Въ концѣ концовъ я напомнилъ ему, что мы не собираемся дѣлать какихъ-либо территоріальныхъ пріобрѣтеній, а только стремимся къ поддержанію statu quo, и такая точка зрѣнія непремѣнно должна встрѣтить одобреніе русскаго Правительства.

На это князь Кудашевъ замѣтилъ мнѣ, что взгляды русскаго Правительства ему неизвѣстны, равнымъ образомъ неизвѣстно ему и то, чего будетъ держаться Сербія въ отношеніи различныхъ требованій.

Въ концѣ нашего свиданія повѣренный въ Дѣлахъ подтвердилъ мнѣ, что не преминетъ довести до свѣдѣнія своего Правительства только-что сдѣланныя ему мною сообщенія по вопросу о нашемъ выступленіи, въ особенности же о нашемъ намѣреніи не унижать Сербію.

№ 19.

Графъ Берхтольдъ Императорскимъ и Королевскимъ посламъ въ Берлинѣ, Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Петербургѣ и Константинополѣ.

Вѣна, 25 іюля 1914 г.

Ваше Превосходительство найдете при семъ упомянутое въ нашемъ циркулярѣ собраніе документовъ; предметомъ его является пансербская пропаганда и ея связь съ Сараевскимъ покушеніемъ.

Ваше Превосходительство изволите довести это собраніе до свѣдѣнія Правительства, при которомъ вы аккредитованы.

Меморандумъ.

Сербская агитація, поставившая себѣ цѣлью добиться отторженія отъ австрійской Монархіи южно-славянскихъ частей ея для присоединенія ихъ къ велико-сербскому государству, восходитъ къ очень далекому прошлому. Эта пропаганда на сербской почвѣ, неизмѣнная по своей конечной цѣли, хотя и различная по своимъ средствамъ и степени напряженности, достигла наивысшей своей точки со время аннексіоннаго кризиса. Сбросивъ защитный покровъ тайны, она показала себя тогда со всею откровенностью своихъ тенденцій и подъ покровительствомъ сербскаго Правительства обнаружила намѣреніе осуществить свои стремленія всѣми находящимися въ ея распоряженіи средствами.

Въ то время какъ вся сербская пресса съ злобными криками и извращая факты призывала къ борьбѣ съ Монархіей, для поощренія къ этой борьбѣ создавались сообщества,—не говоря уже о другихъ средствахъ пропаганды.

Наибольшее значеніе среди этихъ сообществъ пріобрѣла „Народна Одбрана". Возникнувъ изъ существовавшаго тогда революціоннаго комитета, она организовалась въ частное общество, подвѣдомственное, однако, черезъ сербскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, бѣлградскому департаменту иностранныхъ Дѣлъ. Въ числѣ ея основателей должны быть названы, главнымъ образомъ: генералъ Божо Янковичъ, бывшіе министры Люба Іовановичъ, Люба Давидовичъ и Валиславъ Валовичъ, директоръ національной Типографіи

Живоинъ Дачичъ и бывшіе капитаны, нынѣ майоры: Войя Танкосичъ и Миланъ Прибычевичъ. Это сообщество поставило себѣ цѣлью созданіе и организацію отрядовъ въ цѣляхъ ожидаемой войны съ Монархіей. Поразительное описаніе тогдашней дѣятельности „Народной Одбраны" можно найти въ особенности въ показаніяхъ боснійско-герцеговинскаго подданнаго Трифки Крштановича, допрошеннаго въ качествѣ свидѣтеля сараевскимъ военнымъ Совѣтомъ; онъ былъ тогда въ Бѣлградѣ и, вмѣстѣ съ другими подданными Монархіи, былъ принятъ „Народной Одбраной" въ число комитаджей. Вмѣстѣ съ группой лицъ, приблизительно въ 140 человѣкъ, Крштановича привели въ школу, основанную для организаціи новыхъ отрядовъ въ Купріи, Ягодинскаго округа, и находящуюся въ завѣдываніи капитановъ Войи Танкосича и Душана Путника. Преподавателями этой школы были одни только сербскіе офицеры; генералъ Божо Янковичъ и капитанъ Миланъ Прибычевичъ съ большой правильностью проходили курсъ организаціи этихъ бандъ, который длился три мѣсяца.

Комитаджи проходили тамъ полный курсъ обученія стрѣльбѣ, метанію бомбъ, закладкѣ минъ, разрушенію желѣзныхъ дорогъ, туннелей, мостовъ и телеграфовъ. Обязанностью ихъ было, по словамъ ихъ начальниковъ, примѣнить вновь пріобрѣтенныя познанія на практикѣ въ Босніи-Герцеговинѣ.

Благодаря этой практикуемой вполнѣ открыто и поощряемой сербскимъ Правительствомъ дѣятельности „Народной Одбраны", на Монархію направлена была цѣлая группа отрядовъ. Такимъ образомъ подданные Монархіи склонялись къ измѣнѣ своему отечеству и систематически поощрялись въ качествѣ сербскихъ эмиссаровъ къ совершенію тайныхъ нападеній на средства обороны ихъ отечества.

Этотъ періодъ аггресивныхъ стремленій закончился 31-го марта 1909 года, когда сербскимъ Правительствомъ сдѣлано было заявленіе, въ которомъ оно изъявляло свою готовность принять новое съ точки зрѣнія общаго права положеніе вещей, созданное аннексіей Босніи-Герцеговины и торжественно обѣщало поддерживать въ будущемъ дружественныя добрососѣдскія отношенія съ Монархіей.

Этимъ заявленіемъ, казалось, долженъ былъ быть положенъ конецъ агитаціи, составлявшей вѣчный источникъ раздоровъ съ Австро-Венгріей, и долженъ быть найденъ способъ для дружественнаго сближенія между Сербіей и Монархіей. Лишенная поддержки сербскаго Правительства и

подавляемая имъ, сообразно принятымъ имъ на себя обязательствамъ, враждебная пропаганда могла продолжать существовать только тайно и была обречена на быстрое исчезновеніе. Тогда какъ точки соприкосновенія, существующія между южно-славянскими частями Монархіи и Сербіи въ области языка, расы и культуры, должны были привести къ осуществленію дѣла совмѣстнаго развитія, внушаемаго взаимной дружбой и параллельными интересами.

Однако, эти надежды не осуществились. Враждебныя Монархіи стремленія продолжали существовать, и на глазахъ сербскаго Правительства, не предпринимавшаго ничего для подавленія этой агитаціи, направленная противъ Австріи пропаганда только разросталась вширь и вглубь. Ненависть къ Монархіи неустанно поддерживалась и превратилась въ чувство непримиримой злобы. Сербскій народъ призывался къ „борьбѣ за неминуемое уничтоженіе Австріи, — какъ старыми болѣе подходящими къ данному положенію способами, такъ и пріемами болѣе совершенными“. Систематически ткались тайныя нити, протягивавшіяся къ юго-славянскимъ областямъ Монархіи, подданные которой подстрекались къ измѣнѣ.

Больше же всего неустанно дѣйствовала въ этомъ духѣ сербская пресса.

До сихъ поръ пришлось изъять изъ почтоваго обращенія не менѣе восьмидесяти одной изъ выходящихъ въ Сербіи газетъ, вслѣдствіе ихъ уголовно-наказуемаго содержанія. Нѣтъ такого карательнаго закона, ограждающаго священную особу Монарха и членовъ императорской Фамиліи, или неприкосновенность Государства, который не былъ бы нарушенъ сербскими листками. Въ приложеніи I приведены нѣкоторыя изъ многочисленныхъ доказательствъ вышеуказаннаго направленія прессы.

Не входя въ детальное разсмотрѣніе взглядовъ сербскаго общественнаго мнѣнія, слѣдуетъ отмѣтить, что пресса, несмотря на формальное признаніе его Сербіей, попрежнему, какъ раньше, не переставала смотрѣть на аннексію Босніи-Герцеговины, какъ на лишеніе Сербіи ея собственности, которая должна быть возвращена. Эта мысль высказывается не только въ газетахъ передового направленія, но также и въ близкой къ бѣлградскому вѣдомству иностранныхъ Дѣлъ, „Самоуправѣ“, гдѣ она выражена въ едва замаскированной формѣ (см. прил. II в.).

Нельзя также оставить безъ вниманія и того, что совершенное 15 іюня 1910 года Богданомъ Жераичемъ покушеніе

на губернатора Босніи-Герцеговины, фельдмаршала фонъ-Фарезанина, было одобрено прессой.

Какъ извѣстно, Жераичъ убилъ себя тотчасъ же послѣ совершеннаго имъ преступленія, а передъ совершеніемъ его онъ сжегъ всѣ свои бумаги. Вслѣдствіе этого невозможно было вполнѣ выяснить мотивы этого покушенія; тѣмъ не менѣе по одному найденному около него документу можно было заключить, что онъ былъ сторонникомъ идей Кропоткина. Дознаніе также наводило на мысль, что дѣло это являлось покушеніемъ анархистскаго характера.

Это, однако, не помѣшало сербской прессѣ превозносить преступника, какъ сербскаго національнаго героя, и восхвалять его дѣяніе. Газета „Политика" возмутилась даже противъ предположенія, что Жераичъ былъ анархистомъ, и провозгласила его „сербскимъ героемъ, имя котораго будетъ повторяться всѣми сербами съ уваженіемъ и скорбью".

„Днемъ рожденія Его Императорскаго и Королевскаго Величества", 18 августа того же года, газета „Политика" сочла удобнымъ воспользоваться, какъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы снова заговорить о Жераичѣ, „имя котораго останется въ народѣ, какъ имя святого", и торжественно воспѣть покушеніе въ стихахъ. (Приложеніе № 1).

Такъ это, не имѣющее ничего общаго съ видами на территоріи Монархіи, преступленіе использовано было для успѣха этой идеи; такъ убійство явно признано было доблестнымъ и достойнымъ подражанія средствомъ борьбы за эту идею. То же освященіе убійства, какъ вполнѣ пріемлемаго въ борьбѣ съ Монархіей способа, встрѣчается позднѣе въ газетныхъ разсужденіяхъ о совершенномъ Юкичемъ покушеніи на королевскаго комиссара Ф. Кувай. (Приложеніе 1-е).

Эти, распространенныя не только въ Сербіи, но такъ же, какъ обнаружилось позднѣе, съ помощью отлично организованной тайной доставки и контрабанды и въ Монархіи, газеты возбуждали и поддерживали въ широкихъ массахъ такое настроеніе, которое питало и представляло благодарную почву для злодѣйствъ враждебныхъ Монархіи обществъ.

Центромъ агитаціи, веденной этими обществами, стала „Народна Одбрана". Тѣ лица, которыя стояли во главѣ ея во время аннексіи, руководятъ ею и теперь. Среди нихъ, въ качествѣ энергичныхъ и дѣятельныхъ организаторовъ, находятся названные выше ожесточеннѣйшие противники Монархіи. Организованная на широкой и глубокой основѣ распслагающая іерархіей (См. Приложеніе II „Органи-

зація“), „Народна Одбрана“ вскорѣ насчитывала около четырехъ сотъ единомышленниковъ, развившихъ очень дѣятельную агитацію.

Кромѣ того, „Одбрана“ вступила въ близкое общеніе съ „союзомъ Стрѣлковъ“ (762 кружка), съ Сокольской ассоціаціей „Душанъ Сильный“ (2.500 членовъ), съ Олимпійскимъ клубомъ, съ обществомъ Наѣздниковъ „Князь Михайло“, съ обществомъ Охотниковъ и съ Лигой развитія, а также со многими другими сообществами, которыя всѣ дѣйствовали въ томъ же духѣ подъ руководствомъ и покровительствомъ Одбраны. Все больше и больше сближаясь и проникая одно въ другое, эти общества, наконецъ, совершенно слились до того, что являются въ настоящее время членами единой корпораціи Одбраны. Такимъ образомъ эта послѣдняя раскинула по всей Сербіи прочную сѣть агитаціи и привлекала всѣхъ способныхъ воспринять эти идеи.

Каковъ характеръ дѣятельности Одбраны,—это съ достаточной ясностью доказываютъ офиціальныя изданія этого Общества.

Въ своемъ уставѣ, которому для виду приданъ характеръ общества развитія, занимающагося только духовнымъ и тѣлеснымъ совершенствованіемъ сербскаго населенія и улучшеніемъ его матеріальнаго благосостоянія, Одбрана обнаруживаетъ въ своемъ корпоративномъ органѣ (См. Приложеніе 11), каковъ истинный и единственный двигатель ея существованія,—то, что она называетъ своей „реорганизованной программой“.

Ея цѣль въ особенности проповѣдывать сербскому народу „фанатическимъ и неутомимымъ трудомъ святую истину“ о томъ, что Монархія хочетъ „лишить его свободы и собственнаго языка и даже погубить Сербію“; что роковая необходимость повелѣваетъ Сербамъ вести противъ Австро-Венгріи, ихъ перваго и величайшаго врага, „истребительную борьбу ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ“, и что народъ надо подготовлять „всѣми способами“ къ этой войнѣ за освобожденіе подчиненныхъ территорій, въ которыхъ терпятъ позоръ и страдаютъ подъ игомъ семь милліоновъ братьевъ. Всѣ „способствующія развитію усилія“, какія дѣлаетъ Одбрана, имѣютъ исключительно служебное значеніе для этой идеи, являясь просто средствомъ организаціи и воспитанія народа въ цѣляхъ предстоящаго уничтоженія.

Въ этомъ же духѣ работаютъ всѣ подчиненные „Народной Одбранѣ“ общества, образцомъ дѣятельности которыхъ можетъ служить общество „Соколовъ“ Крагуеваца (См. Приложеніе III).

Такъ же, какъ и въ Одбранѣ, во главѣ его стоятъ офицера, профессора и лица, состоящія на государственной службѣ.

Рѣчь, которою предсѣдатель общества, маіоръ Ковачевичъ, открылъ годичное собраніе 1914 года, совершенно не упоминаетъ о гимнастикѣ, тогда какъ она составляетъ истинную цѣль „Сокола", а говоритъ только о „подготовкѣ къ войнѣ" съ „опаснымъ, безсердечнымъ ненавистнымъ врагомъ и сѣвернымъ нашельникомъ", который лишаетъ свободы и правъ милліоны сербскихъ братьевъ и держитъ ихъ въ рабствѣ и въ оковахъ.

Въ административныхъ сообщеніяхъ этого общества техническіе виды развитія отступаютъ цѣликомъ на заднiй планъ и служатъ только матеріаломъ для ознакомленія съ истинной „цѣлью дѣятельности администраціи", а именно съ „подготовкой національнаго развитія" и необходимостью укрѣплять „раздавленный народъ", дабы онъ могъ довести до конца „свою еще не выполненную программу, свою еще не осуществленную задачу", и выполнить то „великое дѣло, которое должно завершиться въ близкомъ будущемъ, т. е. освобожденіе живущихъ на томъ берегу Дрины и терпящихъ крестныя муки братьевъ".

Этой цѣли служатъ всѣ члены, вплоть до казначея, который въ своемъ финансовомъ отчетѣ говоритъ о необходимости „поднять соколовъ", чтобы они могли „принести свободу еще не освобожденнымъ братьямъ".

Такъ же, какъ стремленіе къ развитію въ Одбранѣ, и гимнастическая дѣятельность „Соколовъ" не представляетъ собой настоящую цѣль, а только простое средство на службѣ той же пропагандѣ, которая ведется съ точно такими же намѣреніями, чтобы не сказать: въ точно такихъ же формахъ.

Призывая къ истребительной борьбѣ съ Монархіей, Одбрана обращается не только къ народу Монархіи, но и ко всѣмъ юго-славянскимъ народамъ. По мнѣнію Одбраны, юго-славянскія территоріи Монархіи составляютъ часть „нашихъ сербскихъ подневольныхъ земель" (См. Приложеніе IV). Точно такъ же, южные подданные Монархіи славяне должны принять участіе въ „національномъ дѣлѣ"; точно также „священная и необходимая" дѣятельность должна развиваться и по ту сторону сербской границы и даже на территоріи самой Монархіи; Одбрана разыскиваетъ „героевъ для священной войны", называя убійцу Мурада, Обилича, достойнымъ подражанія образцомъ самопожертвованія на благо родины.

Чтобы привлечь живущихъ „за предѣлами Сербіи“ братьевъ къ участію въ „работѣ частной иниціативы“, Одбрана поддерживаетъ интимную связь съ „зарубежными братьями“. Какъ осуществляется эта связь, объ этомъ не разсказывается,—вѣроятно потому, что это относится къ той части „совмѣстной работы“, которая „по многимъ причинамъ не можетъ и не должна подлежать разглашенію“.

До какой степени обширна эта отрасль ея дѣятельности, показываетъ тотъ фактъ, что не только въ центральномъ Комитетѣ Одбраны, но даже и въ нѣкоторыхъ ея раіонныхъ комитетахъ, существуютъ специальныя секціи, вѣдающія „внѣшнія дѣла“.

Внѣшняя дѣятельность Одбраны и ея соучастниковъ особенно разнообразна.

Дѣятельность, сравнительно менѣе опасная, потому что подлежитъ официальному контролю, состоитъ въ рядѣ лекцій, которыя предпринимаютъ вліятельные члены Одбраны, объѣзжая юго-восточныя области Монархіи, гдѣ они выступаютъ въ различныхъ обществахъ съ лекціями по національнымъ или культурнымъ вопросамъ. При этомъ въ кругу своихъ наиболѣе тѣсныхъ единомышленниковъ ораторы имѣютъ возможность излагать истинныя тенденціи Общества въ болѣе или менѣе прозрачныхъ, понятныхъ для посвященныхъ. выраженіяхъ.

Среди этихъ эмиссаровъ однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ является уже упомянутый выше управляющій государственной Типографіей Живоинъ Дачичъ; это онъ выпустилъ 8 августа 1909 года воззваніе къ сербскому народу, гдѣ назвалъ Австрію „врагомъ Сербіи“ и призывалъ сербскій народъ подготовляться къ борьбѣ съ Монархіей. Онъ нѣсколько разъ предпринималъ агитаціонныя поѣздки тагого рода. Въ Кролевѣ (въ 1912 году) онъ даже пренебрегъ всякой осторожностью и говорилъ въ духѣ „ объединенія всѣхъ Сербовъ противъ общаго врага“.

Болѣе опасны сношенія, поддерживаемыя ассоціаціями, проникнутыми духомъ Одбраны, съ обществами, существующими въ предѣлахъ Монархіи подъ видомъ общенія на почвѣ единства интересовъ и культуры; такъ какъ разсылаемые ими другъ къ другу делегаты и обмѣнъ корпоративными визитами ускользаютъ отъ всякаго контроля и утилизируются Сербами для всевозможныхъ злоумышленій противъ Монархіи.

Такъ, напримѣръ, одинъ делегатъ Одбраны на сараевскомъ празднествѣ въ сентябрѣ 1912 года не постѣснялся воспол-

зоваться (Приложеніе VI) этимъ случаемъ для привлеченія въ свое общество единомышленниковъ боснійцевъ. Посылка на это празднество представителя общества Соколовъ Крагуеваца должна была означать для братьевъ боснійцевъ: „Мы не забыли о васъ, еще могущественны крылья сокола Шумадіи“. Въ интимномъ кругу эта мысль была, несомнѣнно, выражена совершенно иными словами, сообразно вышеизложеннымъ тенденціямъ Одбраны (Приложеніе III). Что касается событій, происходящихъ во время такого же рода собраній въ самой Сербіи,—они, очевидно, ускользаютъ отъ всякаго контроля Императорскихъ и Королевскихъ властей, которыя располагаютъ въ этомъ отношеніи только секретными, съ трудомъ поддающимися контролю, свѣдѣніями. Относительно фактовъ такого рода нельзя не возбудить подозрѣнія на счетъ поѣздки въ Сербію аграмскихъ студентовъ (въ апрѣлѣ 1912 г.), которымъ сербами оказанъ былъ официальный, почти воинскій пріемъ, сопровождавшійся даже парадомъ и смотромъ войскамъ въ честь ихъ,—и все это было сдѣлано настолько демонстративно, что общество Соколовъ Крагуеваца могло сказать: „Это событіе означаетъ начало и ключъ къ великому акту, который долженъ завершиться въ близкомъ; это—ростокъ, который созрѣетъ, когда душа народа развернется до того, что не останется больше ни одной неразрушенной преграды“.

Только недавно дошло до свѣдѣнія австро-венгерскихъ властей, что обществамъ сербскихъ Соколовъ удалось склонить нѣкоторыя аналогичныя корпораціи Монархіи отправиться вмѣстѣ съ ними въ одно остающееся до сихъ поръ тайнымъ мѣсто, характеръ котораго еще не вполнѣ выясненъ, такъ какъ свѣдѣнія на этотъ счетъ еще собираются. Но полученныя до настоящаго времени разъясненія позволяютъ думать, что удалось напасть на слѣдъ одного изъ способовъ, съ помощью которыхъ революціонныя тенденціи сербскихъ Соколовъ совратили и увлекли на ложный путь нѣкоторыя группы лицъ изъ Монархіи.

Однако, эта пропаганда въ болѣе и болѣе разнообразныхъ кружкахъ все же отодвигается на второй планъ по сравненію съ тою „внѣшней работой“, которою руководитъ Одбрана со своими друзьями въ направленіи агитаціи между отдѣльными лицами. Наиболѣе прискорбные результаты приходится констатировать именно въ этой области.

Чрезъ посредство своихъ довѣренныхъ лицъ и тайныхъ эмиссаровъ она вноситъ ядъ мятежа въ разнообразные круги, какъ зрѣлыхъ людей, такъ и невмѣняемой молодежи.

Такъ совращены были, напримѣръ, Миланомъ Прибычевичемъ бывшіе офицеры гонведовъ В. Б. Д. К. В. Н. и хорватскій жандармскій поручикъ словенецъ В. К., оставившіе службу въ арміи Монархіи при самыхъ подозрительныхъ обстоятельствахъ и перешедшихъ въ Сербію; черезъ нѣкоторое время они разочаровались въ большинствѣ или, по крайней мѣрѣ, въ части своихъ надеждъ и теперь думаютъ вернуться на родину, которой они измѣнили. Агитація, которую ведетъ Сербія въ среднихъ школахъ Хорватіи и Босніи, къ прискорбію, настолько общеизвѣстна, что едва ли нуждается въ примѣрахъ. Но менѣе извѣстно то, что исключенные изъ хорватскихъ и боснійскихъ школъ за серьезные дисциплинарные проступки воспитанники принимаются въ Сербіи съ распростертыми объятіями и даже часто пользуются покровительствомъ Государства и содержатся въ качествѣ противниковъ Монархіи. Сербскія школы со своими враждебными Австріи учителями, являющимися въ большинствѣ единомышленниками Одбраны, представляютъ собой, конечно, заведенія вполнѣ пригодныя для воспитанія такого рода адептовъ. Одинъ, въ особенности выдающійся случай заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь. Въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ много воспитанниковъ нормальныхъ учительскихъ школъ Пакрака (въ Хорватіи) уволены были за забастовку. Они направились въ Сербію, гдѣ часть ихъ незаконно получила должности школьныхъ учителей, часть же была принята въ такія же нормальныя учительскія школы. Одинъ изъ этихъ изгнанниковъ, находясь въ сношеніяхъ съ враждебными Монархіи кружками, публично заявилъ, что во время пребыванія наслѣднаго Эрцегерцога въ Босніи онъ и его товарищи посовѣтуютъ и выскажутъ мнѣніе, что эта провинція есть сербская земля. Особенно заслуживаетъ вниманія то, что во время пребыванія въ Босніи Эрцегерцога Франца-Фердинанда префектъ сербскаго округа Крайны предоставилъ троимъ изъ этихъ, такъ скомпрометированныхъ, студентовъ сербскіе паспорта, въ которыхъ они ложно были названы сербскими подданными, хотя онъ долженъ былъ знать, что они — хорваты. Снабженные такими паспортами, эти трое агитаторовъ смогли незамѣченными пробраться въ предѣлы Монархіи, но здѣсь они были, въ концѣ концовъ, опознаны и арестованы.

Но всего вышеизложеннаго недостаточно для полной характеристики „внѣшней“ дѣятельности Народной Одбраны.

Императорское и Королевское Правительство давно уже было освѣдомлено конфиденціальнымъ путемъ, что Одбрана

подготовляетъ войну съ Монархіей, которую она намѣрена вести военными средствами, и съ этой цѣлью посылаетъ туда эмиссаровъ, снаряженныхъ наподобіе отрядовъ, чтобы съ открытіемъ военныхъ дѣйствій разрушать средства сообщенія и вызывать бунты или панику. (См. Приложеніе VII).

Уголовный процессъ, начатый въ 1913 году сараевскимъ военнымъ Совѣтомъ противъ Іова Яличича и его сообщниковъ по обвиненію ихъ въ шпіонствѣ, привелъ къ подтвержденію этихъ конфиденціальныхъ сообщеній. Какъ при самомъ основаніи Одбраны, такъ и донынѣ, въ программу ея входила и входитъ подготовка войны съ помощью вооруженныхъ отрядовъ, а къ этому недавно прибавился новый родъ дѣятельности въ видѣ шпіонства. Именно въ этомъ направленіи была „реорганизована“ программа Одбраны, въ дѣйствительности же, она только расширена. Отъ этой атмосферы публично и тайно разжигаемой ненависти, отъ этой ускользающей отъ всякой отвѣтственности агитаціи, для которыхъ въ борьбѣ съ Австріей хороши всѣ средства вплоть до постыднаго низкаго убійства включительно, — отъ этого, въ концѣ концовъ, слѣдовало ожидать такихъ результатовъ, какъ террористическіе акты.

8-го іюня 1912 г., нѣкій Юкичъ стрѣлялъ въ Аграмѣ въ Королевскаго комиссара фонъ-Кувай, при чемъ былъ смертельно раненъ, сидѣвшій въ томъ же экипажѣ, совѣтникъ фонъ-Гервичъ; при своемъ бѣгствѣ, Юкичъ застрѣлилъ преслѣдовавшаго его полицейскаго и еще двоихъ ранилъ.

Произведеннымъ затѣмъ дознаніемъ установлено, что Юкичъ былъ проникнутъ идеями и планами Одбраны; но если бы даже Юкичъ съ нѣкоторыхъ поръ и носился съ замыслами покушенія, то все же вполнѣ это рѣшеніе созрѣло у него только тогда, когда онъ 18 апрѣля 1912 года, отправился съ аграмскими студентами въ экскурсію въ Бѣлградъ на устроенныя для чествованія этихъ гостей торжества; тогда Юкичъ завязалъ сношенія съ разными лицами, принадлежащими къ кружку Одбраны и велъ съ ними споры на политическія темы. Черезъ нѣсколько же дней онъ вернулся въ Бѣлградъ и тамъ получилъ отъ одного сербскаго маіора бомбу и отъ одного изъ товарищей — браунингъ, съ помощью котораго и выполнилъ покушеніе. Найденная въ Аграмѣ бомба, по мнѣнію экспертовъ, происходила изъ военнаго арсенала.

Не успѣли еще забыть выстрѣлъ Юкича, какъ вернувшійся изъ Америки въ Аграмъ Стефанъ Дойчичъ совершилъ 18 августа 1913 года покушеніе на Королевскаго ко-

миссара, барона Скерлеца; это покушеніе явилось результатомъ организованной Сербами дѣятельности среди кружковъ живущихъ въ Америкѣ южныхъ славянъ, и было плодомъ внѣшней пропаганды Одбраны.

Напечатанная въ Чикаго и заключающая безмѣрные нападки на Его Императорское и Королевское Величество и воззванія къ сербамъ Монархіи съ увѣщаніями вернуться въ Сербію и вѣрить въ близкое „освобожденіе“,—брошюра серба Т. Димитріевича указываетъ на параллельность пропаганды, которую вполнѣ свободно вели Сербы въ Америкѣ, и которую вела Сербія во владѣніяхъ Монархіи.

А менѣе года спустя, Аграмъ снова сталъ ареной новаго на этотъ разъ неудавшагося покушенія.

20-го мая 1913 года Якобъ Шеферъ покушался въ аграмскомъ театрѣ на бана, барона фонъ-Скерлеца; но въ послѣднее мгновеніе полицейскому удалось помѣшать этому покушенію. Слѣдствіемъ было обнаружено существованіе заговора, душою котораго былъ Рудольфъ Герцигонія. Изъ показаній этого послѣдняго и его пяти обвинявшихся сообщниковъ выяснилось, что и это покушеніе тоже получило свое начало въ Сербіи.

Послѣ своего соучастія въ неудавшейся попыткѣ къ освобожденію Юкича, Герцигонія бѣжалъ въ Сербію (въ октябрѣ 1912 года), гдѣ онъ часто встрѣчался съ своимъ сообщникомъ Марояномъ Якчичемъ, съ комитаджами и членами Одбраны. Какъ это часто бываетъ съ юными умами, которые слишкомъ рано увлекаются политическими вопросами,—эти частыя встрѣчи привели къ самымъ дурнымъ результатамъ. Герцигонія вернулся домой съ внушенной ему въ Бѣлградѣ вѣрой, что юго-славянскія страны Монархіи должны быть отторгнуты отъ нея и присоединены къ сербскому Королевству. Кромѣ того, поученія друзей убѣдили его, что эту цѣль должно преслѣдовать покушеніями на высокопоставленныхъ лицъ, принимающихъ участіе въ политикѣ Монархіи.

Въ такомъ духѣ Герцигонія повліялъ въ Аграмѣ на своихъ друзей и склонилъ и ихъ къ своимъ идеямъ. На первомъ планѣ въ его замыслахъ стояло покушеніе на Наслѣдника престола.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ возбуждено было преслѣдованіе за государственную измѣну противъ Луки Альиновича. Въ теченіе этого процесса трое свидѣтелей показали, что Альиновичъ говорилъ имъ о полученіи ста динаровъ отъ Одбраны и столько же отъ тайнаго студенческаго

сообщества для начала пропаганды, главнымъ же образомъ для исполненія покушенія на Эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Изъ этого видно, до какой степени преступная агитація Одбраны и тѣхъ, кто раздѣляетъ ея мнѣнія, сосредоточилась за это послѣднее время на особѣ наслѣднаго Эрцгерцога.

Всѣ эти данныя приводятъ къ выводу, что Одбрана, равно какъ и группирующіеся вокругъ нея враждебные Монархіи круги, находили съ нѣкоторыхъ поръ, что пришла пора фактическаго осуществленія ихъ теорій.

Замѣчательно то, что въ отношеніи этихъ актовъ она довольствуется однимъ подстрекательствомъ, тамъ же, гдѣ это подстрекательство упало на благодарную почву,—предоставленіемъ имѣющихся въ ея распоряженіи средствъ матеріальной помощи,—всѣ же опасности, связанныя съ пропагандой дѣйствіемъ, она возлагаетъ на возбужденную и совращенную ею молодежь Монархіи, которой и приходится нести все бремя этого печальнаго „героизма“.

Всѣ признаки этой манеры дѣйствій оказываются налицо въ исторіи и происхожденіи глубоко прискорбнаго покушенія 28-го іюня.

Принципъ и Грабецъ—типичные представители этой, отравленной съ школьныхъ лѣтъ идеями Одбраны, молодежи. Часто посѣщая кружки, проникнутыхъ этими идеями студентовъ, Принципъ и занялся планомъ покушенія на наслѣднаго Эрцгерцога, на которомъ сосредоточивалась самая острая злоба враждебныхъ Монархіи элементовъ, пользуясь его путешествіемъ въ аннексированныя области.

Онъ подружился съ Кабриновичемъ, который посѣщалъ тѣ же кружки и радикально революціонныя, согласно его собственному признанію, убѣжденія котораго привели его къ тому же враждебному чувству къ Монархіи и къ пропагандѣ дѣйствіемъ. Но какъ бы тщательно ни былъ подготовленъ этотъ заговоръ и какъ бы рѣшительно ни были настроены заговорщики,—покушеніе все же никогда не было бы осуществлено, если бы, какъ и при покушеніи Юкича, не нашлись люди, которые дали сообщникамъ средства привести его въ исполненіе; такъ какъ Принципъ и Кабриновичъ прямо признались, что у нихъ не было ни необходимаго оружія, ни денегъ для его покупки. Интересно посмотрѣть, гдѣ злоумышленники достали оружіе. Миланъ Прибычевичъ и Живоинъ Дачичъ, эти главные члены Одбраны, были первыми, къ кому обратились нуждавшіеся и несомнѣнно увѣренные въ ихъ помощи злоумышленники, такъ какъ въ кругу

лицъ, готовыхъ пойти на покушеніе, уже вошло въ традицію, что орудія убійства возможно достать у представителей Одбраны. Тотъ случайный фактъ, что обоихъ этихъ лицъ въ критическій моментъ не оказалось въ Бѣлградѣ, разстроилъ, конечно, этотъ проектъ; тѣмъ не менѣе Принципъ и Кабриновичъ безъ затрудненія нашли другого помощника, въ лицѣ бывшаго комитаджа, а теперь желѣзнодорожнаго чиновника въ Бѣлградѣ и члена Одбраны, Милана Цыгановича. Этотъ послѣдній со своимъ другомъ, уже упомянутымъ майоромъ Войей Танкосичемъ, — тоже однимъ изъ вожаковъ Одбраны, который въ 1908 году завѣдывалъ школой вооруженныхъ отрядовъ Купріи (Приложеніе V), являются отнынѣ какъ бы духовными главарями заговора. Они вначалѣ слегка поколебались, дѣйствительно ли эти три заговорщика рѣшились совершить этотъ актъ, но это колебаніе, благодаря ихъ увѣреніямъ, скоро исчезло. Съ этого момента они готовы были оказать всякую помощь; Танкосичъ досталъ четыре браунинга, заряды и денегъ на поѣздку. Шесть ручныхъ гранатъ, происходившихъ изъ арсенала сербской арміи, довершили вооруженіе; и это напоминаетъ намъ случай Юкича. Заботясь объ успѣхѣ, Танкосичъ досталъ имъ руководство къ стрѣльбѣ; но, кромѣ того, Танкосичъ и Цыгановичъ озабочены были и обезпеченіемъ, при помощи особаго нежелательнаго средства, тайны заговора. Они вручили имъ ціанистаго кали, пояснивъ, что оба виновника должны послѣ покушенія убить себя, — мѣра предосторожности, которая должна была, прежде всего, послужить въ пользу имъ самимъ, такъ какъ эта тайна устраняла отъ нихъ и ту легкую опасность, какую они брали на себя въ этомъ предпріятіи. Вѣрная смерть жертвамъ ея совращенія и полная безопасность для нея самой—таковъ выяснившійся нынѣ девизъ Народной Одбраны.

Чтобы покушеніе возможно было осуществить, надо было незамѣтно переправить оружіе въ Боснію контрабандой. Въ этомъ Цыгановичъ тоже оказалъ полное свое содѣйствіе; онъ намѣтилъ заговорщикамъ опредѣленный путь и обезпечилъ имъ покровительство сербскихъ пограничныхъ властей. Все это, какъ была организована и проведена эта „таинственная“, — по описанію Принципа, — поѣздка, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ здѣсь о тайной хорошо подготовленной и неоднократно использованной въ цѣляхъ тайныхъ плановъ Одбраны дорогѣ. Съ простотой и увѣренностью, которыя можно пріобрѣсти только привычкой, пограничные офицеры въ Шабацѣ и Лозницѣ предложили для этой на-

добности свою административную организацію; эта переправа совершилась безъ всякихъ затрудненій, несмотря на всю сложность ея системы провожатыхъ, то и дѣло мѣняющихся, вызываемыхъ точно по волшебству и всегда оказывающихся на своемъ мѣстѣ, когда въ нихъ является надобность. Не справляясь о цѣли этой необычной поѣздки нѣскольких слишкомъ юныхъ студентовъ, сербскія власти, по одному указанію бывшаго комитаджа и низшаго желѣзнодорожнаго чиновника Цыгановича, позволяютъ пустить въ ходъ весь этотъ такъ плавно дѣйствующій служебный аппаратъ. Имъ, впрочемъ, незачѣмъ было справляться, такъ какъ изъ полученныхъ указаній для нихъ было ясно, что дѣло идетъ объ исполненіи новаго порученія Одбраны. Видъ цѣлаго арсенала бомбъ и револьверовъ вызвалъ у досмотрщика Грбича только дружелюбную и одобрительную улыбку, ясно доказывающую, какъ обычна была на этомъ пути такого рода контрабанда.

Допустивъ все это, Королевское сербское Правительство взяло на себя тяжкую вину.

Обязанное сохранять добрососѣдскія отношенія съ Австро-Венгріей, прессѣ оно разрѣшило распространять ненависть къ Монархіи; обществамъ,—основываемымъ на его землѣ, подъ предводительствомъ высшихъ офицеровъ, чиновниковъ, учителей и судей, которые открыто вели войну противъ Монархіи, пріобщая его гражданъ къ революціоннымъ идеямъ,—оно позволяло существовать; людямъ, имѣющимъ свою долю участія въ его военномъ и гражданскомъ управленіи, оно не воспрепятствовало до того отравлять общественную совѣсть и всякое моральное чувство, что низкое убійство изъ-за угла стало представляться самымъ пристойнымъ оружіемъ борьбы.

Приложеніе 1.

Извлеченіе изъ сербской прессы.

1. „Политика“ 18 августа 1910 г., по случаю восьмидесятилѣтней годовщины дня рожденія Его Апостолическаго Императорскаго и Королевскаго Величества, помѣстила большой портретъ Богдана Жераича, который за два мѣсяца передъ тѣмъ совершилъ покушеніе на губернатора Босніи, барона фонъ-Фарезанина. Въ относящейся къ этому портрету статьѣ можно было прочесть слѣдующее: „Два мѣсяца тому назадъ, 2-го іюня (ст. стиля), какъ разъ въ день от-

крытія босно-герцеговинскаго сейма, одинъ молодой сербъ, студентъ Богданъ Жераичъ покушался застрѣлить въ Сараевѣ губернатора Босніи-Герцеговины, генерала Маріана Фарезанина.

Жераичъ сдѣлалъ цѣлыхъ пять выстрѣловъ по этому отступнику, который устроилъ себѣ прекрасную карьеру пролитіемъ крови своихъ собственныхъ братьевъ во время знаменитаго народнаго возстанія въ Раковицѣ. Благодаря рѣдкой случайности, ему не удалось его убить. Тогда, сознавая значеніе своего поступка, храбрый Жераичъ шестую пулю выстрѣлилъ себѣ въ голову и палъ сраженный на смерть.

„Въ Вѣнѣ отлично поняли, что Жераичъ не потому совершилъ свое покушеніе, что начитался писаній русскихъ революціонеровъ, но потому, что хотѣлъ, какъ благородный отпрыскъ своего народа, такимъ кровавымъ образомъ протестовать противъ чуждаго гнета.

Вотъ почему, вопреки своему обычаю, они употребили всѣ усилія, чтобы какъ можно скорѣе затушить это дѣло, которое еще болѣе скомпрометировало австрійское Правительство въ Босніи-Герцеговинѣ. Въ Вѣнѣ хотѣли, чтобы стерта была всякая память о Жераичѣ и чтобы его покушенію не приписывалось ни малѣйшаго значенія. Но именно этотъ ихъ страхъ предъ покойнымъ, этотъ запретъ даже произносить его имя во всей Босніи-Герцеговинѣ и привели къ тому, что имя его приняло въ народѣ почти священное значеніе, нынѣ же, 18 августа, оно стало такимъ болѣе чѣмъ когда либо.

„Въ такой день возжигаемъ, и мы также, свѣчу на его могилѣ и восклицаемъ: „Честь Жераичу!".

Затѣмъ слѣдовала поэма такого содержанія:

Жива Боснія, она еще не умерла;
Напрасно погребли вы ея тѣло;
Закована жертва, но въ ней теплятся еще искры;
Не время еще пѣть похоронный гимнъ.
Ваши сатанинскія руки вырыли яму,
Но живучій мертвецъ не хочетъ ложиться въ могилу.
Ты слышалъ, императоръ? Съ револьверной молніей
До твоего трона просвистали свинцовыя пули.
Это не рабы, это свобода во всемъ своемъ блескѣ
Вырывается изъ смѣлой руки подъяремнаго.
Отчего трепещешь ты ужасная Голгофа?
Петръ на защиту Христа извлекъ мечъ.
Опустилась его рука, но отъ его крови
Поднимутся тысячи смѣлыхъ рукъ.

Этотъ выстрѣлъ былъ только первымъ вѣстникомъ Радостной Пасхи послѣ голгофскихъ страданій.

2. 8 октября 1910 г., по случаю годовщины присоединенія Босніи-Герцеговины, „Политика“ и „Мали Журнал“, при чемъ послѣдній вышелъ въ черной рамкѣ, напечатали статьи, въ которыхъ они обрушились со свирѣпыми нападками на Австро-Венгрію. Европѣ слѣдовало убѣдиться, что сербскій народъ не перестаетъ помышлять о реваншѣ. День мести долженъ наступить; порукой тому та лихорадочная дѣятельность, съ которую Сербія организуетъ свои военныя силы, а равно и та ненависть, которую питаетъ сербскій народъ къ сосѣдней Монархіи.

„Самоуправа“ по тому же поводу писала 9 октября 1910 г.: „Не горячностью выпадовъ и не бранью мы будемъ высказывать истинный патріотизмъ, такъ какъ только спокойная и достойная работа ведутъ къ цѣли“.

3. Въ „Политикѣ“ отъ 18 апрѣля 1911 г. можно было прочесть слѣдующее: „Въ Сербіи никто, за исключеніемъ нѣсколькихъ циничныхъ субъектовъ, не найдетъ пріятнымъ, чтобы король Петръ отправился въ Вѣну или въ Будапештъ. Присоединеніемъ Босніи-Герцеговины разъ навсегда загублена возможность дружбы между Сербіей и Австро-Венгріей. Таковы чувства каждаго серба“.

4. „Београдске Новине“ отъ 18 апрѣля 1911 г. пишутъ: „Большинство членовъ Правительства тоже порицаютъ проектъ визита Короля Петра Императору Францу-Іосифу. Буря негодованія, поднявшаяся во всемъ сербскомъ мірѣ изъ-за этого проекта поѣздки Короля, вполнѣ понятна“.

5. „Мали Журнал“ отъ 19 апрѣля 1911 г. говоритъ: „Визитъ короля Петра 1 австро-венгерскому Монарху былъ бы оскорбленіемъ всей сербской націи. Благодаря этому визиту, Сербія утратила бы право сыграть роль новаго Пьемонта. Сербскіе интересы никогда не будутъ совпадать съ австрійскими“.

6. 23 апрѣля 1911 г. „Политика“, „Мали Журнал“, „Трибуна“, „Београдске Новине“ и „Вечерние Новости“, по поводу предполагавшагося визита Короля Петра вѣнскому Двору, выражаются такъ: Между Сербіей и Австро-Венгріей никогда не будетъ дружбы. Вслѣдствіе этого проэктъ визита Короля Петра является для Сербіи „постыдной капитуляціей“, „униженіемъ“; это было бы равносильно „торжественной санкціи всѣхъ тѣхъ преступленій и злодѣйствъ, въ которыхъ провинилась Австро-Венгрія предъ Сербіей и сербскимъ народомъ“.

7. „Трговински Гласник“ отъ 18 апрѣля 1912 г., въ статьѣ подъ заглавіемъ „Развалъ Австріи“ пишетъ: „Австро-Венгрія расползается по всѣмъ швамъ. То, что происходитъ по ту сторону Дуная и Савы, это — уже не нѣмецкій, венгерскій, чешскій или хорватскій кризисы, это—всеобщій австрійскій кризисъ, кризисъ самой династіи. Мы, сербы, съ чувствомъ удовлетворенія можемъ взирать на подобную эволюцію Австріи“.

8. „Балкан“ въ статьѣ подъ заглавіемъ „Границы Албаніи“, нападая на Австро-Венгрію, выражается такъ: „Если Европа слишкомъ безсильна, чтобы приказать Австріи остановиться, то это сдѣлаютъ Черногорія и Сербія, которыя крикнутъ Австріи: Стой! Ни шагу дальше! Война между Австро-Венгріей и Сербіей неизбѣжна. Мы расчленили турецкую Имперію, мы также расчленимъ и Австрію. Мы окончили одну войну, а теперь находимся наканунѣ другой“.

9. „Вечерние Новости“ отъ 22 апрѣля 1913 г. обращаются съ призывомъ къ сербскимъ путешественникамъ и къ сербскимъ коммерсантамъ, „предлагая имъ бойкотировать Дунайское пароходное Общество: „Никто не долженъ ни путешествовать, ни давать перевозить грузы на судахъ этого австрійскаго общества.

Каждый нарушитель сего будетъ подвергнутъ особымъ комитетомъ штрафу. Деньги будутъ внесены въ кассу комитаджей, и этотъ фондъ использованъ будетъ въ будущей войнѣ съ Австріей“.

10. „Трибуна“ отъ 26 мая 1913 г., по поводу завладѣнія Австро-Венгріей Ада-Калесомъ, пишетъ: „Развернувъ свой черно-желтый флагъ, преступная Австрія снова учинила разбойническій подвигъ. Онъ уподобляется тому вору, который, не имѣя возможности украсть весь цѣликомъ мѣшокъ денегъ, довольствуется однимъ динаромъ“.

11. 10 іюня 1913 г. сербскія газеты, по поводу годовщины учиненнаго студентомъ Лукою Юкичемъ покушенія на аграмскаго Королевскаго комиссара, напечатали соотвѣтствующія статьи. Въ газетѣ „Правда“ можно прочитать слѣдующее: „При видѣ того, что не всѣ дѣйствовали подобно нашему Юкичу, приходится страдать до глубины души. У насъ нѣтъ больше Юкича, но у насъ есть ненависть, у насъ есть гнѣвъ, у насъ теперь есть десять милліоновъ Юкичей. Мы твердо убѣждены, что скоро въ окно своей тюрьмы Юкичъ услышитъ послѣдній ударъ пушки, возвѣщающій начало эры свободы“.

12. „Мали Журнал“ отъ 7 октября 1913 г. печатаетъ

передовую статью, отвергающую всякое право Австро-Венгріи на существованіе и призывающую всѣ славянскія народности поддержать то наступленіе, которое собирается предпринять противъ нея Сербія.

13. „Пьемонтъ“ отъ 8 октября 1913 г., по поводу годовщины аннексіи, пишетъ: „Сегодня исполнилось пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на Боснію-Герцеговину простертъ былъ императорскимъ декретомъ державный скипетръ Габсбурговъ. Скорбь, причиненная въ этотъ день сербскому народу, будетъ чувствоваться имъ еще долгіе, долгіе годы. Раздавленный, опозоренный сербскій народъ безнадежно застоналъ. Сербскій народъ поклялся отомстить, дабы героическимъ подвигомъ вернуть себѣ свою свободу. Этотъ день пробудилъ уже усыпленную энергію, и настанетъ время, когда ожившій герой устремится къ свободѣ. И нынѣ, въ то время какъ сербскія могилы украшаютъ старинныя сербскія земли, а сербская конница попирала македонскія и старосербскія поля сраженій, — нынѣ сербскій народъ, завершивъ свое дѣло на югѣ, оборачивается въ противоположную сторону, откуда доносятся до него стоны и слезы сербскихъ братьевъ, въ сторону, гдѣ вздымается висѣлица. Сербскіе солдаты, которые борются въ настоящій часъ въ странѣ Душана съ поднятыми противъ насъ отнявшимъ у насъ Боснію-Герцеговину Государствомъ албанцами, — поклялись нынѣ идти противъ „второй Турціи“, подобно тому, какъ съ Божьей помощью, ходили они противъ Турціи балканской. Они клянутся и надѣются, что день мести близокъ. Одна Турція исчезла; милостивый Богъ сербскій по добротѣ Своей соизволитъ намъ исчезновеніе и „второй Турціи“.

14. „Мали Журнал“ отъ 4 ноября 1913 г. пишетъ: „Всякое усиліе, клонящееся къ нашему сближенію съ Австріей, равносильно измѣнѣ сербскому народу. Сербія принуждена склониться предъ обстоятельствами и всегда держать на умѣ, что Австро-Венгрія — ея опаснѣйшій врагъ и что священнѣйшій долгъ всякаго сербскаго Правительства—энергично бороться съ нимъ“.

15. „Правда“ отъ 14 января 1914 г. говоритъ: „Съ нашими новогодними пожеланіями новаго счастья мы прежде всего обращаемся къ нашимъ еще неосвобожденнымъ братьямъ, которые стонутъ въ рабствѣ чужестранца. Крѣпко стойте, сербы! За Коссовымъ шло Куманово, и наше тріумфальное шествіе еще не окончилось“.

16. „Новости“ отъ 18 января 1914 г., изображая водосвятіе въ Босніи, сопровождаютъ его слѣдующимъ текстомъ:

„Даже въ мѣстностяхъ, еще стонущихъ подъ чужестраннымъ игомъ, сербы хранятъ свои обычаи, пока заря свободы не застанетъ ихъ преисполненными энтузіазма“.

17. „Застава“ въ январѣ 1914 г. признается: „Сербія побуждаетъ къ возстанію австро-венгерскихъ подданныхъ сербовъ“.

18. „Мали Журнал“ отъ 9 марта 1914 г. пишетъ: „Сербія не забудетъ, какъ Францъ-Фердинандъ гремѣлъ своей саблей по поводу скутарійскаго дѣла“.

19. „Застава“ отъ 4 апрѣля 1914 г. пишетъ: „Ведя политику ненависти, политику лишенныхъ широты взглядовъ бюрократовъ, австрійскіе государственные люди сами готовятъ гибель своего Государства“.

20. „Правда“ отъ 8 апрѣля 1914 г. говоритъ: „Нынѣ Австрія утратила свои права на существованіе“.

21. Въ своихъ пасхальныхъ нумерахъ (апрѣль 1914 г.) всѣ сербскія газеты выражаютъ надежду, что еще не освобожденные и еще стонущіе подъ ярмомъ братья, скоро тоже будутъ праздновать радостное воскресеніе“.

22. „Трибуна“ отъ 23 апрѣля 1914 г. содержитъ слѣдующее: „Пацифисты придумали новое эффектное слово, это—„европейскій патріотизмъ“. Но такая программа можетъ стать осуществимой только съ расчлененіемъ Австріи“.

23. „Мали Журнал“ отъ 12 мая 1914 г. пишетъ: „То, что въ частной жизни зовется преступленіемъ, въ Австріи это называется политикой. Исторія знаетъ одно чудовище, и это чудовище называется Австрія“.

Приложеніе 2.

Извлеченіе изъ корпоративнаго органа Народной Одбраны, публикуемаго центральнымъ Комитетомъ Ассоціаціи того же наименованія.

(„Народна Одбрана, издание стредисног одбора народне одбране“. Београд, 1911. Нова штампарна Давидович, Деканска ул. бр. 14, Люб. Давидовича).

Въ краткомъ предисловіи прежде всего отмѣчается что эта брошюра вслѣдствіе различныхъ причинъ не имѣетъ ни права, ни возможности дать точнаго и полнаго представленія о всей дѣятельности Народной Одбраны.

Вся брошюра раздѣлена на три части; въ первой изъ

нихъ заключается 14 главъ, гдѣ излагается программа; во второй части приводится отчетъ о дѣятельности Ассоціаціи и въ третьей даются образцы уставовъ для организаціи такихъ же ассоціацій за границей.

Въ главѣ I „Происхожденіе и дѣятельность первой Народной Обраны“ имѣется указаніе, что эта ассоціація основана въ виду того народнаго возбужденія, которое возникло, благодаря аннексіи Босніи и Герцеговины.

Она преслѣдуетъ слѣдующія задачи:

1. Подъемъ, ободреніе и укрѣпленіе національнаго чувства;

2. Запись и наборъ добровольцевъ;

3. Образованіе добровольческихъ группъ и подготовку ихъ къ военнымъ дѣйствіямъ;

4. Сборъ добровольныхъ пожертвованій деньгами и всѣмъ, что можетъ оказаться полезнымъ для осуществленія задачъ ассоціаціи;

5. Организація, снаряженіе и подготовку особой группы инсургентовъ для веденія войны особымъ независимымъ образомъ;

6. Развитіе во всѣхъ направленіяхъ дѣятельности, клонящейся къ защитѣ сербскаго народа.

По изложеніи этой программы дѣлается оговорка, что признаніе великими Державами аннексіи положенъ конецъ всей этой дѣятельности ассоціаціи; послѣ чего, согласно нынѣ дѣйствующимъ законамъ объ ассоціаціяхъ, произведена была реорганизація этой программы; поставлены были новыя задачи, а именно: „чтобы старое красное знамя Народной Одбраны, если представится къ тому случай, могло развернуться снова.

Во II главѣ „Нынѣшняя новая Народная Одбрана“ прежде всего говорится такъ: „На опытѣ обнаружилось, что въ моментъ аннексіи Сербія не была готова къ той борьбѣ, къ которой обязывали ее событія, и что борьба, которую Сербіи надлежало вести, была гораздо серьезнѣе и труднѣе, чѣмъ это предполагалось. Аннексія была только однимъ изъ тѣхъ ударовъ, которые наносятся Сербіи врагами этой страны; однимъ изъ ударовъ, которому предшествовало много другихъ и будетъ столько же еще послѣдовать. И дабы новое нападеніе не могло больше застать Сербію врасплохъ, необходимо приготовляться и работать“. Въ видѣ задачи этой „работы“, которая должна охватить всѣ до послѣдняго слои народа, предлагается подготовка націи къ борьбѣ, при помощи всѣхъ отраслей народной дѣятельности, въ согласіи съ требованіями современной эпохи. Въ качествѣ орудія предлагаются воз-

рожденіе національнаго самосознанія, физическія упражненія, гигіена, подъемъ цивилизаціи и пр. до такихъ градусовъ, когда въ этой области индивидумъ и общество будутъ въ состояніи и должны дѣйствовать заодно съ Государствомъ".

III глава „Три главныя задачи" начинается такимъ замѣчаніемъ: „Аннексія показала, что національное самосознаніе не настолько сильно, какъ ему слѣдовало бы быть въ такой странѣ, которая, при 3 милліонахъ жителей, должна быть надеждой и поддержкой 7 милліоновъ сербовъ, еще находящихся подъ чужеземнымъ игомъ. Укрѣпленіе національнаго самосознанія должно быть первымъ долгомъ ассоціаціи; развитіе физической подготовки — вторымъ; и достиженіе умной утилизаціи этой спортивной дѣятельности — третьимъ".

Въ главѣ IV, гдѣ разбирается вопросъ о стрѣльбѣ, и въ виду исключительнаго положенія Сербіи, гдѣ воинская подготовка продолжается только шесть мѣсяцевъ, настаиваетъ на значеніи хорошаго обученія въ смыслѣ стрѣльбы. Эти разсужденія заканчиваются слѣдующимъ заключеніемъ: „Необходимо, чтобы какой-нибудь новый ударъ въ родѣ того, какимъ была аннексія, отраженъ былъ другою новой Сербіей, въ которой всякій сербъ, отъ ребенка до старика, умѣетъ стрѣлять".

V глава, трактующая „Отношенія Народной Одбраны къ сокольскимъ организаціямъ", начинается съ общаго изложенія, которое на примѣрѣ отношеній между политикой и цивилизаціей показываетъ намъ, при какихъ условіяхъ государства становятся сильными. По этому поводу припоминается упадокъ Турціи и добавляется: „Пришедшіе съ юга старинные турки мало-по-малу исчезли, и только часть нашего народа страдаетъ еще подъ ихъ владычествомъ. Но съ сѣвера двигаются новые турки, которые еще страшнѣе и опаснѣе, чѣмъ старые. На насъ обрушивается съ сѣвера болѣе сильный въ умственномъ и въ экономическомъ отношеніи врагъ. Онъ хочетъ отнять у насъ нашу свободу, нашъ языкъ и раздавить насъ. Признаки этой неизбѣжной борьбы уже замѣтны. Предъ сербскимъ народомъ возникаетъ вопросъ: быть или не быть.

VII глава „Ожидаемые нами результаты конференціи" свою суть содержатъ въ слѣдующихъ фразахъ: „Народна Одбрана организовала конференціи, которыя болѣе или менѣе являются орудіемъ пропаганды. Въ нихъ развертывалась программа нашей новой дѣятельности. На каждой конференціи говорилось объ аннексіи, о дѣятельности старой Народной Одбраны и объ обязанностяхъ, лежащихъ на новой. Эти конференціи не перестанутъ быть орудіемъ пропаганды, но онѣ

все болѣе и болѣе будутъ приспособляться къ различнымъ спеціальностямъ и заниматься всякими вопросами, которые касаются нашей соціальной и національной жизни".

Глава VIII („Женская дѣятельность въ Народной Одбранѣ"), IX („Мелкія работы") и X („Возрожденіе Общества"), перечисляя обязательства Народной Одбраны, трактуютъ подготовку и расширеніе корпоративнаго труда, необходимость возрожденія индивидума, народа и государства.

Глава XI („Новые Обиличъ и Сингіеличъ" [1]) въ своемъ введеніи содержитъ слѣдующее: Заблужденіе думать, что Коссово представляетъ событіе, случившееся разъ навсегда. Мы переживаемъ точно такое же Коссово. Наше нынѣшнее Коссово, это — тѣ мракъ и невѣжество, въ которыхъ пребываетъ нашъ народъ. А остальныя причины этого новаго Коссова слѣдуетъ искать на сѣверныхъ и западныхъ границахъ, это—нѣмцы, австрійцы, швабы съ ихъ проникновеніемъ въ наши сербскія и юго-славянскія области". Развивая эту мысль, припоминаются геройскіе подвиги Обилича и Сингіелича и указывается на необходимость пожертвовать собою на пользу народа. Между прочимъ говорится: „Національная работа требуетъ жертвъ, въ особенности въ Турціи и Австріи, гдѣ труженики этой категоріи подвергаются гоненіямъ со стороны властей, заключаются въ тюрьмы или вѣшаются. Для этой борьбы съ мракомъ и невѣжествомъ тоже нужны герои такого закала. Народная Одбрана не сомнѣвается, что въ той неизбѣжной борьбѣ при помощи пушекъ и ружей, которая завяжется со швабами и другими нашими недругами, нашъ народъ сможетъ дать цѣлый рядъ героевъ. Но Народная Одбрана, во всякомъ случаѣ, не довольствуется этимъ результатомъ, ибо она смотритъ на нынѣшнія такъ называемыя мирныя отношенія, какъ на войну, и тоже требуетъ героевъ и для той борьбы, которую мы ведемъ теперь въ Сербіи и за ея предѣлами".

XII глава разсматриваетъ „Сношенія съ братьями и друзьями". Ея сжатое содержаніе выражено въ нижеслѣдующихъ фразахъ:

---

[1]) По сербскому преданію, Милошъ Обиличъ (или Кобиличъ) послѣ сраженія на Коссовомъ Полѣ проникъ въ турецкій лагерь и убилъ тамъ султана Мурада (Каллай: Исторія сербовъ. Томъ I). Стефанъ Сингіеличъ, князь Резары, сыгралъ свою роль въ сербское возстаніе 1807—1810 гг. Въ 1809 г. Сингіеличъ защищалъ отъ турокъ редутъ Чагаръ и, видя, что не можетъ держаться противъ превосходныхъ силъ противника, говорятъ, велѣлъ взорвать себя съ частью своихъ солдатъ и съ большимъ количествомъ турокъ (Каллай: Исторія сербскаго возстанія).

„Одною изъ существенныхъ задачъ, поставленныхъ себѣ Народною Одбраной, является поддержаніе сношеній съ нашими близкими и далекими братьями, живущими по ту сторону рубежа, а равно и съ остальными нашими друзьями на свѣтѣ. Подъ словомъ „народъ“ Народна Одбрана разумѣетъ весь цѣликомъ нашъ сербскій народъ, а не тотъ только, который населяетъ Сербію. Она надѣется, что исполняемая ею въ Сербіи работа побудитъ живущихъ внѣ Сербіи братьевъ принять болѣе дѣятельное участіе въ этой работѣ частной инициативы, дабы новый подъемъ нашей дѣятельности, клонящійся къ созданію во всѣхъ сербскихъ странахъ своей сильной сербской Народной Одбраны, не встрѣтилъ себѣ препятствій“.

Глава XIII „Двѣ важныя задачи“ содержатъ между прочимъ слѣдующее: „Такъ какъ аннексія Босніи-Герцоговины явно раскрыла наводненіе нашихъ областей со стороны сѣвера, то, становясь на эту точку зрѣнія, Народна Одбрана считаетъ Австро-Венгрію величайшимъ нашимъ врагомъ и за таковую выставляетъ ее предъ сербскимъ народомъ“. Въ дальнѣйшемъ развитіи „этотъ трудъ“ (то-есть выставленіе Австріи предъ сербскимъ народомъ за его главнѣйшаго врага) считается ассоціацией трудомъ необходимымъ, въ которомъ нѣтъ ничего вреднаго,—основнымъ долгомъ... Далѣе въ брошюрѣ содержится: подобно тому какъ нѣкогда на насъ обрушились съ юга турки, такъ нынѣ Австрія бросается на насъ, наступая съ сѣвера. Проповѣдуя необходимость подобной борьбы съ Австріей, Народна Одбрана проповѣдуетъ святую истину и выставляетъ положеніе нашей страны въ его настоящемъ видѣ“.

Порожденная этой пропагандой ненависть къ Австріи является конечно не цѣлью, а естественнымъ результатомъ этой „работы“, которая задалась цѣлью сохранить Сербіи ея существованіе и свободу. Если же сверхъ ожиданія ненависть къ Австріи разрастется, то сѣятельницей ея будетъ Австрія, которая своимъ наступательнымъ движеніемъ „принуждаетъ насъ къ борьбѣ съ Австріей, до искорененія этой послѣдней“.

Послѣ восхваленія современнаго пониманія національной идеи, дѣлается замѣчаніе, что въ толкованіи словъ „освобожденіе и объединеніе“ слишкомъ много фразеологіи. Съ народомъ нужно говорить вотъ какимъ языкомъ:

„Освобожденіе нашихъ сербскихъ земель, находящихся еще подъ чужеземнымъ игомъ, и ихъ возсоединеніе съ Сербіей представляется совершенно необходимымъ для нашего

монарха, нашихъ торговцевъ и нашихъ крестьянъ вслѣдствіе существенной нужды въ цивилизаціи и въ торговлѣ, такъ какъ намъ необходимы хлѣбъ и земля. Когда народъ пойметъ эту истину, то онъ съ величайшимъ самоотверженіемъ приметъ участіе въ этомъ народномъ дѣлѣ. Нашему народу непремѣнно надо сказать, что ему необходимо освобожденіе Босніи, не только изъ жалости къ страждущимъ еще тамъ нашимъ братьямъ, но также и въ интересахъ торговли и свободнаго выхода къ морю.

Эти „двѣ задачи“ Народной Одбраны еще разъ выражены въ нижеслѣдующей фразѣ: „Независимо отъ обязанности объяснять народу ту опасность, которая угрожаетъ ему со стороны Австріи, Народна Одбрана задается еще одною важною цѣлью: это—распространять въ народѣ, оставляя въ неприкосновенности священныя традиціи націи, это новое, въ одно время здоровое и плодотворное пониманіе національизма и заставить его понять необходимость работать въ интересахъ освобожденія и объединенія всѣхъ сербовъ.

Послѣдняя въ брошюрѣ XIV глава начинается съ призывами къ Правительству и сербскому народу: надо всѣми силами готовиться къ „возвѣщенной намъ аннексіей“ борьбѣ.

Въ слѣдующей же фразѣ снова перечисляется вся дѣятельность Народной Одбраны: „Развивая удачную и согласную съ перемѣнившимся положеніемъ дѣятельность, Народна Одбрана, не пренебрегая никакими завязанными во время аннексіи связями, нынѣ представляетъ собою то самое, чѣмъ она была во время аннексіи. Она донынѣ Одбрана (оборона), она донынѣ Народна (народная). Она донынѣ собираетъ сербскихъ гражданъ подъ своими знаменами, какъ собирала ихъ въ эпоху аннексіи. Тогда требовали войны, нынѣ же требуютъ работы; раньше нужны были митинги, манифестаціи, комитеты добровольцевъ, вооруженіе, бомбы; а теперь—безшумный, фанатическій, неутомимый трудъ, предназначаемый для осуществленія вышеизложенныхъ нами задачъ и въ предвидѣніи той борьбы, при помощи пушекъ и ружей, которую намъ придется выдержать“.

Относительно организаціи Народной Одбраны, эта брошюра и годовой отчетъ содержатъ слѣдующія указанія:

Вся организація Народной Одбраны управляется пребывающимъ въ Бѣлградѣ центральнымъ комитетомъ. Ему подчинены всѣ прочіе комитеты. Центральный комитетъ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, вѣдающихъ: умственный трудъ, физическое развитіе, финансовые вопросы и внѣшнія дѣла.

Окружные комитеты, находящіеся въ мѣстахъ пребыванія окружныхъ государственныхъ властей, завѣдуютъ корпоративными дѣлами въ предѣлахъ каждаго даннаго округа. Каждый окружной комитетъ раздѣляется на много отдѣловъ: умственнаго труда (его предсѣдателемъ является живущій въ этой мѣстности директоръ отдѣленія Культурной лиги); физическаго развитія (его предсѣдателемъ избирается одинъ изъ живущихъ здѣсь членовъ общества Стрѣлковъ, Соколовъ, Охотниковъ или Всадниковъ), и наконецъ, — финансовыхъ вопросовъ; нѣкоторые комитеты имѣютъ также и отдѣлъ внѣшнихъ дѣлъ.

Областные комитеты находятся въ мѣстахъ пребыванія областныхъ государственныхъ властей и завѣдуютъ корпоративными дѣлами всей данной области.

Мѣстные комитеты служатъ правящими органами въ различныхъ мѣстностяхъ. Кромѣ того, повсюду въ странѣ, гдѣ нѣтъ нужды въ учрежденіи отдѣльнаго комитета, имѣются вѣрные люди.

Въ тѣсномъ общеніи съ Народной Одбраной, въ цѣляхъ организаціонной работы, находятся слѣдующія, пользующіяся ея всесторонней поддержкой ассоціаціи: союзъ Стрѣлковъ, состоящій изъ 762 обществъ; союзъ Соколовъ („Душан Сильни"), насчитывающій 2.500 участниковъ; Олимпійскій клубъ; общество Всадниковъ („Князь Михайло"); союзъ Охотниковъ и Культурная лига.

Всѣ эти ассоціаціи организованы по образцу Народной Одбраны; пользуются однимъ и тѣмъ же помѣщеніемъ, а при случаѣ—даже помѣщеніемъ Народной Одбраны; библіотекой этой послѣдней и т. п. Вліятельные члены этихъ ассоціацій избираются предсѣдателями отдѣловъ мѣстныхъ комитетовъ Народной Одбраны.

Приложеніе 3.

Извлеченіе изъ отчета о „Дѣятельности Ассоціаціи Соколовъ („Душан Сильни") въ Крагуевацѣ за 1912 и 1913 гг."

(Крагуевацъ, Типографія „Будучност." Тих. Лекича, 1914 г.).

Въ началѣ этого отчета напечатана привѣтственная рѣчь, которую произнесъ предъ Общимъ собраніемъ ассоціаціи въ январѣ 1914 г. президентъ ассоціаціи майоръ Королевской сербской службы Ковачевичъ.

„Вамъ извѣстно, — началъ президентъ, — что организація

Соколовъ получила свое начало въ борьбѣ съ германизмомъ, что она представляетъ собой чисто славянское учрежденіе, преслѣдующее цѣль объединенія всѣхъ братьевъ славянъ, преисполненія ихъ энтузіазмомъ и подготовки ихъ путемъ культурнаго и физическаго развитія къ борьбѣ съ врагами славянства. „Мы, сербы, въ качествѣ частицъ великой славянской семьи, усвоили сокольскую идею и присоединились къ той общей работѣ, которая должна обезпечить намъ и нашимъ братьямъ благосостояніе и счастье.

„Мы, сербы, тоже хотимъ жить и работать въ духѣ Соколовъ, ибо мы хотимъ оживить утомленныхъ и уставшихъ, подкрѣпить слабыхъ и колеблющихся, освободить полоненныхъ и закованныхъ. Именно это мы и дѣлаемъ до сихъ поръ и въ прежнія войны. Мы освободили одну часть нашихъ братьевъ изъ подъ гнета южнаго врага; мы разбили ихъ оковы; мы освободили ихъ отъ ихъ мукъ; мы вернули имъ свободу, дабы они почувствовали въ ней всю радость равенства и братства“.

Воздавъ въ нѣсколькихъ словахъ хвалу „этому благородному труду, который осуществилъ часть великой сокольской идеи“, майоръ Ковачевичъ продолжалъ:

„Но, братья и сестры, нашъ сѣверный недругъ тѣмъ опаснѣе и неумолимѣе, чѣмъ онъ сильнѣе экономически и умственно. Аппетиты этого врага ненасытны, онъ держитъ въ оковахъ и въ рабствѣ милліоны нашихъ братьевъ, онъ лишилъ ихъ свободы и ихъ правъ и всѣхъ превратилъ въ слугъ. Эти братья ропщутъ, зовутъ насъ, умоляютъ скорѣе придти къ нимъ на помощь.

„Мы не имѣемъ права покинуть ихъ въ жертву этому жестокому и прожорливому врагу. Намъ скорѣе надо идти къ нимъ на помощь, ибо это—нашъ долгъ. Можемъ ли мы, въ концѣ концовъ, быть счастливы, когда столько нашихъ братьевъ живутъ, страдаютъ и стонутъ въ рабствѣ.

„Братья и сестры! Этотъ врагъ опасенъ, жаденъ и безстыденъ. Будемъ же всегда настражѣ.

„Будемъ же работать съ еще большей радостью, съ еще большимъ духомъ самопожертвованія. Въ точности исполняя долгъ Соколовъ, докажемъ нашу вѣрность и настойчивость. Будемъ готовиться къ борьбѣ за осуществленіе сокольскаго правосудія. Объединимся, сгруппируемся въ безчисленныя стаи Соколовъ и будемъ безпрестанно думать о той истинѣ, которая написана на Сокольскомъ знамени: „Только здоровый, сильный, хорошо организованный и сознающій свою

національность народъ способенъ защищаться, бороться и побѣдить“.

Послѣ рѣчи председателя слѣдуетъ отчетъ административнаго Комитета. За описаніемъ достигнутыхъ за послѣднія двѣ войны успѣховъ, которые на два года парализовали дѣятельность ассоціаціи, слѣдуютъ такія строки: „Насталъ день, когда намъ надо вернуться къ нашей работѣ, такъ какъ программа наша еще не исполнена, и наша миссія еще не закончена. Большая часть нашего народа еще испытываетъ крестныя муки Христа. Намъ предстоитъ еще побывать у нашихъ братьевъ по сторону Дрины; намъ нужно еще побывать въ Сараевѣ и въ наслѣдіи святого Саввы[1]), пройти родную землю Марины Новакъ, Дели Родивоя и стараго Вуядина; намъ нужно еще перейти горы Романіи и посмотрѣть, отчего затуманился Травникъ. Надо, чтобы смолкла, наконецъ, эта пѣсня: „Увы! Боснія, сирота ты предъ Богомъ, неужели нѣтъ у тебя нигдѣ кровной родни?“

Вслѣдъ за изложеніемъ различныхъ предпріятій ассоціаціи, сообщается, что она поддерживала сношенія съ „братскими обществами по ту сторону Савы и Дрины“. Въ особенности выдвигается то, что послана была делегація на праздновавшійся въ Сараевѣ юбилей „Просвѣты“. По этому поводу въ отчетѣ имѣются такія строки: „Отправляя представителей къ братьямъ-боснякамъ, комитетъ этимъ актомъ хотѣлъ сказать имъ: „Мы васъ не забыли; мощны еще крылья сокола Шумадіи“.

За подробнымъ описаніемъ посѣщенія Сербіи аграмскими студентами [2]) и освященія знамени общества Трезвости молодежи, отчетъ комитета заканчивается слѣдующимъ заключеніемъ:

„Эти явленія (прибытіе хорватскихъ братьевъ въ Шумадію и съѣздъ трезвенной молодежи изо всѣхъ областей сербской расы) Администрація умѣетъ цѣнить по ихъ настоящей стоимости, и не будетъ преувеличеніемъ считать, что эти событія являются зародышемъ и началомъ той великой

---

[1]) Святой Савва—покровитель сербовъ. Ducatus Sancti Sava—означаетъ Герцеговина. Слѣдовательно, наслѣдіе святого Саввы является синонимомъ Герцеговины.

[2]) Это посѣщеніе аграмскими студентами Бѣлграда, Ниша, Семендріи и пр (въ апрѣлѣ 1912 г.) подало въ Сербіи поводъ къ большимъ манифестаціямъ противъ Монархіи; путешественникамъ оказаны были воинскія почести; въ Военной академіи и въ офицерскомъ казино даны были завтраки и балы. Въ Нишѣ въ честь гостей произведенъ былъ смотръ войскамъ.

драмы, которой предстоитъ разыграться въ ближайшемъ будущемъ".

„Онѣ являются признакомъ великаго, но доселѣ безгласнаго пробужденія національнаго самосознанія и угнетенныхъ силъ, которымъ препятствуютъ подняться и объединиться. Еще немного времени и эти зародыши созрѣютъ; когда же народная душа вздохнетъ свободнѣе, то не останется такой препоны, которой она не смогла бы преодолѣть, такого препятствія, котораго она не разбила бы на своемъ пути. Работать надъ укрѣпленіемъ этой мощи, способствовать и ускорять ходъ этой эволюціи, подготовлять и поддерживать эту мысль и составляетъ ту цѣль, къ которой стремится администрація".

Въ отчетѣ кассира прежде всего перечисляются лица, оказавшія свою поддержку ассоціаціи. Помимо ряда членовъ окружного комитета въ Крагуевацѣ, благодарность адресуется: окружному комитету Народной Одбраны въ Крагуевацѣ, въ особенности же его отдѣлу Всадниковъ, которые часто помогали ассоціаціи Соколовъ своими щедрыми пожертвованіями; директору крагуевацкой гимназіи, „который безпрестанно проявлялъ къ Соколамъ свою отеческую заботливость"; командующему Шумадійской дивизіей, который щедро поддерживалъ ассоціацію; предсѣдателю окружнаго суда въ Крагуевацѣ; предсѣдателю клуба и городскому головѣ Крагуеваца.

Воздавъ должное памяти членовъ ассоціаціи, павшихъ во время войны, кассиръ заканчиваетъ свой отчетъ нижеслѣдующими фразами:

„Одержавъ столь блистательную побѣду надъ одной частью нашихъ враговъ, правленіе общества надѣется, что отнынѣ вы посвятите себя развитію Сокольской идеи съ еще большей настойчивостью и любовью, дабы воспитать въ вашемъ Сокольскомъ гнѣздѣ такихъ соколовъ, которые въ назначенный день будутъ способны взлетѣть и донести на своихъ крыльяхъ братство, любовь и свободу пока еще подневольнымъ братьямъ".

Этотъ годовой отчетъ подписали, въ качествѣ президента: майоръ М. І. Ковачевичъ; въ качествѣ секретаря, секретарь суда Д. В. Брзаковичъ. и десять членовъ правленія комитета, въ числѣ коихъ—два профессора (Эмилій Лукичъ и Михаилъ Васичъ), а равно еще одинъ пѣхотный офицеръ майоръ Михаилъ Васичъ).

Изъ этого годового отчета, равно какъ и изъ одного листа, посланнаго Сокольской ассоціаціей въ Крагуевацѣ въ

„Српски Соколъ“ въ Тузлѣ (съ просьбой о заполненіи его и тоже подписаннаго майоромъ Ковачевичемъ и секретаремъ суда Брзаковичемъ) явствуетъ, что сокольскія ассоціаціи въ Сербіи находятся съ подобными же организаціями въ Монархіи въ такомъ общеніи, о близости котораго до сихъ поръ не имѣли понятія.

Приложеніе 4.

Оффиціальная сербская газета на службѣ Народной Одбраны.

Оффиціальная сербская газета „Српски Новине“ 28 іюня (нов. стиля) раздала всѣмъ своимъ подписчикамъ, въ качествѣ приложенія, воззваніе Народной Одбраны.—Въ этомъ воззваніи имѣются слѣдующія мѣста:

„Братья и сестры! Коссово отмщено не до конца, день праздника Божій День (Видовдан) искупленъ только отчасти. До крайнихъ предѣловъ нашей земли, гдѣ только слышится нашъ родной языкъ, будь онъ сербскій, хорватскій или словенскій, отъ Кикинды до Монастыра, отъ Тріеста до Карево-Соло, всякій знаетъ что̀ означаетъ праздникъ Божьяго Дня и Коссово.—Чѣмъ больше будетъ въ этой странѣ стонущихъ патріотовъ, тѣмъ плачевнѣе будутъ жалобы наши скованныхъ братьевъ и тѣмъ болѣе потребуется отъ насъ работы и принесенныхъ жертвъ.

Нѣкогда Божій День могъ имѣть для насъ значеніе траура, но нынѣ, когда мы глубоко вошли въ новый періодъ исторіи нашего народа, когда мы уже оставили за собой величавыя и славныя событія національнаго значенія и ожидаемъ еще болѣе грандіозныхъ и еще болѣе славныхъ; нынѣ, когда мы созидаемъ великое сербское Государство, нынѣ Божій День долженъ быть, вслѣдствіе вызванныхъ имъ и совершившихся событій и еще больше того вслѣдствіе тѣхъ, которыя онъ повлечетъ дальше, днемъ великой радости и гордости. Сербскіе мужи и женщины, нынѣ къ намъ, дѣтямъ королевства, прикованы глаза милліоновъ нашихъ братьевъ словенцевъ, хорватовъ и сербовъ за предѣлами нашей страны; радостью и надеждой вздымаются ихъ груди, ибо наши нынѣшнія величественныя манифестаціи они считаютъ за исключительное національное событіе.—Богъ на помощь храбрымъ! Всѣ впередъ! Великій долгъ повелѣваетъ намъ докон-

чить священную еще не завершенную задачу".—Въ Божій День, въ Бѣлградѣ, 1914 г.

Приложеніе 5.

Показаніе Трифки Крштановича о Народной Одбранѣ.

Приказчикъ мясной лавки въ Завидовичахъ, Трифко Крштановичъ, арестованъ былъ въ ночь съ 6-го на 7-ое іюля 1914 г. жандармскимъ патрулемъ за то, что нѣкоторое время спустя послѣ совершенія покушенія на особу Эрцгерцога Франца-Фердинанда, выразился, что этого покушенія надо было ожидать; эти слова его возбудили подозрѣніе въ томъ, что онъ могъ знать что-нибудь о заговорѣ.

Поэтому онъ преданъ былъ сараевскому окружному суду. Но въ теченіе его допроса оказалось возможнымъ установить, что высказанныя обвиняемымъ слова не подтвердили павшаго на него подозрѣнія. Въ дѣйствительности, онъ опирался лишь на то, что раньше зналъ о дѣятельности Народной Одбраны, когда высказалъ свое убѣжденіе, что, принимая во вниманіе разросшееся въ Сербіи движеніе противъ австро-венгерской Монархіи, въ особенности же противъ Эрцгерцога Франца-Фердинанда,—такой актъ и не могъ не произойти. Вслѣдствіе этого обстоятельства и за неимѣніемъ какихъ-либо матеріальныхъ уликъ, начатое противъ Крштановича дѣло было пріостановлено; принимая же во вниманіе его знакомство съ такими подробностями дѣятельности Народной Одбраны, которыя не лишены были значенія для слѣдствія, означенный обвиняемый задержанъ былъ въ качествѣ свидѣтеля.

Мы приводимъ здѣсь извлеченіе изъ даннаго имъ 14 іюля 1914 г. показанія на счетъ интересующихъ насъ обстоятельствъ:

„Перебравшись осенью 1908 г. черезъ Мокру Гору у Вышеграда, я перешелъ границу и вступилъ въ Сербію, чтобы поискать занятій. Сначала я отправился въ Байну-Басту, въ округѣ Ужицы, но не найдя никакой работы, отправился въ Бѣлградъ, куда прибылъ какъ разъ въ то время, когда провозглашена была аннексія Босніи-Герцеговины. Убѣдившись въ томъ, что аннексія произвела на все населеніе большое впечатлѣніе и сильно возбудила всѣ умы и что мнѣ

не удастся найти какихъ-либо занятій, я отправился въ Императорское и Королевское консульство съ просьбой вернуть меня на родину. Мнѣ отвѣтили, чтобы я зашелъ еще разъ въ теченіе дня и что тогда сдѣлаютъ все необходимое, для моей отправки домой. Когда я, во всякомъ случаѣ, выходилъ изъ консульства, то на улицѣ остановленъ былъ однимъ жандармомъ, который спросилъ меня, гдѣ я былъ; думая, что я шпіонъ, онъ отвелъ меня въ „караулъ". Тамъ меня подвергли допросу, и когда я сказалъ имъ, что хочу вернуться на родину, то какой-то унтеръ-офицеръ началъ бранить меня, упрекая въ томъ, что я хочу бросить Сербію въ такое время, когда она нуждается въ людяхъ, такъ какъ у нея можетъ вспыхнуть война съ Австріей.

Я отвѣтилъ ему, что мнѣ не на что жить; онъ отвѣтилъ, что меня обезпечатъ во всемъ, если я запишусь въ комитетъ. Благодаря бѣдственному положенію, въ которомъ я находился, я согласился, и жандармъ отвелъ меня въ гостиницу „Зеленомъ Вѣнцу", гдѣ представилъ меня начальнику комитета и капитану регулярной арміи, Войѣ Танкосичу. Въ „Зеленомъ Вѣнкѣ" меня помѣстили и кормили; и тамъ же, какъ я убѣдился, жили другіе члены комитета. Войя Танкосичъ объяснилъ мнѣ, что задача комитета обучать обращенію съ бомбами, разрушать мосты, туннели, телеграфныя линіи и желѣзнодорожные пути, такъ какъ между Сербіей и Австріей можетъ вспыхнуть война. Затѣмъ какой-то человѣкъ отвелъ меня въ небольшой, принадлежащій казнѣ, домъ, рядомъ съ министерствомъ Финансовъ и гдѣ помѣщалась секретарская часть комитета. Здѣсь я встрѣтился съ Миланомъ Прибычевичемъ, который записалъ меня въ члены комитета. Въ моментъ этой записи Миланъ Прибычевичъ спросилъ меня, объяснилъ ли мнѣ Войя Танкосичъ, въ чемъ заключаются мои обязанности въ качествѣ „комита"; я отвѣтилъ ему утвердительно. Онъ сказалъ мнѣ, что присоединяющіеся должны быть люди способные, сильные и готовые на самопожертвованіе. Въ это время насъ было около 70 человѣкъ.

Въ Бѣлградѣ мы ничего не дѣлали. По истеченіи шести недѣль нашъ начальникъ Танкосичъ сообщилъ намъ, что великія Державы запретили нашъ комитетъ, и что мы должны удалиться изъ Бѣлграда и укрыться въ какомъ-нибудь глухомъ уголкѣ, гдѣ не бываютъ чужестранцы. Такимъ образомъ насъ отправили въ городъ Купрію. Здѣсь насъ обучали офицеры Войя Танкосичъ, Душанъ Путникъ, Живко Гвоздичъ и Митаръ Двиновичъ; послѣдній изъ нихъ замѣшанъ былъ въ

черногорскомъ дѣлѣ бомбъ и разстрѣлянъ въ Черногоріи. Чтобы мы не могли разузнать о преслѣдуемыхъ нами цѣляхъ и о нашей численности, намъ было запрещено входить въ сношенія съ посторонними лицами. Мы упражнялись въ метаніи бомбъ, во взрывѣ подкоповъ, въ разрушеніи телеграфныхъ линій, желѣзнодорожныхъ путей, туннелей и мостовъ. Каждыя двѣ недѣли насъ посѣщали Миланъ Прибычевичъ, генералъ Божо Янковичъ, аптекарь Шкаричъ, депутатъ Живко Кайфаловичъ и одинъ чиновникъ министерства Финансовъ Глисичъ Милютинъ; эти особы присутствовали при нашихъ опытахъ и каждый разъ расплачивались за наше содержаніе. Инструкторы наши говорили намъ, что какъ только вспыхнетъ война, мы, комитетскіе, двинемся передовыми, за нами пойдутъ добровольцы и затѣмъ уже—регулярная армія. Въ Купріи насъ было около 140 человѣкъ. Кромѣ пропитанія, помѣщенія и одежды, каждый изъ насъ получалъ 25 „паръ“ въ день на табакъ. Обученіе приблизительно продолжалось три мѣсяца, т. е. до марта 1909 г. Въ это время члены правленія нашего комитета объявили намъ, что въ виду признанія великими Державами аннексіи Босніи-Герцеговины, нашъ комитетъ не имѣетъ смысла дальнѣйшаго существованія, насъ распускаютъ и мы можемъ идти, куда хотимъ.

„Во время роспуска комитета генералъ Божо Янковичъ сказалъ мнѣ, что я принятъ на службу къ Божо Милановичу въ Шабацѣ, гдѣ буду получать по 50 динаромъ въ мѣсяцъ. Онъ не объяснилъ мнѣ, какого рода будетъ моя служба. Я согласился, такъ какъ въ качествѣ комитаджи сознавалъ необходимость повиноваться генералу Янковичу, а кромѣ того я не имѣлъ средствъ къ жизни и мнѣ надо было зарабатывать себѣ пропитаніе. Такимъ образомъ въ мартѣ 1909 г. я прибылъ въ Шабацъ и явился къ шабацкому купцу Божо Милановичу. Генералъ Янковичъ сказалъ мнѣ, что Божо Милановичъ состоитъ предсѣдателемъ Народной Одбраны въ Шабацѣ и что у него я поступаю на службу въ этомъ обществѣ.

Когда я передалъ Божо Милановичу письмо генерала и когда онъ прочелъ его, то сказалъ мнѣ, что я долженъ быть вѣрнымъ слугою и исполнять его приказанія. Главною моею обязанностью было доставлять по назначенію письма, каковъ бы ни былъ ихъ адресъ. Если же бы мнѣ случилось не доставить какого-нибудь письма по его назначенію или вручить его какому-нибудь постороннему лицу, то я отвѣчалъ моей жизнью.

На слѣдующій день Божо Милановичъ далъ мнѣ запеча-

танное письмо, которое я долженъ былъ доставить таможенному унтеръ-офицеру въ Сербской Ракѣ, Чедо Лукичу. По дорогѣ въ Раку, въ деревнѣ Богатичъ я задержанъ былъ окружнымъ капитаномъ, который взялъ у меня письмо, открылъ его и прочелъ. Въ немъ говорилось, что Лукичъ немедленно долженъ былъ купить три лодки, чтобы онѣ были готовы на случай надобности. Въ письмѣ прилагалось сто динаровъ. По этому случаю капитанъ сказалъ мнѣ, что изъ министерства полученъ приказъ, строго воспрещающій комитатджамъ, во избѣжаніе всякаго международнаго вмѣшательства, предпринимать что-нибудь самовольно. Я вернулся въ Шабацъ и разсказалъ Божо Милановичу, что со мной случилось. Божо Милановичъ обратился къ префекту округа, который распорядился, чтобы мнѣ возвратили отнятый у меня капитаномъ въ Богатичѣ револьверъ. Онъ приказалъ также, чтобы этотъ капитанъ отправилъ то письмо Чедо Лукичу, которому оно предназначалось. Я занимался доставкой писемъ съ марта мѣсяца 1909 г. до октября 1910 г. и за это время доставилъ 43 письма въ Раку Сербскую, 55 въ Лозницу, 5—въ Зворникъ, 5—въ Любивію и не помню сколько—въ Ковиляку. Я потому записалъ количество разъ, сколько я ходилъ въ каждую изъ этихъ мѣстностей, что онѣ находятся очень далеко отъ Шабаца. Эти письма я вручалъ начальникамъ таможенныхъ постовъ данныхъ мѣстностей; и отъ нихъ получалъ отвѣты на письма, которые относилъ Божо Милановичу. Мнѣ помнится, что иногда я носилъ письма также въ Шепацку Аду. Для этой доставки писемъ у меня былъ одинъ помощникъ, нѣкій Вашо Тричъ, уроженецъ Сребреница. Еженедѣльно я носилъ письма Божо Милановича въ Бѣлградъ и передавалъ ихъ Милану Прибычевичу и Божо Янковичу. Мнѣ ничего не было извѣстно о содержаніи этихъ писемъ, и никто ничего со мной объ этомъ не говорилъ. Все, въ чемъ я могъ убѣдиться, это, что письма, отправлявшіяся Божо Милановичемъ, не были шифрованными; между тѣмъ какъ письма, исходившія отъ таможенныхъ начальниковъ, писались спеціальными знаками. Я это видѣлъ при вскрытіи ихъ Божо Милановичемъ. Однажды, какъ мнѣ кажется, одно такое письмо я принесъ Божо Милановичу изъ Зворника; и онъ послалъ меня для расшифровки его къ шабацкому профессору Микѣ Атанасіевичу; что̀ тотъ, по своему обыкновенію, и исполнилъ, но онъ, вѣроятно, забылъ запечатать письмо, поэтому я могъ его прочесть. Въ немъ говорилось, что узнано изъ вѣрнаго источника, что предстоитъ чеканка монеты съ изображеніемъ престолонаслѣдника и это дока-

зывало, что Императоръ Францъ-Іосифъ собирается отречься отъ престола. Подъ конецъ приблизительно восьмого мѣсяца службы у Божо Милановича, онъ далъ мнѣ свою визитную карточку съ изображеніемъ мертвой головы и съ нѣсколькими словами, изъ которыхъ явствовало, что я произведенъ въ „повѣреники“ (повѣренные) Народной Одбраны.

„По этому поводу онъ сказалъ мнѣ, что теперь дѣло идетъ о шпіонажѣ.

„Отъ члена Народной Одбраны, офицера Душана Оптеркича я узналъ однажды, что это общество насчитываетъ въ Босніи-Герцеговинѣ двадцать три члена. Это все, что мнѣ извѣстно, и я не знаю, существуетъ ли въ Босніи организація Народной Одбраны и какого она характера. Отъ времени до времени Миланъ Прибычевичъ давалъ мнѣ какой-нибудь револьверъ или чаще денегъ на его покупку; мнѣ поручено было передавать ихъ пограничнымъ агентамъ казны, такъ какъ у нихъ не было револьверовъ, ни денегъ на покупку. Мнѣ кажется, что Прибычевичъ дѣлалъ имъ такіе подарки исключительно потому, что они были комитаджи. Иначе мнѣ не приходилось заниматься вооруженіемъ.

„За время моей службы я однажды получилъ отъ Божо Милановича приказъ отправиться, въ сопровожденіи одного человѣка, разыскать нѣкоего крестьянина изъ Лѣсницы на Station Дринѣ, который долженъ былъ снабдить насъ всѣми необходимыми свѣдѣніями, чтобы мы вдвоемъ могли убить сбѣжавшаго въ Бѣльину сербскаго запасного офицера Любо Станатичича. Центральный комитетъ Народной Одбраны, дѣйствительно, узналъ, что Любо Станатичичъ былъ опасенъ для сербскаго Государства и рѣшилъ, что этого человѣка нужно убить.

„Мой товарищъ и я получили отъ Божо Милановича приказъ отправиться въ одно указанное мѣсто по ту сторону Дрины и тамъ убить Любо Станатичича, который именно жилъ на Дринѣ, на боснійскомъ берегу, въ округѣ Бѣльины. Мы оба вошли въ Дрину, но такъ какъ рѣка была глубокая и притомъ мы разглядѣли самого Любо, который съ ружьемъ на плечѣ прогуливался вокругъ своего дома, то мы вернулись въ домъ нашего крестьянина. Видя, что намъ не удастся убить Любо при помощи ножей, я послалъ своего товарища въ Шабацъ сообщить Божо Милановичу, что убить Станатичича, какъ ему хочется, то-есть при помощи ножей, было невозможно. Тогда отъ Божо Милановича я получилъ порученіе убить его чѣмъ ни попало. Мы рѣшили застрѣлить его изъ ружья. По приказанію Божо стрѣлять въ Станатичича и

убить его долженъ былъ сопровождавшій меня человѣкъ; мнѣ же поручено было убѣдиться въ исполненіи этого приказа. Въ это время прибылъ конный жандармъ, привезшій намъ отъ окружного шабацкаго префекта приказъ вернуться и отказаться отъ нашей примитивной попытки. Такимъ образомъ мы вернулись въ Шабацъ.

„Въ октябрѣ 1910 г. я попросилъ Божо Милановича прибавить мнѣ жалованье. А такъ какъ онъ отказалъ въ этомъ, то я заявилъ ему, что брошу мою службу у него. Изъ Шабаца я отправился въ Бѣлградъ, гдѣ я встрѣтился съ генераломъ Янковичемъ, который велѣлъ меня арестовать за то, что я отказался отъ повиновенія. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ они переводили меня изъ одной тюрьмы въ другую, неизмѣнно подъ предлогомъ моего отказа въ повиновеніи и потому, что опасались, какъ бы я не выдалъ ихъ секретовъ. Подъ конецъ власти рѣшили отправить меня въ Боснію. Въ Шабацѣ отъ одного заключеннаго я узналъ, что дѣло идетъ о моей жизни. Жандармы проводили меня до Творника, гдѣ передали меня на руки боснійскимъ жандармамъ. Такимъ образомъ въ декабрѣ 1910 г. я прибылъ въ Боснію.

Что касается какой-то Черной Руки, то я ничего не могу объ этомъ сказать точнаго, кромѣ прочитаннаго въ сербскихъ газетахъ. Но теперь я уже не помню, что именно писали сербскія газеты объ этой Черной Рукѣ. Не больше того извѣстно мнѣ и насчетъ Чернаго Списка. Въ Сербіи послѣ аннексіи царило всеобщее возбужденіе и ненависть къ особѣ австрійскаго престолонаслѣдника, который вообще считался смертельнымъ врагомъ сербовъ“.

Во всемъ остальномъ Крштановичъ ссылался на свои предыдущія показанія, изъ которыхъ лишь нижеслѣдующія представляютъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ дополняютъ вышеприведенное показаніе.

Комитетъ, въ который Крштановичъ введенъ былъ Миланомъ Прибычевичемъ, организованъ былъ подъ покровительствомъ Народной Одбраны. Въ купрійской школѣ находилось отъ двадцати до двадцати пяти выходцевъ изъ Монархіи. Въ числѣ обучавшихся былъ также и Миланъ Цыгановичъ. Въ этой купрійской школѣ внушалось, что комитетскіе, по приказу Народной Одбраны, должны быть въ готовности проникнуть въ Боснію, а прибывъ туда, должны дѣйствовать по указанію своихъ начальниковъ.

Приложеніе 6.

Извлеченіе изъ дѣлъ Сараевскаго окружного Суда касательно уголовнаго преслѣдованія, возбужденнаго противъ Іово Ягличича съ сообщниками по обвиненію ихъ въ преступленіи шпіонства.

Въ 1913 г. въ Босніи раскрыта была шпіонская организація въ пользу Сербіи, подъ управленіемъ Іово Ягличича со многими соумышленниками. Возбужденное вслѣдствіе этого слѣдствіе, между прочимъ, дало нижеслѣдующія свѣдѣнія, которыя позволяютъ намъ бросить взглядъ на способы пансербской пропаганды, въ особенности же—Народной Одбраны.

Іово Ягличичъ признался, что въ августѣ или сентябрѣ мѣсяцѣ 1912 г. онъ въ первый разъ встрѣтился съ прежнимъ скотоводскимъ надсмотрщикомъ изъ Фоки, Петаромъ Кларичемъ, по прозвищу Пешутъ, который осенью 1912 г. бѣжалъ въ Черногорію, гдѣ и сдѣлался комитатджемъ.

Въ первое свое свиданіе Кларичъ спросилъ Ягличича, не знавалъ ли онъ Раде Милошевича изъ Калиновика; когда же Ягличичъ отвѣтилъ ему, что Милошевичъ тяжко боленъ и находится въ больницѣ, то Кларичъ сказалъ ему: „Жаль, если онъ умеръ; у насъ съ нимъ былъ интересный разговоръ; онъ о немъ не упоминалъ?“ На отрицательный отвѣтъ Кларичъ сказалъ: „Мнѣ нужно сообщить тебѣ серьезное дѣло: мы—сербы, и намъ необходимо сдѣлать для Сербіи что-нибудь значительное; пойдемъ со мною въ мою контору“.—Когда они туда пришли, то между ними произошелъ такой разговоръ: „Іованъ, мнѣ нужно тебѣ кое-что сказать; я тебя еще не знаю, и не знаю, не выдашь ли ты меня. Но я все-таки хочу тебѣ сказать; предавай меня, если посмѣешь“. — И когда Ягличичъ спросилъ его, въ чемъ дѣло, то Кларичъ отвѣтилъ: „Братъ, въ Сербіи есть Общество „Народна Одбрана“. Нужно, чтобы въ члены этого общества вступило какъ можно больше народа; это—долгъ. Впрочемъ, въ Босніи и въ Герцеговинѣ, да и во всей Монархіи въ него уже вошло много приверженцевъ; въ числѣ ихъ есть люди умные и богатые, это—важныя персоны; и если даже они могутъ что-нибудь дѣлать, то почему и мы не можемъ сдѣлать столько же, чтобы внести нашу долю въ дѣло?“ — Когда Ягличичъ спросилъ его, какою цѣлью задается это общество, то онъ отвѣтилъ: „Цѣль общества такая: ты, напримѣръ, находишься въ Калиновикѣ, и вотъ ты извѣщаешь меня, сколько тамъ находится войскъ, пушекъ, военныхъ припасовъ, разнаго

оружія; ты сообщаешь мнѣ о пріѣздѣ и отъѣздѣ людей и т. п. У насъ есть секретная азбука, шифръ, при помощи котораго мы переписываемся. Если ты заслуживаешь довѣрія, то ты тоже съ нимъ познакомишься".—Опасаясь, что Кларичъ его лишь испытываетъ, чтобы затѣмъ выдать, Ягличичъ поэтому попросилъ его указать фамиліи какихъ-нибудь членовъ. Кларичъ подумалъ немного и назвалъ Ягличичу одну фамилію, которая внушала ему довѣріе. Затѣмъ Кларичъ сказалъ ему: „Нужно тебѣ дать шифръ?" Ягличичу только это и было нужно. Кларичъ, знавшій наизусть этотъ шифръ, написалъ его на бумагѣ и вручилъ Ягличичу.

При другихъ обстоятельствахъ Кларичъ говорилъ о своемъ пребываніи въ Баньѣ-Ковылякѣ (близъ Лозницы), гдѣ сербскій капитанъ Тодоровичъ [1]) обучалъ его бросать бомбы; когда же обвиняемый спросилъ его, зачѣмъ онъ этому обучался, то Кларичъ сказалъ ему: „Если что-нибудь случится въ томъ родѣ, какъ я уже тебѣ говорилъ, то мнѣ потребуется умѣніе обращаться съ бомбами, чтобы обучить этому и тебя, и чтобы ты обучилъ также и другихъ; такъ чтобы можно было взрывать пороховые погреба и прочія, имѣющія большое значеніе, сооруженія; и въ такомъ случаѣ бомбы намъ доставятъ изъ Сербіи".

Затѣмъ Кларичъ описалъ внѣшній видъ бомбъ и сказалъ, что онъ уже набралъ людей, которые, въ случаѣ войны, будутъ обрѣзать телеграфные и телефонные провода.

Во время этихъ свиданій Ягличичъ узналъ также отъ Кларича, что члены Народной Одбраны, въ числѣ прочихъ своихъ обязанностей, должны также содѣйствовать дезертирству австро-венгерскихъ солдатъ, вербовать добровольцевъ (комитаджей), организовать отряды, взрывать укрѣпленія и склады. Кларичъ сообщилъ такъ же, что почтѣ не довѣрялась даже шифрованная переписка между ея сербскими и боснійскими приверженцами и что она доставлялась за границу съ надежными людьми.

Кромѣ того Кларичъ разсказалъ Ягличичу, что по случаю празднества Просвѣты (въ сентябрѣ 1912 г.) одинъ сербскій майоръ [2]) останавливался въ Сараевѣ въ Европейской гостинницѣ одновременно съ отправленной изъ Сербіи на эти праз-

---

[1]) Въ это время капитанъ Коста Тодоровичъ дѣйствительно былъ пограничнымъ комиссаромъ и начальникомъ сербской службы шпіонажа въ пограничной полосѣ Рака-Любовья.

[2]) Майоръ Мика Янковичъ присутствовалъ на празднествахъ Просвѣты въ качествѣ сербскаго делегата.

днества депутаціей; и Кларичъ представлялъ ему членовъ Народной Одбраны, къ которымъ онъ держалъ рѣчь.

Черезъ одного шпіона Ягличичъ узналъ, что бомбы должны были прибыть или уже прибыли въ Сараево, что по внѣшнему виду онѣ похожи на куски мыла [3]) и что этотъ шпіонъ долженъ былъ получить ихъ двѣ или три штуки, или самъ отправиться за ними.

Приложеніе 7.

Извлеченіе изъ секретнаго доклада о Народной Одбранѣ.

Чтобы привлечь въ число заговорщиковъ какъ прогрессистовъ, такъ и ихъ противниковъ, правленіе Народной Одбраны состоитъ изъ представителей отъ всѣхъ партій.

Душою общества является состоящій нынѣ въ чинѣ майора Прибычевичъ. Обязанности секретаря всегда исполнялись какимъ-нибудь находящимся въ отпускѣ офицеромъ.

Задача Народной Одбраны состоитъ въ развитіи въ югославянскихъ частяхъ Австро-Венгріи дѣятельной пропаганды какъ въ военной, такъ и въ гражданской средѣ, преслѣдуя цѣль: подговки революціи, помѣхи возможной мобилизаціи, порожденія паники и бунтовъ и т. п.

Эта организація въ предѣлахъ Монархіи имѣетъ въ своемъ распоряженіи много надежныхъ людей и уполномоченныхъ, которые ведутъ тайную пропаганду отъ одного человѣка до другого. Нѣкоторымъ изъ нихъ поручены спеціальныя миссіи: они должны вербовать по сосѣдству съ важными мостами, узловыми пунктами и т. п. такихъ людей, по возможности желѣзнодорожныхъ служащихъ, задачей которыхъ является исполненіе или содѣйствіе исполненію въ нужный моментъ полученныхъ приказаній.

Сношенія между приверженцами Народной Одбраны, насколько возможно, ведутся путемъ личныхъ свиданій.

Въ качествѣ членовъ главнымъ образомъ вербуются молодые люди, рабочіе, желѣзнодорожные служащіе.

---

[1]) Бомбы, служившія при сараевскомъ покушеніи на Эрцгерцога Франца-Фердинанда, а также тѣ, которыя найдены были въ Савѣ, близъ Брко, хотя происходили изъ Королевскаго сербскаго арсенала въ Крагуевацѣ, но дѣйствительно походили на куски мыла.

Приложеніе 8.

Извлеченіе изъ дѣлъ босно-герцеговинскаго окружнаго суда въ Сараевѣ, касательно произведеннаго этимъ судомъ слѣдствія о Гаврилѣ Принципѣ и сообщникахъ его, по поводу совершеннаго 28 іюня 1914 г. преступнаго покушенія на Е. И. и К. В. Эрцгерцога австрійскаго Франца-Фердинанда Эстэ и на Е. В. Герцогиню Софію фонъ-Хохэнбергъ.

I. Преступленіе и виновники его.

Гаврило Принципъ, Недѣлько Кабриновичъ, Трифко Грабецъ, Вашо Кубриновичъ и Цетрешъ Поповичъ сознались, что они, вмѣстѣ съ находящимся нынѣ въ бѣгахъ Мехмедомъ Мехмедбашичемъ, организовали заговоръ для убійства Г. Эрцгерцога Франца-Фердинанда. Они признались, что тогда какъ Его Императорское и Королевское Высочество совершалъ 28 іюня 1914 г. оффиціальный объѣздъ по улицамъ Сараева, они съ бомбами, а нѣкоторые—и съ револьверами-браунингами подкарауливали его, замысливъ учинить задуманное покушеніе.

Недѣлько Кабриновичъ признался, что, въ качествѣ главнаго заговорщика, бросилъ бомбу въ экипажъ Эрцгерцога; но при ея взрывѣ ранены были только лица, занимавшія слѣдовавшій за автомобилемъ Эрцгерцога экипажъ.

Гаврило Принципъ признался, что стрѣлялъ изъ револьвера-браунинга въ автомобиль Эрцгерцога и смертельно ранилъ Эрцгерцога Франца-Фердинанда и Герцогиню Софію фонъ-Хохэнбергъ.

Оба виновные признали, что замышляли это преступленіе съ цѣлью убійства.

Эти признанія вполнѣ были подтверждены произведеннымъ разслѣдованіемъ; и было установлено, что покойный Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ и покойная Герцогиня Софія фонъ- Хохэнбергъ скончались вслѣдствіе произведенныхъ по нимъ Принципомъ револьверныхъ выстрѣловъ.

II. Происхожденіе заговора.

Виновные, совпадая въ существенныхъ пунктахъ, дали судебному слѣдователю нижеслѣдующія показанія:

Свой замыселъ покушенія на покойнаго Эрцгерцога

Франца-Фердинанда Принципъ задумалъ въ апрѣлѣ 1914 г., во время своего пребыванія въ Бѣлградѣ, гдѣ онъ часто встрѣчался въ кафе со многими сербскими студентами. Онъ обсуждалъ этотъ планъ со своимъ знакомымъ Кабриновичемъ, который тоже находился въ Бѣлградѣ; этотъ послѣдній въ это время питалъ такіе же замыслы и сразу же согласился участвовать въ покушеніи. Въ кружкахъ, которые посѣщали Принципъ и Кабриновичъ, часто говорили о проектахъ совершить покушеніе на персону Эрцгерцога, который слылъ за опаснаго врага сербскаго народа.

Не имѣя средствъ на пріобрѣтеніе бомбъ и необходимаго для осуществленія ихъ плана оружія, Принципъ и Кабриновичъ сначала хотѣли достать себѣ ихъ при посредствѣ сербскаго майора Милана Прибычевича или же Народной Одбраны. Но такъ какъ и майоръ и вліятельный членъ этого Общества Живоинъ Дачичъ въ это время были въ путешествіи, то они рѣшили добыть себѣ оружіе черезъ знакомаго имъ прежняго комитаджа, Милана Цыгановича, который былъ въ это время на службѣ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Съ Цыгановичемъ Принципъ вошелъ въ тѣсныя отношенія, при посредствѣ одного близкаго друга Цыгановича; этотъ послѣдній самъ разыскалъ Принципа, переговорилъ съ нимъ о проектѣ покушенія, вполнѣ одобрилъ его, затѣмъ заявилъ, что желаетъ подумать, долженъ ли онъ дать имъ оружіе. У Кабриновича по вопросу объ оружіи тоже былъ разговоръ съ Цыгановичемъ.

На Пасху Принципъ свой секретъ открылъ Трифкѣ Грабецу, который тоже находился въ Бѣлградѣ и, судя по его признанію, тоже высказалъ готовность помочь покушенію.

Впослѣдствіи Принципъ много разъ бесѣдовалъ съ Цыгановичемъ о способахъ осуществленія этого покушенія.

Цыгановичъ, между тѣмъ, по поводу этого преступнаго замысла, вошелъ въ соглашеніе съ сербскимъ майоромъ Войей Танкосичемъ, съ которымъ онъ былъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, и который съ этой цѣлью снабдилъ его револьверами-браунингами.

Грабецъ сдѣлалъ признанія, согласныя съ данными Принципомъ и Кабриновичемъ показаніями, а именно, что 24 мая онъ, въ сопутствіи Цигановича, посѣтилъ Танкосича у него на дому и по его приглашенію. Познакомившись, Танкосичъ будто бы сказалъ Грабецу: „Такой ли ты человѣкъ, какъ нужно; хватитъ ли у тебя рѣшимости“? На что Грабецъ

будто бы отвѣтилъ: „Я—да“. Танкосичъ спросилъ: „Умѣете вы обращаться съ револьверомъ?“ И на отрицательный отвѣтъ Грабеца Танкосичъ будто бы сказалъ Цыгановичу: „Я дамъ тебѣ револьверъ, обучи ихъ стрѣльбѣ“.

Послѣ этого Цыгановичъ свелъ Принципа и Грабеца на гарнизонное стрѣльбище въ Топчидерѣ и въ сосѣдней съ полемъ рощѣ далъ имъ урокъ стрѣльбы изъ револьвера-браунинга. Изъ нихъ двоихъ Принципъ оказался лучшимъ стрѣлкомъ. Цыгановичъ познакомилъ также Принципа, Грабеца и Кабриновича съ употребленіемъ тѣхъ бомбъ, которыя они потомъ получили.

27 мая 1914 г. Цыгановичъ, судя по ихъ согласнымъ признаніямъ, передалъ Принципу, Кабриновичу и Грабецу шесть бомбъ, четыре револьвера-браунинга и достаточное количество патроновъ, а также одну стеклянную трубочку съ ціанистымъ кали, чтобы отравиться немедленно по совершеніи преступленія, дабы скрыть тайну. Кромѣ того Цыгановичъ снабдилъ ихъ и деньгами.

На Пасху Принципъ о своемъ преступномъ замыслѣ сообщилъ Данилѣ Иличу. По своемъ возвращеніи въ Сараево, онъ просилъ послѣдняго завербовать нѣсколько другихъ лицъ, которымъ, для успѣха дѣла, слѣдовало участвовать въ покушеніи. Тогда только, по его показанію, онъ привлекъ къ заговору Яшо Кубриловича, Цетро Поповича и Мехмеда Мехмедбашича.

III. Происхожденіе бомбъ.

Во время совершенія покушенія, въ дѣло пущена была только одна бомба. Остальныя пять потомъ найдены были полиціей въ Сараевѣ.

По мнѣнію судебныхъ экспертовъ, это были ручныя гранаты сербскаго происхожденія, фабричной работы и предназначавшіяся для военныхъ цѣлей. Онѣ сходны съ двадцатьодною бомбою, которыя найдены были въ 1913 г. въ Савѣ, близъ Брко, отчасти съ сохранившейся упаковкой, несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствующей о томъ, что онѣ происходили изъ Сербіи, изъ оружейнаго склада въ Крагуевацѣ.

Такимъ образомъ и устанавливается, что бомбы, бывшія въ употребленіи при покушеніи на Эрцгерцогого Франца-Фердинанда, тоже происходили изъ оружейнаго склада въ Крагуевацѣ.

Самъ Грабецъ добровольно зоветъ переданныя ему и его сообщникамъ бомбы „крагуевацкими“.

IV. Переправка изъ Сербіи въ Боснію троихъ виновниковъ покушенія и ихъ снаряженія.

Принципъ на этотъ счетъ сообщилъ слѣдующія подробности:

Цыгановичъ сказалъ Кабриновичу, Грабецу и Принципу, что имъ надо отправиться черезъ Шабацъ и Лозницу въ Тузлу и тамъ обратиться къ Мишкѣ Іовановичу, который позаботится о снаряженіи. Прежде всего имъ надлежитъ попасть въ Шабацъ и тамъ представиться таможенному начальнику Раде Поповичу, для котораго онъ далъ Принципу записку. 28 мая трое заговорщиковъ съ ихъ вооруженіемъ покинули Бѣлградъ. Въ Шабацѣ Принципъ передалъ Поповичу полученную имъ отъ Цыгановича записку. Майоръ отвелъ ихъ всѣхъ троихъ въ мѣстное управленіе и выдалъ имъ паспортъ, гдѣ удостовѣрялось, что одинъ изъ нихъ—служащій таможни, а двое другихъ — его товарищи. Паспортъ этотъ выписанъ былъ на имя какого-то таможенника; но его фамилію Принципъ забылъ. Одновременно съ тѣмъ, майоръ Поповичъ вручилъ имъ запечатанное письмо въ Лозницу на имя таможеннаго капитана Правановича, Прдановича или Предаевича.

Эту ночь Принципъ, Кабриновичъ и Грабецъ провели въ Шабацѣ, а на утро — отправились по желѣзной дорогѣ въ Лозницу; причемъ, благодаря выданному майоромъ Поповичемъ паспорту, заплатили только половину цѣны проѣзда. Въ полдень они прибыли въ Лозницу и передали мѣстному таможенному капитану письмо отъ майора Поповича, гдѣ значилось только слѣдующее: „Постарайся принять этихъ людей и отправить, куда тебѣ извѣстно". Капитанъ сказалъ имъ, что созоветъ своихъ пограничниковъ и ввѣритъ ихъ всѣхъ троихъ самому надежному изъ своихъ людей. Объ этомъ онъ протелефонировалъ и назначилъ троимъ заговорщикамъ быть у него въ бюро на слѣдующій день въ 7 часовъ утра.

На утро трое соумышленниковъ рѣшили, что Кабриновичъ съ паспортомъ открыто направится въ Зворникъ, а Принципъ и Грабецъ перейдутъ границу тайно. Планъ этотъ обсуждался вмѣстѣ съ таможеннымъ капитаномъ, и тогда рѣшено было, что одинъ таможенный изъ Лѣсницы, по имени Грбичъ, возьметъ Принципа и Грабеца съ собой на караулъ и дастъ имъ перейти границу. Кабриновичъ пѣшкомъ ушелъ въ Банью-Ковильяку, что по направленію къ Зворнику. Принципъ же и Грабецъ вмѣстѣ съ Грбичемъ отправились въ Лѣсницу, гдѣ сложили въ комнатѣ одной гостиницы свои

бомбы и револьверъ. Такимъ образомъ Грбичъ могъ ихъ видѣть. Принципъ самъ охарактеризовалъ свое путешествіе какъ таинственную затѣю.

Показанія Грабеца въ существенныхъ частяхъ совпали съ таковыми же Принципа, который пополнилъ ихъ, сказавъ, что, при видѣ бомбъ и револьверовъ, Грбичъ разсмѣялся и удовольствовался вопросомъ, въ какую часть Босніи идутъ они съ этими бомбами. Таможенный долженъ былъ, разумѣется, думать, что Грабецъ и Принципъ имѣютъ какое-нибудь порученіе. Грбичъ вмѣстѣ съ другимъ таможеннымъ перевезли Принципа и Грабеца въ лодкѣ на одинъ островъ на Дринѣ. Прибывъ туда, Грбичъ посовѣтовалъ имъ подождать одного крестьянина, который долженъ былъ за ними придти. Ночь они провели на островѣ, въ указанной имъ Грбичемъ крестьянской избушкѣ. На утро явился одинъ крестьянинъ, который ночью проводилъ ихъ сперва черезъ болото и затѣмъ по горамъ вплоть до Прибоя, гдѣ передалъ ихъ мѣстному учителю. Ожидавшаго ихъ, повидимому, Кабриновича попросили проводить ихъ дальше; и онъ отвелъ ихъ въ Тузлу къ Мишкѣ Іовановичу. Показанія Кабриновича относительно подробностей этого путешествія, вплоть до момента его разлуки съ Принципомъ и Грабецомъ, въ общемъ совпадаютъ съ показаніями обоихъ его сообщниковъ. Онъ только пополнилъ ихъ тѣмъ, что сообщилъ, со словъ майора Поповича, что этотъ послѣдній прибылъ изъ Бѣлграда въ Шабацъ наканунѣ ихъ собственнаго прихода. Въ виду того, что дальше путешествовать вмѣстѣ всѣмъ троимъ было бы очень опасно, Кабриновичъ, Принципъ и Грабецъ рѣшили въ Лозницѣ разстаться. Лозницкій таможенный капитанъ, которому они сообщили о своемъ рѣшеніи, одобрилъ ихъ намѣреніе и далъ Кабриновичу письмо на имя одного учителя въ Маломъ Зворникѣ, г. Яклоевича. Тогда Кабриновичъ ввѣрилъ доставленныя имъ бомбы, браунинги и снаряженіе Принципу и Грабецу и затѣмъ, въ сопровожденіи даннаго ему на помощь таможенника, отправился въ Мали Зворникъ. Тамъ онъ разыскалъ учителя Яклоевича, которому и вручилъ письмо лозницкаго капитана. Яклоевичъ же извѣстилъ сербскій таможенный постъ. И когда Кабриновичъ вмѣстѣ съ этимъ учителемъ прибыли затѣмъ въ этотъ пограничный пунктъ, то встрѣтили тамъ ожидавшаго ихъ человѣка, который переправилъ ихъ черезъ Дрину въ Большой Зворникъ въ Босніи. Оттуда Кабриновичъ направился въ Тузлу, гдѣ онъ долженъ былъ встрѣтить Мишку Іовановича.

Прибавленіе.

Какъ разъ въ моментъ заключенія этого Меморандума Окружный судъ въ Сараевѣ представилъ протоколъ одного показанія, изъ котораго явствуетъ, что за нѣсколько дней до 28 іюня одинъ подданный Монархіи намѣревался извѣстить Императорское и Королевское консульство въ Бѣлградѣ, что онъ подозрѣваетъ существованіе плана покушенія на Эрцгерцога Франца-Фердинанда во время его пребыванія въ Босніи. И этому человѣку помѣшала сдѣлать свое донесеніе бѣлградская полиція, которая подъ пустяшнымъ предлогомъ арестовала его въ ту самую минуту, когда онъ переступалъ порогъ консульства. Изъ показаній, заключающихся въ данномъ протоколѣ, можно заключить, что эти полицейскіе знали о задуманномъ покушеніи и арестовали этого человѣка только потому, что хотѣли помѣшать ему сдѣлать свое заявленіе. Но такъ какъ эти показанія еще не провѣрены, то пока невозможно высказаться относительно ихъ дѣйствительной справедливости.

Въ виду еще ненадежнаго характера добытыхъ по этому предмету уликъ пока представляется невозможнымъ воспроизвести въ точности всѣ подробности этого показанія.

Приложеніе 9.

Сербская пресса и покушеніе.

1. Бѣлградская газета „Балкан" отъ 29 іюня по поводу виновниковъ покушенія пишетъ: „Недѣлько Кабриновичъ, по профессіи типографскій рабочій, былъ проникнутъ анархистскими идеями и слылъ за человѣка безпокойнаго ума. Еще три недѣли тому назадъ онъ находился въ Бѣлградѣ и имѣлъ занятіе въ національной типографіи. Передъ своимъ уходомъ онъ заявилъ, что отправляется въ Тріестъ, гдѣ найдетъ работу въ одной новой типографіи.

Гаврило Принципъ, тотъ недавно еще былъ въ Бѣлградѣ. Во время войны онъ хотѣлъ пойти добровольцемъ, но не былъ принятъ; поэтому онъ покинулъ Бѣлградъ.

Но онъ вернулся въ него на Рождествѣ прошлаго года, нѣкоторое время проходилъ курсъ гимназіи и покинулъ Бѣлградъ почти въ одно время съ Кабриновичемъ, но раз-

личнымъ отъ него путемъ. Принципъ былъ молчаливъ, нервенъ и способенъ къ наукамъ; онъ былъ въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, одинаковаго съ нимъ босно-герцеговинскаго происхожденія, а за послѣднее время—съ Кабриновичемъ. Онъ увлекался соціалистическими идеями и хотя поверхностно, но примыкалъ къ прогрессивной молодежи. Подобно Кабриновичу, онъ воспитывался въ Сараевѣ; неразрывная дружба соединяла ихъ обоихъ съ самаго ихъ дѣтства.

2. „Пьемонтъ“ 1-го іюля напоминаетъ, что протестующій поступокъ Принципа совершенъ послѣ шумнаго процесса автора извѣстнаго покушенія, Жераича. Подвигъ перваго изъ нихъ объясняется также политическимъ режимомъ Босніи. Тотъ фактъ, что Принципъ, для выполненія своего акта мести, избралъ Видовданъ, національный священный праздникъ, намѣченный также днемъ начала маневровъ,—дѣлаетъ отчаянный поступокъ юнаго мученика болѣе понятнымъ и болѣе естественнымъ. (За эту статью полиція конфисковала газету; но эта конфискація на слѣдующій день отмѣнена была въ первой инстанціи бѣлградскаго суда).

3. Органъ младо-радикаловъ „Одьекъ“ 3 іюля пишетъ: Эрцгерцога Франца-Фердинанда послали въ Сараево въ день національнаго торжества за тѣмъ, чтобы напомнить о грубомъ проявленіи насилія и притѣсненія. Этотъ грубый поступокъ долженъ былъ породить грубыя чувства сопротивленія, ненависти и мести“.

4. Органъ партіи націоналистовъ „Српска Застава“ 3 іюля въ статьѣ, озаглавленной „Подозрѣнія и угрозы“, говоритъ: „Это покушеніе все болѣе и болѣе представляется результатомъ болѣзненнаго состоянія Монархіи. А съ другой стороны, дикое преслѣдованіе, которому подвергается сербскій народъ въ Босніи-Герцеговинѣ, вызываетъ отвращеніе во всемъ цивилизованномъ мірѣ“.

5. Прогрессистскій листокъ „Правда“ 3-го іюля пишетъ: „Вѣнская политика цинична. Смертью несчастной четы она пользуется въ интересахъ своихъ скверныхъ замысловъ въ отношеніи сербскаго народа“.

6. „Балканское Агентство“ 3-го іюля возвѣщаетъ: „Затѣянныя преступленія противъ сербовъ въ Босніи-Герцеговинѣ совершены подъ защитой и по прямому подстрекательству военныхъ и гражданскихъ властей Австро-Венгріи“.

7. „Правда“ 4 іюля говоритъ: „Всѣ совершенныя до сихъ поръ въ Австріи убійства и покушенія неизмѣнно вызваны одною и тою же причиной. Притѣсненные народы Монархіи

принуждены были прибѣгать къ этой формѣ протеста, такъ какъ у нихъ не было къ этому никакихъ другихъ возможныхъ средствъ. Представляется естественнымъ и вполнѣ понятнымъ, если полоса покушеній стала нормальной въ этомъ хаосѣ террористическаго владычества".

7. „Балкан" 5-го іюля замѣчаетъ, что преслѣдующую невинныхъ Австро-Венгрію подлежитъ поставить подъ международный надзоръ, ибо,—говоритъ газета,—Австро-Венгрія не имѣетъ такихъ прочныхъ основъ, какъ Турція.

8. „Мали Журнал" 7-го іюля пишетъ: „На этихъ дняхъ убитъ былъ въ Сараевѣ одинъ отпрыскъ средневѣковой эпохи. Убитъ онъ былъ ребенкомъ, который до боли ощущалъ ту муку, которую причиняли ему похитители достоянія его предковъ. Что же предприняла оффиціальная Австро-Венгрія въ отвѣтъ на это?

Она отвѣтила массовыми избіеніями, грабежами и расхищеніемъ жизни и собственности сербовъ.—Только негодяи отличаются геройствомъ по этой части. Трусы всегда становятся большими героями, какъ только они увѣрены, что ничего съ ними не приключится. Достаточно сравнить съ ними Принципа и Кабриновича, чтобы тотчасъ же убѣдиться въ огромномъ между ними различіи.—Цивилизованность и правосудіе въ Австро-Венгріи не болѣе, какъ безстыдная ложь.

9. „Трибуна" 7-го іюля говоритъ: „Мы полагаемъ, что сараевское убійство приказано было затѣмъ, чтобы позволить сразу истребить сербовъ".

10. „Пьемонтъ" 8-го іюля возвѣщаетъ изъ Байна-Башки, что австрійскія власти въ Босніи подготовляютъ избіеніе христіанъ.

11. „Балкан" отъ 8 числа публикуетъ сообщеніе изъ Босніи подъ заглавіемъ: „Варфоломеевская ночь въ Сараевѣ" и высказывается за общій бойкотъ всѣхъ живущихъ въ Сербіи австрійцевъ.

12. „Мали Журнал" того же 8 числа призываетъ къ бойкоту Пароходной Дунайской Компаніи.

13. „Трибуна" 8-го же подъ заглавіемъ: „Не будемъ ничего покупать въ Австро-Венгріи", пишетъ, что будетъ предпочтительнѣе ничего не вывозить изъ Австро-Венгріи, не посѣщать австрійскихъ и венгерскихъ курортовъ, не обращаться за совѣтами къ австро-венгерскимъ врачамъ. Частная инціатива въ этомъ направленіи можетъ сдѣлать многое. Государству и властямъ въ это незачѣмъ вмѣшиваться. Достаточно обратиться съ воззваніемъ къ гражданамъ.

14. „Штампа“ отъ 8-го увѣряетъ, что сараевская полиція подвергаетъ арестованныхъ убійцъ самымъ безчеловѣчнымъ и самымъ безстыднымъ пыткамъ, чтобы только вырвать отъ нихъ такія лживыя признанія, которыя могли бы послужить базой для обвиненія сербскаго народа.

15. „Балканское Агентство“ отъ 7-го сообщаетъ изъ Бѣлграда: „Изъ частныхъ, безусловно достовѣрныхъ источниковъ, сообщается, что въ Босніи-Герцеговинѣ неизбѣжно всеобщее избіеніе сербовъ.

16. „Балкан“ 9-го іюля, исходя изъ выраженнаго первымъ министромъ Асквитомъ, когда онъ узналъ о смерти Эрцгерцога Франца-Фердинанда, мнѣнія, что судьба человѣчества внушаетъ ему опасенія, — печатаетъ историческій обзоръ за послѣдніе сорокъ лѣтъ; онъ приходитъ къ тому заключенію, что сербскій народъ за это время подвергался со стороны іезуитской политики Австро-Венгріи ужаснымъ преслѣдованіямъ. Въ результатѣ этого стало необходимымъ, чтобы Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ,— подобно всѣмъ сынамъ Лойолы, которые работаютъ только въ человѣческой крови и преклоняются лишь предъ принципомъ „цѣль оправдываетъ средства“,—былъ сраженъ рокомъ и палъ жертвою іезуитства, какъ станетъ ею и вся Австро-Венгрія. Только разрушеніе Австро-Венгріи обезпечитъ человѣчеству спокойствіе и миръ. Имѣя въ виду всѣ эти истины, приходишь къ такому заключенію, что Асквитъ могъ бы со спокойнымъ сердцемъ отозваться на вѣсть о смерти Эрцгерцога такими словами: „Я не безпокоюсь больше объ участи человѣчества“.

17. „Политика“ 9-го іюля, въ своей передовой статьѣ подъ заглавіемъ „Безстыдная ложь“, развиваетъ такія мысли: Способъ, которымъ ведется слѣдствіе о сараевскомъ покушеніи, позволяетъ составить себѣ отчетливое представленіе о тѣхъ цѣляхъ, которыми задалась Австро-Венгрія. Такъ какъ обвиняемые, несмотря на всѣ пытки, которымъ ихъ подвергаютъ, не хотятъ сказать того, чего отъ нихъ добиваются, то разыскали другихъ индивидумовъ, которые, при извѣстномъ условіи, заявили готовность признаться въ нѣкоторомъ соучастничествѣ въ покушеніи, чтобы за одно обвинить тѣхъ, которые неугодны Австріи. До настоящаго времени способъ этотъ оказался удачнымъ, такъ какъ пристегнутые индивидумы разсказываютъ все, что отъ нихъ требуется, а австрійская полиція сейчасъ же старается распространить эту ложь на всѣ четыре стороны свѣта. У Австріи, какъ извѣстно, стыда нѣтъ, и она думаетъ, что найдется кто-нибудь, который окажетъ довѣріе и подобной лжи.

18. „Штампа“ 9-го говоритъ, что всѣ, происшедшія въ Босніи-Герцеговинѣ событія еще не раскрыты и не сдѣланы достояніемъ прессы! Ихъ тщательно будутъ сберегать въ тайнѣ, но истина рано или поздно обнаружится. Кровожадная Австрія хочетъ упиться сербской кровью и хорошо, что она это дѣлаетъ. До сихъ поръ въ Босніи оказывается около 10.000 раненыхъ и убитыхъ.

19. „Политика“ печатаетъ 10-го іюля такія оскорбленія по адресу членовъ Императорской фамиліи, которыя переходятъ всякія границы.

20. „Трговински Гласник“ говоритъ 10-го іюля о подкупности и безстыдствѣ австро-венгерской политики, которую онъ называетъ іезуитской, грубой и нечестной. Сербское населеніе Австро-Венгріи такимъ образомъ оказывается предупрежденнымъ, что оно живетъ не въ такомъ цивилизованномъ государствѣ, которое обезпечиваетъ жизнь и собственность, но должно пребывать въ постоянной готовности и во всеоружіи, чтобы защищаться отъ разбоя властей и Правительства. Послѣ послѣднихъ событій сербскому народу не подобаетъ ожидать, подобно ягненку, дня своего принесенія въ жертву, но надлежитъ, какъ льву, быть готовымъ къ пролитію крови ради своей защиты.

21. „Штампа“ 10-го іюля говоритъ: „Ничего нѣтъ вѣчнаго, и Австро-Венгрія не останется вѣчно въ Босніи-Герцеговинѣ. Не далекъ тотъ часъ, когда сломавшіе мощь Турціи и наказавшіе болгаръ сербы, какъ соколы, закружатся надъ Иванъ-Планиной на берегахъ Требевича“.

22. „Правда“ 10-го іюля, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Бойкотъ негодяевъ“, призываетъ къ бойкоту австрійскихъ фирмъ въ Бѣлградѣ и австрійскихъ товаровъ, при чемъ говоритъ, что Народная Одбрана должна наблюдать за строжайшимъ исполненіемъ этого бойкота.

23. „Звоно“ 16-го іюля заявляетъ, что Принципъ — сынъ графини Лоніай, и что на него возложена была миссія отомстить за смерть наслѣднаго принца Рудольфа на особѣ его убійцы Эрцгерцога Франца-Фердинанда.

24. „Мали Журнал“ 19-го іюля публикуетъ сообщеніе, гдѣ говорится, что мысль о покушеніи внушена была Принципу однимъ австровенгерскимъ агентомъ и что въ Вѣнѣ говорятъ, будто истиннаго виновника слѣдуетъ искать въ австро-венгерскомъ посольствѣ въ Бѣлградѣ.

25. Органъ партіи младо-радикаловъ „Одьек“ 20-го іюля пишетъ: „Австро - Венгрія представляетъ тысячу доказательствъ тому, что ей хочется пріобрѣсти титулъ больного

человѣка Европы. Тогда какъ въ Сербіи не подвергся оскорбленію ни одинъ австрійскій гражданинъ, — въ Босніи и въ Герцеговинѣ разграблены были цѣлыя деревни и города. Фактъ этотъ еще разъ доказываетъ, насколько Сербія выше Австро-Венгріи съ точки зрѣнія цивилизаціи и морали.

Приложеніе 10.

Мнѣніе мѣстнаго комитета Народной Одбраны въ Нишѣ о покушеніи на Эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Императорское и Королевское министерство иностранныхъ Дѣлъ получило отъ одного заслуживающаго полное довѣріе лица, имя котораго въ крайнемъ случаѣ будетъ опубликовано, слѣдующее секретное донесеніе. Мѣстный комитетъ Народной Одбраны въ Нишѣ недавно имѣлъ собраніе, во время котораго предсѣдатель комитета, директоръ нишскаго исправительнаго заведенія Яша Ненадовичъ принужденъ былъ заговорить о произведенномъ на персону Эрцгерцога Франца-Фердинанда покушеніи и выразился слѣдующимъ образомъ:

На этотъ разъ абсолютно необходимо было прибѣгнуть къ такому средству, какъ покушеніе на Эрцгерцога Франца-Фердинанда, такъ какъ именно этотъ послѣдній, благодаря своему агрессивному и эксцентричному характеру, представлялъ тяжкую и неизбѣжную опасность для Сербіи, а возможно, что и для другихъ славянскихъ круговъ. Если бы онъ сохранилъ свою жизнь, то своимъ вызывающимъ поведеніемъ вскорѣ принудилъ бы Сербію къ войнѣ, или же самъ бы напалъ на нее, и въ такомъ случаѣ, матеріально ослабленная и еще незакончившая преобразованія своей арміи, Сербія пропала бы безвозвратно. Но теперь, благодаря сараевскому убійству, Сербія спасена и освобождена отъ одного изъ тѣхъ, которые ей опасны. У Сербіи будетъ нѣсколько лѣтъ отдыха, если, разумѣется, новый престолонаслѣдникъ призадумается пойти по слѣдамъ своего предшественника. Хотя онъ зналъ, — продолжалъ ораторъ, — что убійство Эрцгерцога для Австро-Венгріи будетъ жестокимъ ударомъ и причинитъ великую скорбь и слѣдовательно повлечетъ за собою муки для тѣхъ изъ нашего народа, которые живутъ подъ властью Монархіи, онъ тѣмъ не менѣе не думалъ, что его предположенія оправдаются съ такою точностью, что хорваты будутъ вести себя такимъ образомъ.

Вѣдь его босно-герцеговинскіе друзья увѣрили его, что австро-венгерскія власти трусливы и что при исполненіи своихъ обязанностей они приложатъ усердіе. Къ несчастью, друзья его ошиблись, а мы вмѣстѣ съ ними. Если это продолжится, то вполнѣ слѣдуетъ пустить въ ходъ револьверы и бомбы. Какова бы ни была уготованная намъ сербскимъ Богомъ участь, но мы не допустимъ, чтобы долго продолжалось подобное состояніе вещей.

Идеи, развитыя ораторомъ, встрѣтили полное сочувствіе слушателей.

Приложеніе II.

Добавленія сдѣланныя по отпечатаніи вышеприведеннаго текста.

Добавленіе къ Приложенію 8.

Учитель Кубриловичъ, который взялъ на себя, у Прибоя, проводить Принципа и Грабеца, вполнѣ сознался и сдѣлалъ нижеслѣдующія важныя показанія: Въ 1911 г., по случаю одной сокольской экскурсіи въ Шабацъ, Кубриловичъ посвященъ былъ въ задачи Народной Одбраны членомъ главнаго комитета этой ассоціаціи Божо Фовичемъ; въ качествѣ комиссара Народной Одбраны онъ помѣщенъ былъ въ Зворнинѣ (въ Босніи). И по его предложенію Мишко Іовановичъ впослѣдствіи назначенъ былъ комиссаромъ Народной Одбраны въ Тузлѣ. Посредникомъ для сношеній съ Народной Одбраной служилъ одинъ крестьянинъ; онъ же провожалъ Принципа и Грабеца къ Кубриновичу и сказалъ послѣднему, что приведетъ къ нему двухъ сербскихъ студентовъ съ оружіемъ. Когда онъ это узналъ, то понялъ, что дѣло идетъ объ какомъ-то сообщеніи Народной Одбраны. Принципъ и Грабецъ будто сказали ему, что съ ними имѣются бомбы и револьверы для совершенія покушенія на Эрцгерцога Франца-Фердинанда.

2. Враждебныя Монархіи картины въ Военномъ министерствѣ въ Бѣлградѣ.

Передъ пріемной залой сербскаго Военнаго министерства на стѣнахъ повѣшены четыре аллегорическія картины, три изъ коихъ представляютъ сербскіе военные успѣхи, а четвертая символизируетъ осуществленіе сербскихъ враждебныхъ

Монархіи тенденцій. Надъ пейзажемъ, представляющимъ отчасти горы (Боснія), а отчасти равнину (южная Венгрія) восходитъ Зора, заря сербскихъ надеждъ. На первомъ планѣ стоитъ фигура вооруженной женщины, на щитѣ которой изображены названія всѣхъ тѣхъ провинцій, „которыя надлежитъ освободить“: Босніи, Герцеговины, Водводины, Ширміи, Далмаціи и пр.

№ 20.

Графъ Берхтольдъ генеральному секретарю министерства иностранныхъ Дѣлъ, барону Маккіо, въ Вѣнѣ.

(Телеграмма.) Ламбахъ, 25 іюля 1914 г.

Русскій повѣренный въ дѣлахъ телеграфируетъ мнѣ, что получилъ отъ Правительства спѣшную миссію просить о продленіи назначеннаго Сербіи ультиматумомъ срока. Прошу Ваше Превосходительство отвѣтить ему отъ моего имени, что мы не можемъ дать продленія этого срока. Ваше Превосходительство благоволитъ добавить, что Сербія путемъ полнаго принятія нашихъ требованій можетъ, даже послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній, привести положеніе къ мирной развязкѣ; но что въ такомъ случаѣ мы принуждены будемъ потребовать отъ Сербіи возмѣщенія всѣхъ, вызванныхъ военными мѣропріятіями, расходовъ и убытковъ.

№ 21.

Графъ Берхтольдъ графу Сапари въ С.-Петербургѣ.

(Телеграмма.) Бадъ Ишль, 25 іюля 1914 г.

Къ свѣдѣнію Вашего Превосходительства и для указанія того, въ какомъ духѣ объясняться: Сегодня утромъ къ г. генеральному секретарю министерства иностранныхъ Дѣлъ явился русскій повѣренный въ Дѣлахъ, дабы выразить отъ имени своего Правительства пожеланіе, чтобы назначенный нашей нотой по адресу Сербіи срокъ могъ быть продленъ.

Просьба эта, сказалъ онъ, опирается на такой фактъ: Державы нашимъ выступленіемъ захвачены были врасплохъ, и русское Правительство считаетъ вполнѣ естественнымъ

проявленіемъ уваженія со стороны вѣнскаго Кабинета къ другимъ министерствамъ, чтобы этотъ Кабинетъ предоставилъ имъ возможность изслѣдовать основы нашего сообщенія Державамъ и изучить обѣщанное нами собраніе документовъ. Г. генеральный секретарь отвѣтилъ г. повѣренному въ Дѣлахъ, что онъ немедленно доведетъ эти объясненія до моего свѣдѣнія; ему, во всякомъ случаѣ, тогда же возможно было сказать, что нельзя надѣяться, чтобы мы согласились на продленіе назначеннаго нами срока. Что же касается тѣхъ мотивовъ, которые приводятся русскимъ Правительствомъ для поддержки выраженнаго имъ пожеланіи, то они кажутся покоящимися на ошибочныхъ предположеніяхъ. Наша адресованная Державамъ нота отнюдь не предназначалась для цѣли предложить имъ высказать свое мнѣніе по этому вопросу: она, наоборотъ, имѣла характеръ лишь освѣдомленія, сдѣлать которое, по нашему мнѣнію, было долгомъ международной вѣжливости. Впрочемъ, на наши дѣйствія мы смотрѣли какъ на дѣло, касающееся лишь насъ и Сербіи: мы полагали, что принуждены были къ этому эволюціей событій и соображеніями защиты нашихъ самыхъ жизненныхъ интересовъ и совершенно наперекоръ нашему желанію и вопреки тому терпѣнію и добродушію, которыя мы проявляли въ теченіе столькихъ лѣтъ.

№ 22.

Баронъ фонъ-Гисль графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Бѣлградъ, 25 іюля 1914 г.

Совѣтъ министровъ собирался вчера вечеромъ и сегодня утромъ; по многимъ версіямъ отвѣтъ на нашу ноту долженъ быть врученъ мнѣ даже до истеченія срока. Мнѣ сообщаютъ, что для Королевской Фамиліи и Двора готовится поѣздъ. Капиталы Національнаго банка и желѣзныхъ дорогъ, а равно архивъ министерства иностранныхъ Дѣлъ перевезены внутрь страны. Нѣкоторые изъ моихъ коллегъ думаютъ, что должны послѣдовать за Правительствомъ. Въ особенности укладываются въ русскомъ посольствѣ. Гарнизонъ выступилъ изъ города въ походномъ снаряженіи. Крѣпостные склады снаряженія эвакуированы. На вокзалѣ большое передвиженіе войскъ. Санитарныя колонны вышли изъ Бѣлграда въ южномъ направленіи. Согласно полученнымъ въ свое время

инструкціямъ мы покинемъ, въ случаѣ разрыва, Бѣлградъ съ поѣздомъ 6 ч. 30 м.

№ 23.

Баронъ фонъ-Гисль графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Землинъ, 25 іюля 1915 г.

Въ 3 часа пополудни въ Сербіи объявлена всеобщая мобилизація.

№ 24.

Баронъ фонъ-Гисль графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Землинъ, 25 іюля 1914 г.

Я заявилъ, что вслѣдствіе неудовлетворительности отвѣта сербскаго Королевскаго Правительства на наши, представленныя 23 сего мѣсяца, требованія, я считаю дипломатическія сношенія съ Сербіей прерванными и съ персоналомъ посольства покинулъ Бѣлградъ.

Сербскій отвѣтъ мнѣ былъ переданъ въ 5 ч. 58 мин.

№ 25.

Нота сербскаго Правительства отъ 12/25 іюля 1914 г.

Королевское сербское Правительство получило сообщеніе Императорскаго и Королевскаго Правительства отъ 10/23 сего мѣсяца и убѣждено, что его отвѣтъ устранитъ всякое недоразумѣніе, угрожающее испортить добрососѣдскія отношенія между австро-венгерской Монархіей и Королевствомъ сербскимъ.

Королевское Правительство сознаетъ, что протесты, заявленные какъ съ трибуны національной Скупщины, такъ и въ сообщеніяхъ и дѣйствіяхъ отвѣтственныхъ представителей Государства, протесты, которымъ былъ положенъ конецъ декларацієй сербскаго Правительства отъ 18/31 марта 1909 г., не возобновлялись больше по отношенію къ великой сосѣд-

ней Монархіи ни при какихъ случаяхъ и что съ того времени, какъ со стороны смѣнявшихся королевскихъ Правительствъ, такъ и со стороны ихъ органовъ не было сдѣлано никакой попытки, имѣвшей цѣлью измѣнить какъ политическое, такъ и юридическое положеніе вещей, созданное въ Босніи-Герцеговинѣ.

Королевское Правительство констатируетъ, что въ этомъ отношеніи Императорскимъ и Королевскимъ Правительствомъ не было сдѣлано никакихъ представленій, за исключеніемъ лишь представленія относительно одной учебной книги, на которое Императорское и Королевское Правительство получило совершенно удовлетворительное объясненіе.

Сербія неоднократно давала доказательства своей миролюбивой и умѣренной политики въ теченіе балканскаго кризиса и лишь благодаря Сербіи и тѣмъ жертвамъ, которыя она принесла, исключительно въ интересахъ европейскаго мира, этотъ миръ былъ сохраненъ.

На Королевское Правительство не можетъ быть возложена отвѣтственность за манифестаціи частнаго характера, каковыми являются статьи въ газетахъ и дѣйствія обществъ— манифестаціи, которыя происходятъ почти во всѣхъ странахъ, какъ нѣчто обыкновенное, и которыя, въ видѣ общаго правила, ускользаютъ отъ офиціальнаго контроля, тѣмъ более, что Королевское Правительство во время разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, возникшихъ между Сербіей и Австро-Венгріей, проявило чрезвычайную предусмотрительность и достигло благодаря этому разрѣшенія большинства этихъ вопросовъ на пользу развитія обѣихъ сосѣднихъ Странъ.

Вслѣдствіе этого для королевскаго Правительства явились тягостной неожиданностью утвержденія, будто подданные сербскаго Королевства участвовали въ подготовкѣ совершеннаго въ Сараевѣ покушенія. Правительство ожидало, что оно будетъ приглашено къ участію въ разслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, касающихся этого преступленія, и было готово доказать дѣйствіями полную свою корректность въ дѣлѣ преслѣдованія всѣхъ лицъ, относительно коихъ ему были бы сдѣланы соотвѣтствующія сообщенія.

Слѣдуя такимъ образомъ желанію Императорскаго и Королевскаго Правительства, Королевское Правительство изъявляетъ готовность предать суду всякаго сербскаго подданнаго, не взирая на его положеніе и рангъ, въ соучастіи котораго въ сараевскомъ преступленіи ему были бы предъявлены доказательства.

Оно специально обязывается опубликовать на первой странице оффиціальнаго органа отъ 13/26 іюля нижеслѣдующее заявленіе:

„Королевское сербское Правительство осуждаетъ всякую пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, т. е. всю совокупность тенденцій, стремящихся въ конечной цѣли къ отторженію отъ австро-венгерской Монархіи входящихъ въ ея составъ территорій, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій.

Королевское Правительство сожалѣетъ, что нѣкоторые сербскіе офицеры и чиновники участвовали, согласно сообщенію Императорскаго и Королевскаго Правительства, въ вышеупомянутой пропагандѣ, и такимъ образомъ скомпрометировали тѣ добрососѣдскія отношенія, поддерживать которыя королевское Правительство торжественно обязалось своей декларацией отъ 18/31 марта 1909 г.

Правительство, которое порицаетъ и отрекается отъ всякой мысли или попытки вмѣшательства въ судьбы жителей какой бы то ни было части Австро-Венгріи, считаетъ своимъ долгомъ формально предупредить офицеровъ, чиновниковъ и все населеніе Королевства, что отнынѣ оно будетъ примѣнять самыя суровыя мѣры противъ лицъ, виновныхъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ, къ предотвращенію и подавленію которыхъ сербское Правительство приложитъ всѣ свои усилія".

Заявленіе это будетъ объявлено Королевской арміи приказомъ, даннымъ отъ имени Его Величества Короля Его Королевскимъ Высочествомъ наслѣднымъ Королевичемъ Александромъ, и будетъ опубликовано въ ближайшемъ номерѣ официальнаго военнаго органа.

Королевское Правительство обязывается, кромѣ того:

1) Внести въ первый же нормальный созывъ Скупщины въ законъ о печати постановленіе, согласно которому возбужденіе ненависти и презрѣнія къ австро-венгерской Монархіи, а равно всѣ публикаціи, общая тенденція которыхъ будетъ направлена противъ территоріальной неприкосновенности Австро-Венгріи, будутъ подвергаться самымъ суровымъ карамъ.

Правительство обязуется при предстоящемъ въ близкомъ будущемъ пересмотрѣ Конституціи, внести въ ст. 22 Конституціи дополненіе, представляющее возможность конфискаціи вышеупомянутыхъ печатныхъ произведеній, что нынѣ, согласно точному смыслу ст. 22 Конституціи, не представляется возможнымъ.

2) Правительство не имѣетъ никакихъ доказательствъ, и нота Императорскаго и Королевскаго Правительства ему ихъ тоже не доставляетъ, въ томъ, что общество „Народна Одбрана“ и другія подобныя общества совершили до настоящаго времени какое-либо преступное дѣяніе этого рода, въ лицѣ кого-либо изъ своихъ членовъ. Тѣмъ не менѣе Королевское Правительство соглашается на просьбу Императорскаго и Королевскаго Правительства и закроетъ какъ общество „Народна Одбрана“, такъ и всякое другое общество, оторое стало бы дѣйствовать противъ Австро-Венгріи.

3) Королевское сербское Правительство обязуется безотлагательно устранить изъ народнаго образованія Сербіи все, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи, какъ только Императорское и Королевское Правительство сообщитъ ему факты и доказательства существованія этой пропаганды.

4) Королевское Правительство изъявляетъ согласіе по меньшей мѣрѣ удалить съ военной службы лицъ, виновность коихъ въ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ территоріальной неприкосновенности австро-венгерской Монархіи будетъ доказана судебнымъ разслѣдованіемъ. Правительство ожидаетъ, что Императорское и Королевское Правительство сообщитъ ему дополнительно фамиліи этихъ офицеровъ и чиновниковъ, равно какъ и свѣдѣнія о совершенныхъ ими дѣяніяхъ, въ цѣляхъ производства вышеуказаннаго разслѣдованія.

5) Королевское Правительство, съ своей стороны, должно признаться, что оно не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ и значеніи просьбы Императорскаго и Королевскаго Правительства о томъ, чтобы Сербія обязалась допустить на своей территоріи сотрудничество органовъ Императорскаго и Короъ левскаго Правительства, но заявляетъ, что оно допустито сотрудничество, соотвѣтствующее нормамъ международнагправа и уголовнаго судопроизводства, равно какъ добрососѣдскимъ отношеніямъ между двумя Государствами.

6) Королевское Правительство, само собою разумѣется‘ считаетъ своей обязанностью начать разслѣдованіе относительно дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть замѣшаны въ заговорѣ 15/28-го іюня и находились на территоріи Королевства; что касается участія въ этомъ разслѣдованіи агентовъ австро-венгерскихъ властей, которые были бы откомандированы съ этой цѣлью Императорскимъ и Королевскимъ Правительствомъ, то Королевское Правительство не можетъ на это согласиться, такъ какъ это было бы нарошеніемъ Конституціи и закона объ уголовномъ судопроиз-

водствѣ. Однако, въ конкретныхъ случаяхъ, сообщенія о результатахъ упомянутаго слѣдствія могли бы быть дѣлаемы австро-венгерскимъ органамъ.

7) Королевское Правительство распорядилось въ самый день врученія ему ноты принять мѣры къ аресту майора Вои Танкосича; что же касается подданнаго австро-венгерской Монархіи и состоявшаго до 15/28-го іюня кандидатомъ на должность въ Управленіи желѣзныхъ дорогъ, Милана Цыгановича, то онъ еще не могъ быть разысканъ.

Королевское Правительство обращается къ Императорскому и Королевскому Правительству съ просьбой соблаговолить сообщить въ обычной формѣ и въ возможно непродолжительномъ времени предположенія виновности, равно какъ доказательства виновности, если таковыя имѣются, добытыя до настоящаго времени произведеннымъ въ Сараевѣ слѣдствіемъ для производства дополнительнаго разслѣдованія.

8) Сербское Правительство усилитъ и расширитъ мѣры, принятыя въ цѣляхъ воспрепятствованія незаконной переправки оружія и взрывчатыхъ веществъ черезъ границу. Само собою разумѣется, Правительство немедленно распорядится производствомъ разслѣдованія и сурово покараетъ должностныхъ лицъ пограничной службы на линіи Шабацъ—Лозница, нарушившихъ свой долгъ и допустившихъ переходъ черезъ границу виновниковъ сараевскаго преступленія.

9) Королевское Правительство охотно дастъ объясненіе по поводу заявленій его должностныхъ лицъ, какъ въ Сербіи, такъ и за границей, сдѣланныхъ послѣ покушенія въ интервью и носившихъ, согласно утвержденію Императорскаго и Королевскаго Правительства, враждебный по отношенію къ Монархіи характеръ, какъ только Императорское и Королевское Правительство сообщитъ ему инкриминируемыя выдержки изъ этихъ заявленій и докажетъ, что заявленія эти были дѣйствительно сдѣланы должностными лицами; съ своей стороны Королевское Правительство также озаботится полученіемъ доказательствъ этого факта.

10) Королевское Правительство увѣдомитъ Императорское и Королевское Правительство о приведеніи въ исполненіе указанныхъ въ предшествующихъ пунктахъ мѣропріятій, поскольку это не сдѣлано уже настоящей нотой, немедленно по воспослѣдованіи распоряженія и осуществленіи каждой изъ этихъ мѣръ. Въ случаѣ, если бы Императорское и Королевское Правительство не было бы удовлетворено

настоящимъ отвѣтомъ, Королевское сербское Правительство, признавая отвѣчающимъ общимъ интересамъ не спѣшить съ разрѣшеніемъ настоящаго вопроса, готово какъ всегда пойти на мирное соглашеніе или путемъ передачи этого вопроса на рѣшеніе гаагскаго международнаго трибунала, или великихъ Державъ, участвовавшихъ въ выработкѣ декларацiи, сдѣланной сербскимъ Правительствомъ 18/31 марта 1909 года“.

№ 26.

Графъ Берхтольдъ графу Сапари въ С.-Петербургѣ.

Вѣна, 25 іюля 1914 г.

Въ моментъ принятія нашего рѣшенія предпринять энергичныя дѣйствія противъ Сербіи, мы давали себѣ отчетъ въ томъ, что это разногласіе съ Сербіей можетъ повлечь за собою столкновеніе съ Россіей. Но мы не могли допустить того, чтобы эта возможность повліяла на наше обращеніе съ Сербіей, такъ какъ политическія соображенія, на коихъ зиждется всякое государство, поставили насъ въ крайнюю необходимость положить конецъ тому созданному русскимъ Правительствомъ привилегированному положенію Сербіи, при которомъ она безпрестанно угрожала Монархіи, безъ всякаго риска и возможности быть наказанной.

Въ случаѣ, если Россія почтетъ, что насталъ моментъ крупнаго расчета съ центральными Державами, и окажется рѣшившейся воевать, то нижеслѣдующія предназначающіяся для Вашего Превосходительства инструкціи, конечно, окажутся излишними.

Во всякомъ случаѣ все же позволительно допустить, что Россія, послѣ возможнаго отказа Сербіи согласиться на наши требованія и въ виду неизбѣжно вытекающихъ изъ сего для насъ военныхъ дѣйствій, пожелаетъ обдумать и, можетъ быть, даже окажется способной не дать себя увлечь воинственно настроенными элементами.

Именно при такомъ положеніи вещей приложимы нижеслѣдующія инструкціи, которыми въ ихъ наиболѣе удобной формѣ и съ умѣстностью на отвѣтственности Вашего Превосходительства вы и соблаговолите руководствоваться въ благопріятный моментъ, при своихъ сношеніяхъ съ г. Сазоновымъ и г. Предсѣдателемъ министровъ.

Я полагаю, что при данныхъ обстоятельствахъ Ваше Превосходительство вообще установите тѣсное согласіе съ вашимъ германскимъ коллегой, который навѣрное долженъ имѣть отъ своего Правительства указаніе не оставлять русское Правительство въ невѣдѣніи на счетъ того, что Австро-Венгрія, въ случаѣ конфликта съ Россіей, не останется изолированной.

Не питая никакихъ иллюзій, я предвижу, что будетъ трудно заставить г. Сазонова понять, что наше выступленіе въ Бѣлградѣ стало неизбѣжнымъ.

Но есть однако одинъ факторъ, который не можетъ не оказать вліянія на русскаго министра иностранныхъ Дѣлъ: въ самомъ дѣлѣ, необходимо настаивать на томъ фактѣ, что въ современномъ кризисѣ и въ предпринятой ею борьбѣ для разрѣшенія силою оружія своего разногласія съ Сербіей, австро-венгерская Монархія, вѣрная соблюдаемому ею въ теченіе многихъ десятилѣтій принципу, не руководствуется никакими корыстными побужденіями.

Монархія пресыщена земельными пространствами и не стремится къ поглощенію какихъ-либо сербскихъ владѣній. Намъ хотя и навязана борьба съ Сербіей, но она не будетъ борьбой за пріобрѣтеніе земель, но исключительно средствомъ самозащиты и самообороны.

Содержаніе циркулярной ноты, хотя достаточно ясно само по себѣ, но оно станетъ еще понятнѣе для того, кто познакомится съ собраніемъ документовъ относительно сербской пропаганды противъ Монархіи и относительно существующей связи между этой пропагандой и покушеніемъ 28 іюня.

Именно на это собраніе документовъ Ваше Превосходительство и изволитъ обратить особенное вниманіе русскаго министра. Благоволите объяснить ему, что картина великаго Государства, переносящаго такъ долго и съ такимъ исключительнымъ терпѣніемъ, какъ это проявлено Австріей въ отношеніи Сербіи, революціонныя козни маленькаго сосѣдняго Государства, представляетъ собою рѣдкое явленіе въ исторіи.

Мы не хотѣли оказывать никакого политическаго противодѣйствія чаяніямъ балканскихъ христіанскихъ Государствъ, и потому, послѣ вызваннаго аннексіей 1908 г. кризиса, мы, хотя отнюдь не сомнѣвались въ жалкой цѣнности сербскихъ обѣщаній, все же позволили Сербіи увеличиться почти въ двойномъ размѣрѣ.

Но съ тѣхъ поръ поддерживаемое Сербіей противъ Монархіи революціонное движеніе приняло столь крайніе раз-

мѣры, что сербскія интриги кажутся опасными для жизненныхъ интересовъ Австро-Венгріи и даже для нашей династіи.

Мы не можемъ воздержаться отъ мысли, что консервативная и вѣрная своему Императору Россія сочтетъ наши энергичныя дѣйствія противъ угрожающихъ порядку во всѣхъ Государствахъ козней понятными и даже необходимыми.

Когда Ваше Превосходительство въ своей бесѣдѣ съ г. Сазоновымъ коснется этого пункта, то будетъ благовременнымъ добавить къ настоящему изложенію нашихъ доводовъ и намѣреній еще указаніе на то, что мы хотя и не претендуемъ на присоединеніе какихъ-либо территорій,—какъ это уже имѣло случай доказать Ваше Превосходительство,—и не думаемъ посягать на независимость Королевства, но тѣмъ не менѣе мы пойдемъ вплоть до крайнихъ средствъ, чтобы добиться того, чтобы наши требованія повлекли за собой дѣйствительные результаты.

Доказательство дѣлаемыхъ нами усилій къ поддержанію, насколько это отъ насъ зависитъ, мира, который мы тоже считаемъ самымъ драгоцѣннымъ достояніемъ народовъ, проявлялось за послѣднія сорокъ лѣтъ въ томъ историческомъ фактѣ, что нашъ Всемилостивѣйшій Монархъ заслужилъ титулъ Защитника Мира.

Мы тѣмъ болѣе искренно стали бы оплакивать нарушеніе европейскаго мира, что всегда полагали, что укрѣпленіе балканскихъ Государствъ,—которыя стали сильнѣе и достигли національной и политической независимости,—можетъ только благопріятствовать нашимъ сношеніямъ съ Россіей и устранить даже всякую возможность соперничества между Россіей и нами; больше того, въ виду нашего собственнаго восточнаго положенія мы всегда готовы были принимать въ соображеніе крупные политическіе интересы Россіи.

Терпѣть же дольше сербскія махинаціи значило бы подрывать наше существованіе въ качествѣ Государства и колебать наше великодержавное положеніе, а слѣдовательно и европейское равновѣсіе. Но мы убѣждены, что наиболѣе существенные и къ тому же ясно понимаемые миролюбивыми руководителями русской политики интересы Россіи требуютъ поддержанія этого столь полезнаго съ точки зрѣнія всеобщаго мира, европейскаго равновѣсія. Въ какой бы формѣ ни выразилось наше воздѣйствіе на Сербію, но оно является абсолютно консервативнымъ и задачей его служитъ необходимое поддержаніе нашего положенія въ Европѣ.

№ 27.

Графъ Берхтольдъ графу Сапари въ С.-Петербургѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 25 іюля 1914 г.

Такъ какъ пятый параграфъ нашихъ требованій, а именно: участіе Императорскихъ и Королевскихъ чиновниковъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія въ Сербіи, вызвалъ со стороны г. Сазонова особенную оппозицію, то Ваше Превосходительство изволитъ объяснить строго по секрету, что введеніе этого параграфа подсказано было чисто практическими соображеніями, а отнюдь не намѣреніемъ нанести ударъ государственной самостоятельности Сербіи. Подъ словомъ „сотрудничество" въ 5-мъ параграфѣ мы подразумѣваемъ учрежденіе въ Бѣлградѣ „бюро тайной полиціи" наподобіе подобныхъ русскихъ организацій въ Парижѣ, чтобы оно работало совмѣстно съ сербскими полиціей и административными властями.

№ 28.

Графъ Сапари графу Берхтольду.

(Телеграмма.) С.-Петербургъ, 26 іюля 1914 г.

По поводу циркулирующихъ слуховъ на тему о мѣрахъ русской мобилизаціи графъ Пурталесъ самымъ серьезнымъ образомъ замѣтилъ русскому министру, что мобилизаціонныя мѣры, какъ средство дипломатическаго воздѣйствія, въ настоящее время представляютъ весьма серьезную опасность; такъ какъ въ такомъ случаѣ предпочтеніе предоставляется чисто военнымъ соображеніямъ главныхъ штабовъ; въ Германіи же, разъ нажата эта кнопка, ничто не въ силахъ остановить хода событій.

Г. Сазоновъ честью завѣрялъ германскаго посла, что эти слухи были неточны, что не реквизировано ни одной лошади, не призвано ни одного запасного, и что дѣло касается единственно подготовительныхъ мѣръ въ военныхъ округахъ Кіева и Одессы; а можетъ быть также Казани и Москвы.

Немедленно вслѣдъ затѣмъ, поздно вечеромъ, военный атташе германской Имперіи получилъ черезъ курьера предложеніе посѣтить военнаго министра Сухомлинова; и этотъ послѣдній, взявъ за отправную точку бывшій у графа Пур-

талеса съ министромъ иностранныхъ Дѣлъ разговоръ касательно русскихъ приготовленій и полагая, что посолъ могъ ошибиться въ отношеніи разныхъ военныхъ подробностей, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы дать атташе дополнительныя свѣдѣнія. Сдѣланное майоромъ Эггелингомъ касательно этого разговора сообщеніе заключается въ нижеслѣдующей, отправленной графомъ Пурталесомъ въ Берлинъ и представленной въ мое распоряженіе телеграммѣ:

Военный атташе передаетъ свой разговоръ съ русскимъ военнымъ министромъ въ такихъ выраженіяхъ: Г. Сазоновъ просилъ его освѣдомить меня насчетъ военнаго положенія. Военный министръ, ручаясь своей честью, заявилъ, что еще не дано никакого приказа о мобилизаціи. Пока приняты лишь предварительныя мѣры, не реквизировано ни одной лошади и не призвано ни одного запасного. Если Австро-Венгрія перейдетъ сербскую границу, то будутъ мобилизованы обращенные къ Австріи военные округи Кіева, Одессы, Москвы и Казани; но ни въ коемъ случаѣ не тѣ, которые находятся на германской границѣ (Варшава, Вильна, Петербургъ). Пламенно желателенъ миръ съ Германіей. Когда я спросилъ, съ какою цѣлью производится мобилизація противъ Австро-Венгріи, то министръ отвѣтилъ мнѣ пожатіемъ плечъ; за этимъ,— сказалъ онъ,—надо обратиться къ дипломатамъ. Я заявилъ г. министру, что у насъ сумѣютъ оцѣнить его дружественное расположеніе, но что мобилизація даже противъ лишь Австріи будетъ признана весьма угрожающей. Г. министръ же энергично и многократно высказался о неотложной надобности и желаніи сохранить миръ.

№ 29.

Графъ Берхтольдъ графу Менсдорфу въ Лондонѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 26 іюля 1914 г.

Г. фонъ Чиршкій сообщилъ мнѣ по приказанію своего Правительства, что, судя по отправленной княземъ Лихновскимъ изъ Лондона, 25 текущаго мѣсяца въ 3 часа пополудни телеграммѣ, сэръ Эд. Грэй отправилъ князю набросокъ сербской отвѣтной ноты и при этомъ въ сопроводительномъ частномъ письмѣ замѣтилъ, что надѣется, что, въ виду примирительнаго тона этого отвѣта, берлинскій кабинетъ постарается, чтобы этотъ отвѣтъ принятъ былъ Вѣною.

Я считаю умѣстнымъ, чтобы Ваше Превосходительство вернулось къ переговорамъ по этому вопросу съ г. статсъ-секретаремъ и обратило его вниманіе на тотъ фактъ, что въ тотъ самый моментъ, когда онъ адресовалъ князю Лихновскому это свое письмо, то-есть вчера въ 3 часа пополудни, Сербія уже дала приказъ о всеобщей мобилизаціи своей арміи, что доказываетъ, что въ Бѣлградѣ не склонны къ мирному разрѣшенію вопроса.

Самый же отвѣтъ, который предварительно, повидимому, протелеграфированъ былъ въ Лондонъ, врученъ былъ Императорскому и Королевскому посланнику въ Бѣлградѣ, въ не удовлетворяющей нашихъ просьбъ формѣ лишь въ 6 часовъ, послѣ объявленія приказа о мобилизаціи.

№ 30.

Графъ Берхтольдъ Императорскимъ и Королевскимъ посламъ въ Берлинѣ, Римѣ, Лондонѣ, Парижѣ и С.-Петербургѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 26 іюля 1914 г.

Послѣ отказа Сербіи принять формулированныя нами требованія, мы прервали дипломатическія сношенія съ этой Страной.

Прошу Ваше Превосходительство соблаговолить немедленно отправиться къ г. министру иностранныхъ Дѣлъ или къ его замѣстителю и представить ему нижеслѣдующія внѣочередныя объясненія:

Королевское сербское Правительство отказало въ удовлетвореніи тѣхъ просьбъ, которыя мы вынуждены были адресовать ему для прочнаго огражденія нашихъ угрожаемыхъ имъ самыхъ жизненныхъ интересовъ; этимъ доказывается, что оно не расположено отказаться отъ своихъ вредныхъ дѣйствій, клонящихся къ поддержанію безпрерывной смуты въ нѣкоторыхъ нашихъ пограничныхъ областяхъ съ цѣлью отторженія ихъ отъ организма Монархіи. Мы сожалѣемъ, что вопреки нашему желанію, поставлены въ необходимость самыми суровыми мѣрами принудить Сербію радикально измѣнить свое доселе враждебное поведеніе.

№ 31.

Графъ Сапари графу Берхтольду

(Телеграмма.) С.-Петербургъ, 27 іюля 1914 г.

Я только-что имѣлъ продолжительный разговоръ съ г. Сазоновымъ. Я сказалъ г. министру, что, по моему впечатлѣнію, въ Россіи заблуждаются относительно характера нашихъ дѣйствій: насъ подозрѣваютъ въ замыслѣ продвиженія на Балканахъ и въ походѣ на Солоники или даже на Константинополь. Нѣкоторые же доходятъ до того, что просто-напросто считаютъ наши дѣйствія сигналомъ къ предупредительной войнѣ съ Россіей. Все это,—сказалъ я,—ошибочно и отчасти даже явно безсмысленно. Наши дѣйствія продиктованы принципомъ личной самосохранности и желаніемъ самозащиты отъ враждебной пропаганды, которая угрожаетъ нашей цѣлости и проявляется какъ на словахъ, такъ и въ прессѣ и въ фактахъ. Въ Австро-Венгріи никому въ голову не приходитъ угрожать русскимъ интересамъ или искать ссоры съ Россіей. Но мы, во всякомъ случаѣ, абсолютно рѣшились достигнуть своей намѣченной цѣли; и избранный нами для этого путь представляется намъ наиболѣе практичнымъ. Но такъ какъ дѣло идетъ о дѣйствіяхъ оборонительныхъ, то мнѣ невозможно было скрыть отъ него, что въ подобномъ случаѣ намъ невозможно было принимать въ расчетъ какихъ бы то ни было послѣдствій сего. Г. Сазоновъ одобрилъ меня. Задача наша, какъ я ее ему описалъ, безусловно законна, но онъ полагалъ, что путь, которымъ мы къ ней пошли, не изъ числа самыхъ вѣрныхъ. Врученная нами нота неудачна по своей формѣ. За то время, какъ онъ ее получилъ, онъ изучилъ ее и, если бы у меня было время, то онъ желалъ бы еще разъ пробѣжать ее вмѣстѣ со мною.—Я замѣтилъ ему, что онъ можетъ мною располагать, но что я не уполномоченъ ни обсуждать, ни истолковывать ему текстъ этой ноты. Замѣчанія же его, во всякомъ случаѣ, представляли интересъ.—Тогда г. министръ пересмотрѣлъ всѣ параграфы ноты и тутъ же призналъ, что изъ десяти пунктовъ ея, семь пріемлемы безъ особыхъ затрудненій. Онъ выдѣлилъ два параграфа касательно сотрудничества Императорскихъ и Королевскихъ чиновниковъ въ Сербіи и параграфъ объ отставкѣ указанныхъ нами офицеровъ и чиновниковъ; и призналъ ихъ въ этой формѣ непріемлемыми.—По поводу двухъ первыхъ пунктовъ я въ состояніи былъ дать объясненіе въ духѣ те-

леграммы Вашего Превосходительства отъ 25 текущаго мѣсяца; что же касается третьяго пункта, я отвѣтилъ ему, что это требованіе необходимо. Къ тому же дѣла шли своимъ чередомъ. Сербы уже мобилизовали, а что произошло затѣмъ, мнѣ еще неизвѣстно.

№ 32.

Графъ Берхтольдъ графу Сапари въ С.-Петербургѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 27 іюля 1914 г.

Уполномочиваю Ваше Превосходительство сдѣлать г. Сазонову такое заявленіе, что пока война остается локализованной между Австро-Венгріей и Сербіей, Монархія не будетъ стремиться ни къ какимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ.

№ 33.

Графъ Сэдьени графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Берлинъ, 27 іюля 1914 г.

Г. Сазоновъ заявилъ германскому послу, что можетъ „поручиться, что съ русской стороны никакой мобилизаціи не начато; приняли, правда, нѣкоторыя необходимыя военныя предосторожности“.

Военный германскій атташе въ С.-Петербургѣ извѣщаетъ, что русскій Военный министръ далъ ему честное слово, что не мобилизовано ни одной лошади и ни одного человѣка; но, разумѣется, пришлось принять нѣкоторыя военныя мѣры предосторожности; мѣры, которыя, какъ добавляетъ въ своемъ докладѣ, въ качествѣ личной приписки германскій военный аташе, имѣютъ несомнѣнно довольно широкіе размѣры.

№ 34.

Графъ Берхтольдъ Императорскимъ и Королевскимъ посламъ въ Берлинѣ, Римѣ, Лондонѣ, Парижѣ и С.-Петербургѣ.

Вѣна, 27 іюля 1914 г.

При семъ вы найдете текстъ ноты Королевскаго сербскаго Правительства, адресованный 25 іюля Императорскому и

Королевскому посланнику въ Бѣлградѣ, съ нашими примѣчаніями [1]).

№ 35.

Графъ Сэдьени графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Берлинъ, 28 іюля 1914 г.

Сдѣланное Англіей предложеніе о посредничествѣ, по которому Германія, Италія, Англія и Франція собрались бы въ Лондонѣ на конференцію, Германіей отвергнуто подъ тѣмъ предлогомъ, что ей невозможно привлекать свою союзницу къ европейскому трибуналу за ея разногласіе съ Сербіей.

№ 36.

Баронъ Мюллеръ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Токіо, 28 іюля 1914 г.

Оффиціальный японскій органъ Times печатаетъ въ своемъ сегодняшнемъ № передовую статью, въ заключеніи которой утверждается, что Японія находится въ лучшихъ отношеніяхъ съ тремя заинтересованными великими Державами, Австро-Венгріей, Германіей и Россіей; тогда какъ Сербія для нея безразлична. Въ случаѣ войны Императорское Правительство будетъ, разумѣется, соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

№ 37.

Графъ Берхтольдъ Королевскому сербскому министерству иностранныхъ Дѣлъ въ Бѣлградѣ.

Такъ какъ Королевское сербское Правительство не дало утвердительнаго отвѣта на врученную ему австро-венгерскимъ посланникомъ 23/10 іюля 1914 г. ноту, то Импера-

[1]) См. Германская Бѣлая книга. (Изд. кн. маг. б. Мелье и Ко. Петреградъ. 1915 г.). Стр. 27—41.

торское и Королевское Правительство оказывается вынужденнымъ само озаботиться охраною своихъ правъ и интересовъ и съ этого цѣлью прибѣгнуть къ силѣ оружія. Посему Австро-Венгрія, начиная съ настоящаго момента, считаетъ себя на положеніи войны съ Сербіей.

№ 38.

Графъ Берхтольдъ графу Сэдьени въ Берлинѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 28 іюля 1914 г.

Къ свѣдѣнію Вашего Превосходительства съ просьбой сообщить это г. статсъ-секретарю.

Отъ графа Менсдорфа я получилъ слѣдующую телеграмму отъ 27 сего мѣсяца.

„Сегодня я имѣлъ случай изложить сэру Эдуарду Грэю, что наши дѣйствія являются не нападеніемъ, но мѣрой самозащиты и личной самосохранности, и что мы не задаемся никакими территоріальными пріобрѣтеніями, ни уничтоженіемъ сербской независимости.

„Мы просимъ открытаго удовлетворенія за прошлое и гарантій на будущее время. При этомъ я опирался на нѣкоторые изъ тѣхъ аргументовъ, которые выдвинуты были Вашимъ Превосходительствомъ въ его объясненіи, адресованномъ графу Сапари.

„Сэръ Эдуардъ Грэй сказалъ мнѣ, что былъ весьма разочарованъ видѣть, что мы считаемъ сербскій отвѣтъ за вполнѣ отрицательный. Онъ думалъ, что этотъ отвѣтъ могъ послужить базой, на которой прочія четыре Государства могли выработать удовлетворительное соглашеніе. Такова была его мысль, когда онъ предлагалъ конференцію. Эта конференція должна была собраться въ томъ предположеніи, что Австро-Венгрія, равно какъ и Россія, пока Державы попытаются найти какое либо удовлетворительное рѣшеніе, воздержатся отъ всякихъ военныхъ дѣйствій.

„Въ сдѣланной имъ сегодня въ палатѣ Коммунъ декларации сэръ Эдуардъ Грэй изложилъ проектъ этой конференціи.

„Когда онъ говорилъ о воздержаніи съ нашей стороны отъ всякихъ военныхъ дѣйствій противъ Сербіи, то я ему замѣтилъ, что опасаюсь, что теперь это было уже слишкомъ поздно. Г. статсъ-секретарь говоритъ намъ, что если мы,

рѣшившись во что бы то ни стало воевать съ Сербіей, предполагаемъ, что Россія останется спокойной, то мы допускаемъ большой рискъ. Если же бы мы могли убѣдить Россію не шевелиться, то онъ не усматривалъ бы больше никакихъ возраженій. Въ противномъ случаѣ опасности будутъ неисчислимы. Въ качествѣ тревожнаго признака онъ указалъ мнѣ на тотъ фактъ, что сконцентрированный послѣ маневровъ въ Портсмутѣ англійскій огромный флотъ, сегодня долженъ былъ быть дислокированъ, но временно оставленъ въ этомъ портѣ. „Мы бы не созвали запасныхъ, — сказалъ онъ, — но разъ они собраны, мы въ настоящій моментъ не можемъ распустить ихъ по домамъ“.

„Цѣль его проекта конференціи избѣжать, если возможно, столкновенія между великими Державами; при этихъ условіяхъ онъ могъ бы такимъ образомъ употребить всѣ свои усилія, чтобы локализовать конфликтъ. Но если Россія мобилизуетъ и Германія выступаетъ на сцену, то конференція отпадаетъ сама собою.

„ Я полагаю излишнимъ подчеркивать Вашему Превосходительству, что при наличности вспыхнувшей войны, грэевскій проектъ конференціи, насколько онъ касается нашего конфликта съ Сербіей, кажется мнѣ сведеннымъ опередившими его событіями на-нѣтъ“.

№ 39.

Графъ Берхтольдъ графу Менсдорфу въ Лондонѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 28 іюля 1914 г.

Для насъ въ высшей степени важно, что сэръ Эдуардъ Грэй безпристрастно судитъ о нашихъ дѣйствіяхъ противъ Сербіи вообще и о нашемъ отклоненіи сербской ноты въ частности. Поэтому прошу Ваше Превосходительство соблаговолить изыскать случай подробно растолковать г. статсъ-секретарю то собраніе документовъ, которое я вамъ отправилъ по почтѣ, обративъ при этомъ вниманіе на въ особенности выдающіяся мѣста; Ваше Превосходительство изволитъ обсудить въ томъ же духѣ съ сэромъ Эдуардомъ Грэемъ и присоединенныя къ сербской нотѣ замѣчанія (текстъ самой ноты въ сопровожденіи съ нашими замѣчаніями отправленъ вчера по почтѣ на имя Вашего Превосходительства) и ясно изложить ему, что сербскія уступки

являются только кажущимися и предназначаются для обмана Европы, не давая не малѣйшихъ гарантій на будущее время.

Такъ какъ сербское Правительство знало, что насъ можетъ удовлетворить только безусловное согласіе на наши требованія, то отсюда легко понять сербскую тактику. Чтобы произвести впечатлѣніе на европейское общественное мнѣніе, Сербія со всевозможными оговорками приняла извѣстную часть нашихъ требованій, хотя знала, что ей никогда не придется сдержать своихъ обѣщаній. Въ своемъ разговорѣ съ Сэромъ Эдуардомъ Грэемъ Ваше Превосходительство въ особенности изволитъ остановиться на томъ обстоятельствѣ, что всеобщая мобилизація сербской арміи объявлена была въ 3 часа пополудни 25 іюля, тогда какъ отвѣтъ на нашу ноту врученъ былъ ровно предъ истеченіемъ срока, то-есть за нѣсколько минутъ до 6 часовъ. До тѣхъ поръ мы отнюдь не предпринимали военныхъ приготовленій, но къ этому побудила насъ сербская мобилизація.

№ 40.

Графъ Берхтольдъ графу Сапари въ С.-Петербургѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 28 іюля 1914 г.

Для указанія Вашему Превосходительству пути слѣдованія и тона рѣчей.

Сегодня ко мнѣ явился Императорскій россійскій посолъ съ извѣщеніемъ, что онъ, послѣ кратковременнаго отпуска и одновременно по телеграфному приказу г. Сазонова, вернулся изъ Россіи. Послѣдній будто бы сообщилъ ему, что имѣлъ съ Вашимъ Превосходительствомъ продолжительное и дружеское объясненіе (телеграмма Вашего Превосходительства отъ 27 текущаго мѣсяца), во время котораго вы весьма обязательно пересмотрѣли съ нимъ различные пункты сербской ноты. Г. Сазоновъ будто бы того мнѣнія, что Сербія широко удовлетворила наши желанія, но что нѣкоторыя изъ нашихъ требованій ему показались совершенно непріемлемыми, чего онъ, впрочемъ, и не скрылъ отъ Вашего Превосходительства. При такихъ обстоятельствахъ ему казалось, что сербская нота, въ томъ видѣ, какъ она задумана,—могла бы послужить базой для объясненій, успѣху которыхъ Россія охотно оказала бы свое содѣйствіе. Г. Сазоновъ пожелалъ сдѣлать мнѣ предложеніе, чтобы обмѣнъ мнѣній съ Вашимъ

Превосходительствомъ, нарочито уполномоченнымъ на этотъ случай, шелъ своимъ чередомъ.

Въ моемъ отвѣтѣ я подчеркнулъ, что не могу присоединиться къ такого рода предложенію. У насъ никто не пойметъ и не одобритъ переговоровъ касательно содержанія такой ноты, которая признана у насъ неудовлетворительной. Подобное обсужденіе тѣмъ болѣе было бы невозможнымъ,—что хорошо извѣстно было и послу,—что общественнымъ мнѣніемъ овладѣло всеобщее и глубокое возбужденіе и что, кромѣ того, мы сегодня же объявили войну Сербіи.

Всѣ объясненія посла клонились къ одному и тому же пункту, а именно, что военныя дѣйствія не угасятъ въ Сербіи того духа вражды, который онъ ничуть не стремился отрицать, а что, наоборотъ, они только его распалятъ.

Въ отвѣтъ я представилъ ему нѣсколько примѣровъ нашихъ нынѣшнихъ отношеній къ Сербіи; они неизбѣжно, вопреки нашему желанію, вели насъ къ необходимости безъ всякой эгоистичной задней мысли, но съ надлежащей энергіей, проявить наше рѣшительное намѣреніе не допускать долѣе той агитаціи противъ существованія Монархіи, которую позволяло себѣ сербское Правительство.

Впрочемъ, самое поведеніе Сербіи, по полученіи нашей ноты, не было, какъ я ему это высказалъ, благопріятнымъ для мирнаго соглашенія, такъ какъ. ранѣе чѣмъ вручить намъ свой неудовлетворительный отвѣтъ, Сербія уже предписала всеобщую мобилизацію и учинила въ отношеніи насъ враждебный актъ. Несмотря на все это, мы ждали еще три дня. Но вчера Сербія начала непріязненныя дѣйствія противъ насъ на венгерской границѣ. Такимъ образомъ для насъ стало невозможнымъ хранить проявляемое нами столько времени въ отношеніи ея долготерпѣніе. Отнынѣ не могло быть болѣе рѣчи о радикальномъ, но мирномъ оздоровленіи нашихъ отношеній къ Сербіи; и мы при данныхъ обстоятельствахъ вынуждены были отвѣтить на сербскія провокаціи въ такомъ тонѣ, который единственно соотвѣтствовалъ достоинству Монархіи.

№ 41.

Графъ Берхтольдъ графу Менсдорфу въ Лондонѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 28 іюля 1914 г.

Посѣтившій меня сегодня англійскій посолъ изложилъ мнѣ, по приказанію своего Правительства, точку зрѣнія сэра

Эдуарда Грэя на нашъ конфликтъ съ Сербіей. Онъ выразился такъ: англійское Правительство съ живымъ интересомъ слѣдило до сихъ поръ за развитіемъ кризиса и считаетъ нужнымъ завѣрить насъ, что сочувствуетъ нашей точкѣ зрѣнія и превосходно понимаетъ наше неудовольствіе Сербіей. Хотя вообще Англія не создавала для себя изъ нашего разногласія съ Сербіей предмета особенныхъ заботъ, тѣмъ не менѣе это разногласіе не могло ускользнуть отъ вниманія лондонскаго Кабинета, такъ какъ подобный конфликтъ могъ породить болѣе или менѣе отдаленныя потрясенія и, слѣдовательно, поставить на очередь вопросъ объ европейскомъ мирѣ. Именно этотъ единственный, затрагивающій Англію, мотивъ вынудилъ сэра Эдуарда Грэя предложить не задѣтымъ прямо этимъ конфликтамъ державамъ (Германіи, Италіи и Франціи) изслѣдовать и обсудить сообща, путемъ регулярнаго обмѣна взглядами, тѣ средства, которыя позволили бы какъ можно скорѣе сгладить это разногласіе. Послѣ вышепоименованныхъ Державъ должны были, по мнѣнію англійскаго статсъ-секретаря, поддерживать съ нимъ, въ интересахъ указанной цѣли, постоянныя сношенія, по примѣру собиравшейся во время послѣдняго балканскаго кризиса Лондонской конференціи. Отъ означенныхъ Правительствъ сэръ Эдуардъ Грэй уже получилъ весьма любезные отвѣты, въ коихъ они одобряютъ его предложеніе.

Теперь же г. статсъ-секретарь желалъ бы, по возможности, недопустить въ послѣднюю минуту разразиться враждебнымъ дѣйствіемъ между Австро-Венгріей и Сербіей; если же это было бы невозможно, то, по меньшей мѣрѣ, надлежало предупредить кровавое столкновеніе, позволивъ сербамъ отойти, не принимая боя. Полученный нами отвѣтъ Сербіи, повидимому, допускаетъ возможность базы для соглашенія. Англія, при данныхъ обстоятельствахъ, вполнѣ расположена оказать свое вліяніе въ духѣ нашихъ требованій.

Я поблагодарилъ г. посла за сдѣланное имъ со стороны сэра Эдуарда Грэя сообщеніе и отвѣтилъ ему, что признаю полную справедливость точки зрѣнія г. статсъ-секретаря; но, сказалъ я,—взглядъ его, въ силу вещей, различается отъ моего, такъ какъ Англія не заинтересована непосредственно въ существующемъ между нами и Сербіей разногласіи и что вполнѣ возможно, что г. статсъ-секретарь не освѣдомленъ основательно насчетъ важности и значенія подлежащихъ разрѣшенію вопросовъ.

Если сэръ Эдуардъ Грэй говоритъ о возможности недопущенія взрыва враждебныхъ дѣйствій, то эта мысль является

слишкомъ запоздалой, такъ какъ со стороны Сербіи уже вчера начали стрѣлять по солдатамъ, охраняющимъ нашу границу, а нынѣ мы сами объявили войну Сербіи. Что касается мысли о переговорахъ на почвѣ сербской ноты, то я вынужденъ ее отвергнуть. Мы требовали безусловнаго принятія; Сербія же пыталась выпутаться изъ затруднительнаго положенія окольными путями; намъ слишкомъ знакомы эти сербскіе пріемы. Сэръ Морисъ Бэнсэнъ, благодаря пріобрѣтеннымъ имъ здѣсь свѣдѣніямъ о мѣстномъ положеніи, можетъ, конечно, по справедливости оцѣнить нашу точку зрѣнія и будетъ въ состояніи дать о ней точное представленіе сэру Эдуарду Грэю.

Насколько сэру Эдуарду Грэю желательно будетъ послужить дѣлу европейскаго мира, онъ не встрѣтитъ, конечно, никакого противодѣйствія этому съ нашей стороны. Но пусть онъ, во всякомъ случаѣ, благоволитъ считаться съ тѣмъ, что европейскій миръ не будетъ спасенъ тѣмъ фактомъ, если великія державы встанутъ на сторону Сербіи и вмѣшаются въ пользу ея безнаказанности. Ибо, даже въ случаѣ, если бы мы согласились на подобную попытку улаженія, то этимъ Сербія была бы только поддержана идти тѣмъ же путемъ, какимъ она шла до сихъ поръ, и это въ самое короткое время снова подниметъ вопросъ объ европейскомъ мирѣ. Въ заключеніе англійскій посолъ завѣрилъ меня, что онъ превосходно понимаетъ нашу точку зрѣнія, но что, съ другой стороны, къ сожалѣнію, констатируетъ, что выраженное англійскимъ Правительствомъ пожеланіе добиться улаженія положенія, теперь уже не имѣетъ шансовъ на свое осуществленіе. Онъ высказалъ надежду на возможность поддерживать со мною сношенія, что, въ виду тяжкой опасности европейскаго столкновенія, представляло для него огромное значеніе. Я отвѣтилъ ему, что во всякое время нахожусь въ распоряженіи г. посла; и наша бесѣда закончилась.

№ 42.

Графъ Берхтольдъ графу Сэдьени въ Берлинѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 28 іюля 1914 г.

Прошу Ваше Превосходительство немедленно отправиться къ г. имперскому канцлеру или къ г. статсъ-секретарю, чтобы сдѣлать ему нижеслѣдующее сообщеніе.

Судя по согласнымъ свѣдѣніямъ, исходящимъ изъ С.-Петербурга, Кіева, Варшавы, Москвы и Одессы, Россія производитъ обширныя военныя приготовленія. Правда, г. Сазоновъ, равно какъ и русскій Военный министръ, честью увѣряли, что до настоящей минуты всеобщая мобилизація еще не объявлена; Военный министръ, во всякомъ случаѣ, сообщилъ германскому военному агенту что если наши войска перейдутъ сербскую границу, то будутъ мобилизованы обращенные къ Австро-Венгріи военные округа. При такихъ обстоятельствахъ я бы желалъ настоятельно просить берлинскій Кабинетъ обсудить, не можетъ ли онъ дружески замѣтить Россіи, что мобилизація вышеуказанныхъ округовъ равносильна будетъ угрозѣ по адресу Австро-Венгріи и что, слѣдовательно, въ случаѣ осуществленія такой мобилизаціи, Монархія, равно какъ союзная съ ней германская Имперія, вынуждены будутъ отвѣтить крайними военными мѣрами. Чтобы позволить Россіи, въ крайнемъ случаѣ, легче измѣнить свои намѣренія, мнѣ кажется, лучше, чтобы подобный шагъ сначала сдѣланъ былъ одной Германіей; но само собой разумѣется мы готовы сдѣлать это также и вмѣстѣ.

Ясный языкъ въ настоящій моментъ мнѣ представляется наилучшимъ средствомъ къ тому, чтобы Россія пришла къ сознанію всего значенія угрожающаго поведенія.

№ 43.

Графъ Берхтольдъ графу Сэдьени въ Берлинѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 28 іюля 1914 г.

Посолъ германской Имперіи сообщилъ намъ, что сэръ Эдуардъ Грэй адресовался къ германскому Правительству съ просьбой употребить свое вліяніе на Императорское и Королевское Правительство, дабы послѣднее сочло бѣлградскій отвѣтъ удовлетворительнымъ или, по меньшей мѣрѣ, приняло его, какъ базу для обсужденій между различными министерствами. Г. фонъ Чиршкій уполномоченъ подвергнуть англійское предложеніе на изслѣдованіе вѣнскаго Кабинета.

№ 44.

Графъ Берхтольдъ австро-венгерскимъ посламъ въ С.-Петербургѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Римѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 29 іюля 1914 г.

Для свѣдѣнія Вашего Превосходительства.

Въ отвѣтъ на выступленіе здѣсь посла германской Имперіи, я доставилъ сегодня ему нижеслѣдующій Меморандумъ.

Меморандумъ.

Императорское и Королевское Правительство горячо благодаритъ г. посла германской Имперіи за сообщеніе, которое ему угодно было сдѣлать 28-го с. мѣсяца, и которое принято австро-венгерскимъ Правительствомъ къ свѣдѣнію.

Англійскій Кабинетъ просилъ Императорское германское Правительство благоволить употребить свое вліяніе на вѣнскій Кабинетъ, дабы послѣдній счелъ бѣлградскій отвѣтъ удовлетворительнымъ, или же, по меньшей мѣрѣ, какъ базу для обсужденія. Что касается выраженнаго г. англійскимъ статсъ-секретаремъ князю Лихновскому мнѣнія, то Императорское и Королевское Правительство прежде всего желаетъ замѣтить, что сербская нота, за однимъ исключеніемъ, не содержитъ въ себѣ, какъ это кажется сэру Эдуарду Грэю, согласія на всѣ наши требованія, но что скорѣе она формулируетъ въ главныхъ своихъ параграфахъ такія оговорки, которыя въ значительной мѣрѣ уменьшаютъ цѣнность дѣлаемыхъ уступокъ. Кромѣ того, отказъ Сербіи относится именно къ такимъ пунктамъ, которые должны были гарантировать намъ дѣйствительное осуществленіе преслѣдуемой нами цѣли.

Императорское и Королевское Правительство не въ состояніи скрыть своего изумленія при наличности того, что его дѣйствія противъ Сербіи разсматриваются какъ направленныя противъ Россіи и русскаго вліянія на Балканахъ, ибо если бы это было дѣйствительно такъ, то возможно было бы допустить, что направленная противъ Монархіи пропаганда не только сербскаго, но и русскаго происхожденія. Мы же до сихъ поръ, наоборотъ, исходили изъ той мысли, что оффиціальная Россія оставалась чуждой для этихъ враждебныхъ Монархіи проявленій; такимъ образомъ, наши нынѣшнія дѣйствія исключительно направлены противъ

Сербіи; наши же чувства къ Россіи, какъ мы это можемъ подтвердить сэру Эдуарду Грэю, безусловно дружественныя. Кромѣ того, австро-венгерское Правительство считаетъ себя вынужденнымъ замѣтить, что оно, къ его глубокому сожалѣнію, не имѣетъ болѣе возможности примѣнить въ отношеніе сербской ноты англійскую точку зрѣнія, такъ какъ въ тотъ моментъ, когда здѣсь произведено было германское выступленіе, война между Монархіей и Сербіей была уже объявлена, и сербская нота оказалась такимъ образомъ предупрежденной событіями.

По этому поводу Императорское и Королевское Правительство позволяетъ себѣ замѣтить, что Королевское сербское Правительство, раньше чѣмъ дать свой отвѣтъ, произвело мобилизацію своихъ вооруженныхъ силъ и что затѣмъ оно дало еще пройти тремъ днямъ, не проявивъ намѣренія отказаться отъ усвоенной имъ въ его нотѣ точки зрѣнія: именно тогда только послѣдовало съ нашей стороны объявленіе войны.

Если, впрочемъ, англійскій Кабинетъ склоненъ оказать свое вліяніе на русское Правительство въ интересахъ поддержанія мира между великими Державами и локализаціи навязанной намъ долголѣтними сербскими кознями войны, то Императорское и Королевское Правительство можетъ только съ признательностью отнестись къ вмѣшательству такого рода.

№ 45.

Графъ Сеченъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Парижъ, 29 іюля 1914 г.

Франція несомнѣнно произвела нѣкоторыя военныя приготовленія, какъ это, можетъ быть, съ извѣстнымъ преувеличеніемъ, сообщено въ газетахъ.

Я узналъ строго секретнымъ образомъ, что баронъ фонъ-Шэнъ уполномоченъ переговорить объ этихъ приготовленіяхъ съ г. Вивіани и предупредить его, что въ виду этихъ обстоятельствъ Германія можетъ оказаться вынужденной принять подобныя же мѣры, что́, разумѣется, невозможно будетъ соблюсти въ тайнѣ, ставши же извѣстнымъ, это вызоветъ большое волненіе въ обществѣ. И такимъ образомъ, двѣ страны, преслѣдуя только цѣли мира, могутъ оказаться вынужденными произвести, по меньшей мѣрѣ частичную мо-

билизацію, что̀ будетъ опасно. Кромѣ того, баронъ фонъ-Шэнъ, по приказанію своего Правительства, заявилъ, что горячо желаетъ увидѣть настоящій конфликтъ локализованнымъ между нами и Сербіей, и въ этомъ отношеніи Германія разсчитываетъ на поддержку Франціи.

№ 46.

Графъ Сэдьени графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Берлинъ, 29 іюля 1914 г.

Германское Правительство еще съ воскресенья заявило С.-Петербургу, что русская мобилизація повлечетъ за собою германскую мобилизацію.

Русскій отвѣтъ былъ тотъ, что̀ я сообщилъ вамъ въ моей телеграммѣ отъ 27 с. мѣсяца. Нынѣ въ С.-Петербургъ отправлена новая телеграмма, гдѣ сообщается, что если Россія будетъ продолжать свои приготовленія, то Германія тоже, въ свою очередь, вынуждена будетъ мобилизовать.

№ 47.

Графъ Сапари графу Берхтольду.

(Телеграмма.) С.-Петербургъ, 29 іюля 1914 г.

Я узналъ отъ германскаго посла, что г. Сазоновъ проявилъ большое волненіе отъ приписываемаго Вашему Превосходительству намѣренія не продолжать текущаго обмѣна взглядовъ съ Россіей и обезпокоенъ австро-венгерской мобилизаціей, которая, какъ ему передали, зашла далѣе необходимыхъ размѣровъ и, слѣдовательно, направлена противъ Россіи. Поэтому я отправился къ министру, чтобы разсѣять нѣкоторыя, какъ мнѣ казалось, остававшіяся еще неясности.

Министръ началъ съ того, что констатировалъ, что Австро-Венгрія категорически отказалась отъ продолженія обмѣна взглядами.

Опираясь на телеграмму Вашего Превосходительства отъ 28 с. мѣсяца, я указалъ, что послѣ всего происшедшаго Ваше Превосходительство несомнѣнно отказались отъ вся-

каго обсужденія этой ноты и вообще конфликта между Австро-Венгріей и Сербіей; но я же, наоборотъ, долженъ былъ установить, что въ состояніи предложить болѣе обширную базу для нашего обмѣна мнѣній, заявляя, что мы не желаемъ нарушать никакихъ русскихъ интересовъ; предполагая же, что конфликтъ будетъ локализованъ между Австро-Венгріей и Сербіей, мы бы не питали намѣреній присоединить какую-нибудь часть сербской территоріи и не болѣе того помышляли бы посягать на государственныя права Сербіи. Я убѣжденъ, — добавилъ я, — что Ваше Превосходительство всегда будетъ расположено вступить съ С.-Петербургомъ въ сношенія, чтобы обсудить австро-венгерскіе и русскіе интересы.

Г. Сазоновъ сказалъ мнѣ, что онъ поддается моему убѣжденію, посколько рѣчь идетъ о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, но по вопросу о государственности Сербіи онъ не можетъ колебаться въ поддержаніи своей точки зрѣнія, то-есть, что предъявленныя нами Сербіи условія сводятъ эту страну на вассальное положеніе. А въ такомъ случаѣ развѣ это не будетъ нарушеніемъ балканскаго равновѣсія, и это послѣднее развѣ не связано съ русскими интересами, которые такимъ образомъ и выдвигаются на очередь? Онъ возвратился къ обсужденію ноты и предложеннаго сэромъ Эд. Грэемъ выступленія; онъ еще разъ пожелалъ повторить мнѣ, что наши интересы вполнѣ признаются законными, и имѣется расположеніе дать имъ полное удовлетвореніе, но при условіи, чтобы они были предъявлены Сербіи въ пріемлемой формѣ. Я ему отвѣтилъ, что этотъ вопросъ касается не Россіи, а Сербіи. Г. Сазоновъ же возразилъ мнѣ, что въ этомъ случаѣ русскіе интересы совпадаютъ съ интересами сербскими. Чтобы выбраться изъ этого заколдованнаго круга, я перешелъ къ другому предмету. Я упомянулъ о дошедшемъ до меня слухѣ, будто въ Россіи встревожены, что мы, для нашихъ дѣйствій противъ Сербіи, мобилизовали восемь армейскихъ корпусовъ. Г. Сазоновъ подтвердилъ мнѣ, что это не онъ самъ,—какъ полный невѣжда по этому предмету,—выразилъ по этому поводу опасенія, а начальникъ Главнаго штаба. Я пытался представить министру, до чего легко всякому непредвзятому уму убѣдиться въ томъ, что наши южные корпуса не могутъ представлять угрозы для Россіи.

Я далъ понять министру, насколько было бы желательно, чтобы его Государь Императоръ освѣдомленъ былъ о положеніи; тѣмъ болѣе, что необходимо, если желателенъ миръ, быстро положить конецъ тѣмъ крайнимъ военнымъ

приготовленіямъ, которыя, повидимому, угрожаютъ намъ теперь подъ вліяніемъ кампаніи лживыхъ извѣстій. Г. Сазоновъ далъ мнѣ такой характерный отвѣтъ, что это сообщеніе онъ передастъ начальнику Главнаго штаба, который видитъ Его Величество ежедневно.

Затѣмъ министръ сказалъ мнѣ, что въ тотъ же самый день подписывается указъ, которымъ предписывается довольно обширная мобилизація. Но онъ добавилъ, что можетъ заявить самымъ оффиціальнымъ образомъ, что эти войска предназначается не противъ насъ; они ограничатся тѣмъ, что останутся во всеоружіи на тотъ случай, если окажутся подъ угрозой балканскіе интересы Россіи. Въ особой объяснительной нотѣ представлены будутъ необходимыя подробности, такъ какъ рѣчь идетъ лишь о мѣрахъ предосторожности, которыя признаны Императоромъ Николаемъ справедливыми. Развѣ вы,—сказалъ онъ мнѣ, — не обладаете уже теперь значительными преимуществами, помимо болѣе быстрой мобилицаціи? Серьезнымъ тономъ я обратилъ вниманіе г. Сазонова на то, какое впечатлѣніе произведетъ подобная мѣра у насъ. И мнѣ кажется сомнительнымъ,—сказалъ я ему,—что такой объяснительной ноты будетъ достаточно, чтобы смягчить это впечатлѣніе; послѣ чего министръ еще разъ распространился насчетъ невиннаго (!) характера этого рѣшенія.

№ 48.

Графъ Берхтольдъ графу Сэдьени въ Берлинѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 29 іюля 1915 г.

Я только-что узналъ отъ г. фонъ-Чиршкаго, что русскій посолъ будто сообщилъ ему извѣщеніе своего правительства о томъ, что мобилизуются военные округа Кіева, Одессы, Москвы, Казани. Россія будто бы считаетъ оскорбленной въ своемъ великодержавномъ достоинствѣ и вынуждена принять соотвѣтствующія своему положенію мѣры. Русская мобилизація подтверждается командующими нашими галиційскими корпусами; судя по донесенію австро-венгерскаго атташе, ее не опровергъ даже г. Сазоновъ въ своемъ разговорѣ съ германскимъ посломъ.

Прошу Ваше Превосходительство соблаговолить незамедлительно довести вышеизложенное до свѣдѣнія германскаго

Правительства, при чемъ въ особенности подчеркнуть тотъ пунктъ, что если мѣропріятія русской мобилизаціи не будутъ пріостановлены немедленно, то за ними по военнымъ соображеніямъ немедленно послѣдуетъ всеобщая мобилизація Австро-Венгріи. Въ качествѣ послѣдняго средства предотвратить европейскую войну, по моему мнѣнію, желательно было бы, чтобы нашъ и германскій представители въ С.-Петербургѣ, а по возможности и въ Парижѣ, заявили самымъ дружественнымъ тономъ Правительствамъ въ этихъ столицахъ, что если русская мобилизація будетъ продолжаться, то Германія и Австро-Венгрія окажутся вынужденными принять такія же мѣры, послѣдствія коихъ неизбѣжно будутъ серьезны.

Ваше Превосходительство изволитъ добавить, что мы, разумѣется, не допустимъ попытки удержать насъ отъ нашихъ военныхъ дѣйствій въ Сербіи.

Австро-венгерскіе послы въ С.-Петербургѣ и Парижѣ получаютъ предписаніе сдѣлать вышеизложенное сообщеніе, какъ только аналогичныя распоряженія даны будутъ ихъ германскимъ коллегамъ.

№ 49.

Графъ Берхтольдъ графу Сапари въ С.-Петербургѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 30 іюля 1914 г.

Отвѣтъ на телеграмму Вашего Превосходительства отъ 29 іюля. Само собою разумѣется, что я, какъ ранѣе, расположенъ изъяснить черезъ Васъ г. Сазонову различные пункты нашей адресованной Сербіи ноты, которая, впрочемъ, опережена теперь событіями. Точно также я весьма дорожу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы подвергнуть обсужденію непосредственно касающіеся нашихъ отношеній къ Россіи вопросы, въ духѣ ихъ толкованія г-номъ Шебеко и въ дружественномъ и довѣрчивомъ тонѣ; такимъ образомъ можно надѣяться разсѣять существующія въ этомъ смыслѣ между нами достойныя сожалѣнія недоразумѣнія и обезпечить столь желательное мирное развитіе нашихъ добрососѣдскихъ отношеній.

№ 50.

Графъ Берхтольдъ графу Сапари въ С.-Петербургѣ.

(Телеграмма.) . Вѣна, 30 іюля 1914 г.

Для освѣдомленія Вашего Превосходительства, какого держаться направленія и что высказывать.

Сегодня я изложилъ г. Шебеко, что изъ донесенія я узналъ, что мой категорическій отказъ принять предложеніе г. Сазонова,—который предлагалъ Вашему Превосходительству продолжать съ нимъ переговоры,—произвелъ на министра тяжелое впечатлѣніе; не менѣе онъ сожалѣлъ и о томъ, что не произошло обмѣна взглядами между мною и г. Шебеко.

Что касается перваго пункта, то я уже телеграфировалъ Вашему Превосходительству, что предоставляю вамъ полную свободу дать г. Сазонову всевозможныя, какія только онъ пожелаетъ, разъясненія, по предмету нашей ноты, которая, впрочемъ, какъ мы констатируемъ, опережена была объявленіемъ войны. Толкованіе это, во всякомъ случаѣ, какъ я вамъ говорилъ, должно ограничиваться второстепенными объясненіями, такъ какъ въ наши виды никогда не входило допускать торгашество по поводу параграфовъ самой ноты. Я уполномочилъ также Ваше Превосходительство дружески обсудить съ г. Сазоновымъ наши частныя отношенія къ Россіи. Г. Сазоновъ жалуется, что не было обмѣна взглядовъ между г-мъ Шебеко и мною: тутъ, очевидно, должно быть недоразумѣніе, такъ какъ лишь два дня тому назадъ г. Шебеко со мною обсуждалъ современные вопросы, что посолъ и подтвердилъ, сказавъ мнѣ, что онъ сообщилъ г. Сазонову всѣ подробности нашей бесѣды. Затѣмъ г. Шебеко объяснилъ мнѣ, почему съ такимъ опасеніемъ относятся въ С.-Петербургѣ къ нашимъ дѣйствіямъ противъ Сербіи. Австро-Венгрія,—сказалъ онъ мнѣ,—великая Держава и она идетъ на маленькое сербское Государство; между тѣмъ какъ въ Петербургѣ не знаютъ, что она имѣетъ въ своихъ замыслахъ. Собирается ли она посягнуть на ея государственность, совершенно разбить ее, или даже раздавить? Россія не можетъ безразлично относиться къ Сербіи, которая связана съ ней столькими историческими и иными узами. Въ Петербургѣ искренно принято было рѣшеніе энергично воздѣйствовать на Бѣлградъ, чтобы онъ согласился на всѣ наши требованія; правда, это происходило въ такой моментъ, когда еще невоз-

можно было знать, каковы эти выдвинутыя нами впослѣдствіи, требованія. Но даже при наличности этихъ требованій, тамъ употребили бы всѣ свои усилія, чтобы добиться, по меньшей мѣрѣ того, что оказалось бы возможнымъ. Я напомнилъ послу, что мы много разъ обращали вниманіе на тотъ пунктъ, что мы не преслѣдуемъ въ Сербіи никакой завоевательной политики и не собираемся посягать на государственную самостоятельность этой Страны; мы бы удовольствовались установленіемъ такого положенія, которое обезпечивало бы насъ отъ всякой направленной изъ Сербіи агитаціи. Къ этимъ замѣчаніямъ я присовокупилъ подробное изложеніе нашихъ невыносимыхъ отношеній съ Сербіей. Точно также я ясно далъ понять г. Шебеко, до какой степени въ особенности виновата была въ этомъ положеніи русская дипломатія, дѣйствовавшая несомнѣнно наперекоръ своимъ руководителямъ. Въ теченіе дальнѣйшаго нашего разговора я сослался на уже извѣстную мнѣ русскую мобилизацію. Такъ какъ она была ограничена военными округами Одессы, Кіева, Москвы и Казани, то представляла собою враждебный Монархіи характеръ. Чѣмъ она была вызвана? Я не зналъ, такъ какъ между нами и Россіей не было никакихъ спорныхъ пунктовъ. Австро-Венгрія же мобилизована исключительно противъ Сербіи, и не призвала ни одного человѣка противъ Россіи, что явствовало изъ того, что I, X и XI корпуса мобилизованы не были; но въ отвѣтъ на открыто направленную противъ насъ мобилизацію мы тоже должны были увеличить размѣры нашей мобилизаціи. Во всякомъ случаѣ я очень хотѣлъ при этомъ обратить его особенное вниманіе на то, что эта мѣра, вполнѣ очевидно, не представляла никакого враждебнаго характера въ отношеніи Россіи и должна была быть сочтена необходимой отвѣтной мѣрой на русскую мобилизацію. Я просилъ г. Шебеко передать это сообщеніе своему правительству, что онъ и обѣщалъ мнѣ.

№ 51.

Графъ Берхтольдъ австро-венгерскимъ посламъ въ Лондонѣ и въ С.-Петербургѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 31 іюля 1914 г.

Я адресую въ Берлинъ нижеслѣдующую телеграмму: Г. фонъ-Чиршкій, по приказанію своего Правительства,

сообщилъ намъ вчера о разговорѣ сэра Эдуарда Грэя съ княземъ Лихновскимъ, во время котораго англійскій статсъ-секретарь сдѣлалъ германскому послу слѣдующее заявленіе.

Г. Сазоновъ будто бы извѣстилъ англійское Правительство, что послѣ объявленія Австро-Венгріей войны Сербіи, вести прямые переговоры съ Австро-Венгріей болѣе неумѣстно: поэтому онъ просилъ Англію соблаговолить снова взять на себя роль посредника. Русское Правительство полагаетъ, что необходимо какъ предварительное условіе къ этому: предварительное прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій.

Въ отвѣтъ на это выступленіе русскаго Правительства сэръ Эдуардъ Грэй замѣтилъ князю Лихновскому, что Англія думала о посредничествѣ вчетверомъ, и если желательно избѣжать міровой войны, то считала его спѣшнымъ.

Прошу Ваше Превосходительство изволить завѣрить г. статсъ-секретаря въ нашей благодарности за тѣ сообщенія, которыя переданы были г. Чиршкимъ, и заявить ему, что вопреки происшедшимъ съ тѣхъ поръ, благодаря факту русской мобилизаціи, перемѣнамъ въ положеніи, мы вполнѣ готовы благосклонно отнестись къ предложенію сэра Эд. Грэя о посредничествѣ между Сербіей и нами.

Во всякомъ случаѣ первымъ условіемъ нашего согласія должно быть то, чтобы наши военныя дѣйствія въ Сербіи пока продолжались и чтобы англійскій Кабинетъ добивался отъ русскаго Правительства пріостановки предпринятой Россіей противъ насъ мобилизаціи. Въ такомъ случаѣ, само собою очевидно, что предпринятыя нами и вынужденныя русскими дѣйствіями военныя мѣропріятія будутъ нами тоже отмѣнены.

№ 52.

Графъ Сапари графу Берхтольду.

(Телеграмма.) С.-Петербургъ, 31 іюля 1914 г.

Сегодня утромъ отданъ приказъ о всеобщей мобилизаціи арміи и флота.

№ 53.

Графъ Берхтольдъ всѣмъ Императорскимъ и Королевскимъ посольствамъ.

(Телеграмма.) Вѣна, 31 іюля 1914 г.

Частное извѣщеніе, которымъ извольте руководствоваться

въ вашихъ сношеніяхъ съ Правительствомъ, при которомъ вы аккредитованы.

Такъ какъ русское Правительство произвело мобилизацію на нашей границѣ, то мы видимъ себя вынужденными принять военныя мѣры въ Галиціи.

Мѣры эти имѣютъ чисто оборонительный характеръ и приняты были исключительно подъ угрозой русскихъ приготовленій, о которыхъ мы весьма сожалѣемъ, такъ какъ не питаемъ противъ Россіи никакого подобія агрессивныхъ замысловъ и желаемъ продолженія тѣхъ добрососѣдскихъ отношеній, которыя существовали между нами до сихъ поръ.

Соотвѣтствующіе положенію переговоры между вѣнскимъ и с.-петербургскимъ Кабинетами идутъ своимъ ходомъ, и мы надѣемся, что они закончатся общимъ успокоеніемъ.

№ 54.

Графъ Сеченъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Парижъ, 31 іюля 1914 г.

Германскій посолъ, по приказанію своего Правительства, заявилъ здѣсь, что если объявленная въ Россіи всеобщая мобилизація не будетъ прекращена въ теченіе двѣнадцати часовъ, то Германія въ свою очередь мобилизуетъ. Въ то же самое время графъ Сеченъ запросилъ, останется ли Франція нейтральной въ случаѣ германо-русской войны. Отвѣтъ на этотъ запросъ ожидается въ теченіе восемнадцати часовъ; срокъ истекаетъ завтра въ субботу въ 1 часъ пополудни.

№ 55.

Графъ Сапари графу Берхтольду.

(Телеграмма.) С.-Петербургъ, 31 іюля 1914 г.

Получена телеграмма Вашего Превосходительства отъ 30 с. мѣсяца.

Ваше Превосходительство извѣщено моей телеграммой отъ 29 с. мѣсяца, что я, не дожидаясь инструкцій, возобновилъ переговоры съ г. Сазоновымъ приблизительно на указанныхъ мнѣ основаніяхъ, безъ замѣтнаго сближенія обѣихъ точекъ зрѣнія.

Тѣмъ временемъ начатые между германскимъ посломъ и русскимъ министромъ иностранныхъ Дѣлъ переговоры, правда, дали такой результатъ, а именно, что Россія не будетъ себя считать удовлетворенной даже тогда, если Австро-Венгрія формально заявитъ, что она не умалитъ сербской территоріи, не произведетъ никакого посягновенія на государственность Сербіи и не нарушитъ русскихъ интересовъ ни на Балканахъ, ни въ иномъ мѣстѣ. Кромѣ того, Россія съ тѣхъ поръ объявила всеобщую мобилизацію.

№ 56.

Графъ Сапари графу Берхтольду.

(Телеграмма.) С.-Петербургъ, 1 авг. 1914 г.

Во время сдѣланнаго мною сегодня г. Сазонову визита я сообщилъ ему, что получилъ инструкціи. Но ранѣе чѣмъ коснуться этого предмета, я счелъ нужнымъ сказать ему, что я не знаю нынѣшняго положенія въ Вѣнѣ, которое создалось всеобщей русской мобилизаціей; такъ что, при истолкованіи высланныхъ мнѣ ранѣе этого событія инструкцій, долженъ буду совершенно съ нимъ не считаться. Я сказалъ ему, что эти двѣ инструкціи Вашего Превосходительства относятся къ тому недоразумѣнію, которое породило мнимый отказъ съ нашей стороны продолжать переговоры съ Россіей. Какъ я его уже увѣрилъ, еще не получивъ полномочій, это было ошибочнымъ.

Ваше Превосходительство, сказалъ я ему, не только готово было вести съ Россіей переговоры на самыхъ широкихъ основаніяхъ, но что оно въ частности расположено было подвергнуть обсужденію самый текстъ ноты, въ предѣлахъ истолкованія ея смысла.

Я подчеркнулъ, до какой степени адресованныя мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ инструкціи являются новымъ доказательствомъ благорасположенія; хотя, впрочемъ, я вынужденъ былъ еще разъ напомнить ему, что создавшееся со времени всеобщей мобилизаціи положеніе мнѣ совершенно неизвѣстно; все, на что я могъ надѣяться, это,—чтобы ходъ событій не завелъ уже насъ слишкомъ далеко. Я во всякомъ случаѣ считалъ своимъ долгомъ представить въ столь тяжкій часъ это новое доказательство благорасположенія Императорскаго и Королевскаго Правительства. Г. Сазоновъ отвѣ-

тилъ мнѣ, что съ удовольствіемъ принимаетъ актъ этого выраженія благорасположенія; онъ, во всякомъ случаѣ, желалъ привлечь мое вниманіе на такой пунктъ, что, по легко понятнымъ соображеніямъ, переговоры въ Петербургѣ ему кажутся обѣщающими менѣе результатовъ, чѣмъ если бы они велись на нейтральной почвѣ, въ Лондонѣ. Я возразилъ, что, какъ я это уже ему излагалъ, Ваше Превосходительство становится на иную точку зрѣнія и желало бы придти къ прямымъ сношеніямъ съ С.-Петербургомъ. Вслѣдствіе этого я былъ не въ состояніи высказаться по поводу мысли о Лондонѣ; я во всякомъ случаѣ сказалъ ему, что снесусь съ Вашимъ Превосходительствомъ.

№ 57.

Графъ Сэдьени графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Берлинъ, 2 августа 1914 г.

Г. статсъ-секретарь только что сказалъ мнѣ, что на предложенный Германіей запросъ изъ Россіи не получено никакого отвѣта.

Русскія войска перешли германскую границу близъ Швиддэна (къ юго-востоку отъ Бялы).

Россія такимъ образомъ напала на Германію.

Вслѣдствіе этого Германія считаетъ себя на положеніи войны съ Россіей. Сегодня послѣ полудня русскій посолъ получилъ свои паспорта; возможно, что онъ уѣдетъ сегодня же.

№ 58.

Графъ Менсдорфъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Лондонъ, 4 августа 1914 г.

Я только-что видѣлъ сэра Эдуарда Грэя. Англійское Правительство отправило Германіи ультиматумъ по поводу Бельгіи; оно ждетъ отвѣта сегодня въ полночь. Сэръ Эдуардъ Грэй сказалъ мнѣ, что временно онъ не усматриваетъ никакого повода къ тому, чтобы дѣлать какое-нибудь сообщеніе Императорскому и Королевскому Правительству, и пока мы не находимся на положеніи войны съ Франціей

никакого основанія входить съ нами въ столкновеніе. Онъ во всякомъ случаѣ надѣется, что мы не откроемъ непріязненныхъ дѣйствій безъ формальнаго и предварительнаго объявленія войны. Онъ же не отзоветъ г. Бэнсэна.

Въ случаѣ же, если мы будемъ въ войнѣ съ Франціей, для Англіи, въ ея положеніи союзницы Франціи, будетъ затруднительно кооперировать съ нею въ Атлантическомъ океанѣ, а не въ Средиземномъ морѣ.

№ 59.

Графъ Берхтольдъ графу Сапари въ С.-Петербургѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 5 августа 1914 г.

Прошу Ваше Превосходительство вручить нижеслѣдующую ноту министру иностранныхъ Дѣлъ въ С.-Петербургѣ.

По приказанію своего Правительства нижеподписавшійся, посолъ Австро-Венгріи, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Его Превосходительста господина министра иностранныхъ Дѣлъ Россіи нижеслѣдующее:

Принимая во вниманіе угрожающее положеніе, занятое Россіею въ конфликтѣ между австро-венгерской Монархіей и Сербіею, и въ виду факта, что вслѣдствіе этого конфликта Россія, согласно сообщенію берлинскаго Кабинета, сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи и что послѣдняя находится поэтому въ состояніи войны съ названной Державой, Австро-Венгрія считаетъ себя также, начиная съ настоящаго момента, въ состояніи войны съ Россией".

(Подп.) *Сапари.*

С.-Петербургъ, 6 августа/24 іюля 1914 года.

По врученіи этой ноты Ваше Превосходительство изволитъ испросить свои паспорта и неотложно уѣхать со всѣмъ персоналомъ посольства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ агентовъ, которыхъ оно сочтетъ полезнымъ тамъ оставить. Въ то же самое время получилъ свои паспорта и г. Шебеко.

№ 60.

Графъ Берхтольдъ графу Менсдорфу въ Лондонѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 6 августа 1914 г.

Получилъ отъ Вашего Превосходительства телеграмму отъ 4-го с. мѣсяца. Прошу васъ дать сэру Эдуарду Грэю за-

вѣреніе, что мы ни въ какомъ случаѣ не откроемъ, безъ формальнаго и предупредительнаго объявленія войны, непріязненныхъ дѣйствій противъ Англіи, но мы равнымъ образомъ ожидаемъ отъ Англіи, что она будетъ сохранять такое же положеніе въ отношеніи насъ и не учинитъ никакого враждебнаго акта до оффиціальнаго объявленія войны.

№ 61.

Графъ Сеченъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Парижъ, 8 августа 1914 г.

Меня пригласилъ министръ иностранныхъ Дѣлъ, чтобы сообщить мнѣ, что, по дошедшимъ до него вѣрнымъ свѣдѣніямъ, одинъ армейскій корпусъ изъ Иннсбрука будто бы отправленъ на французскую границу. Г. Думергъ желаетъ немедленно знать, точно ли это извѣстіе, а въ утвердительномъ случаѣ—узнать намѣренія Императорскаго и Королевскаго Правительства. Такъ какъ Франція находится въ войнѣ съ Германіей, то отправка нашихъ войскъ на французскую границу будетъ несочетаемой съ существующимъ между Австро-Венгріей и Франціей мирнымъ положеніемъ. Г. Думергъ уполномоченъ такой шагъ предпринять и предъ Вашимъ Превосходительствомъ.

№ 62.

Графъ Берхтольдъ графу Сечену въ Парижѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 9 августа 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Вашего Превосходительства отъ 8-го сего мѣсяца. Послѣ совѣщанія съ главнымъ штабомъ, уполномочиваю Ваше Превосходительство заявить французскому Правительству, что извѣстіе касательно участія нашихъ войскъ во франко-германской войнѣ выдумано съ начала до конца. Подобное же заявленіе я сдѣлалъ г. Дюмэнь.

№ 63.

Графъ Сеченъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Парижъ, 10 августа 1914 г.

Получилъ телеграмму отъ 9 августа. Тотчасъ же сообщилъ содержаніе ея г. Думергу. Министръ, уже получившій отъ г. Дюмэнь аналогичное телеграфное донесеніе относительно его разговора съ Вашимъ Превосходительствомъ, призналъ, что наши войска на французской границѣ не находятся; но онъ утверждаетъ, что обладаетъ положительными свѣдѣніями, судя по которымъ одинъ австро-венгерскій армейскій корпусъ переведенъ въ Германію, что позволяетъ этой Имперіи удалить свои войска изъ такихъ мѣстностей, которыя будутъ заняты нашими солдатами; министръ думаетъ, что этимъ облегчены будутъ германскія военныя операціи. Я много разъ обращалъ вниманіе министра на содержаніе отвѣта Вашего Превосходительства; онъ согласился, что нельзя утверждать, чтобы наши войска дѣйствительно участвовали во франко-германской войнѣ, но продолжалъ поддерживать, что присутствіе нашихъ войскъ на германской территоріи было внѣ сомнѣнія и что это равносильно военной помощи, оказываемой нами Германіи. Въ виду этихъ обстоятельствъ онъ уполномочилъ французскаго посла въ Вѣнѣ немедленно испросить свои паспорта и сегодня покинуть Вѣну со всѣмъ персоналомъ посольства. Министръ сказалъ мнѣ, что въ виду такого положенія, мое присутствіе здѣсь не представляетъ никакой пользы, а, принимая во вниманіе народное возбужденіе, можетъ дать поводъ къ достойнымъ сожалѣнія инцидентамъ, которыхъ онъ желалъ бы избѣжать. Онъ предложилъ мнѣ представить мнѣ, начиная съ сего вечера, поѣздъ для отъѣзда изъ Франціи. Я отвѣчалъ ему, что мнѣ невозможно будетъ получить до вечера инструкцію Вашего Превосходительства и что, принимая во вниманіе отзывъ г. Дюмэнь, я прошу его вручить мнѣ мои паспорта.

№ 64.

Графъ Берхтольдъ графу Менсдорфу въ Лондонѣ.

Вѣна, 11 августа 1914 г.

Французское Правительство уполномочило своего здѣшняго посла испросить свои паспорта, выставивъ предлогомъ

къ тому отправку въ Германію одного австро-венгерскаго армейскаго корпуса, что должно было позволить высшему германскому командному составу вывести свои войска изъ областей, занятыхъ нашими отрядами. Подобное мѣропріятіе нашего Главнаго штаба обозначало бы оказаніе нами военной помощи Германіи.

Ваше Превосходительство соблаговолите довести до свѣдѣнія англійскаго Правительства, что, на основаніи полученныхъ отъ компетентныхъ властей свѣдѣній, выставленное Франціей обвиненіе лишено всякаго основанія.

№ 65.

Графъ Менсдорфъ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Лондонъ, 12 августа 1914 г.

Я только-что получилъ отъ сэра Эд. Грэя слѣдующее сообщеніе.

По представленію французскаго Правительства, которое не можетъ сноситься непосредственно съ вашимъ Правительствомъ, я имѣю сдѣлать вамъ нижеслѣдующее сообщеніе:

Объявивъ войну Сербіи и взявъ на себя этимъ актомъ иниціативу непріязненныхъ дѣйствій въ Европѣ, австро-венгерское Правительство, безъ малѣйшаго вызова со стороны Правительства французской Республики, довело до положенія войны съ Франціей.

1. Послѣ того какъ Германія послѣдовательно объявила войну Россіи и Франціи, австро-венгерское Правительство объявленіемъ войны Россіи, которая уже сражалась бокъ-о-бокъ съ Франціей, приняло участіе въ этомъ конфликтѣ.

2. Судя по многочисленнымъ, заслуживающимъ довѣрія, свѣдѣніямъ, Австрія послала свои войска на германскую границу при такихъ обстоятельствахъ, которыя равносильны прямой угрозѣ по адресу Франціи.

Принимая въ соображеніе эти факты, французское Правительство оказывается вынужденнымъ объявить австро-венгерскому Правительству, что оно приметъ всѣ мѣры къ отвѣту на эти акты и угрозы.

Сэръ Эд. Грэй добавляетъ:

Такъ какъ разрывъ съ Франціей произошелъ такимъ образомъ, то великобританское Правительство оказывается вынужденнымъ объявить, что, начиная съ полуночи, Велико-Британія и Австро-Венгрія находятся на положеніи войны.

№ 66.

Японскій посолъ графу Берхтольду.

(Переводъ съ англійскаго.)

Вѣна, 20 августа 1914 г.

Господинъ Графъ,

Баронъ Мюллеръ, несомнѣнно, уже довелъ до свѣдѣнія Вашего Превосходительства то сообщеніе, которое сдѣлано 15-го с. мѣсяца моимъ Правительствомъ германскому Правительству. Хотя не получивъ полномочій, я, во всякомъ случаѣ, беру на себя смѣлость препроводить при семъ Вашему Превосходительству, въ качествѣ частнаго освѣдомленія, относящуюся къ этимъ фактамъ телеграмму изъ Токіо.

Приложеніе.

Принимая въ серьезное соображеніе нынѣшнее положеніе, японское Правительство, въ полномъ согласіи съ британскимъ Правительствомъ, въ интересахъ укрѣпленія всеобщаго мира въ восточно-азіатскихъ земляхъ,—что является однимъ изъ предметовъ англо-японскаго договора,—рѣшило предпринять вмѣстѣ съ Велико-Британіей необходимыя мѣры къ его осуществленію. Ранѣе чѣмъ, однако, принять мѣры этого характера, оно сочло умѣстнымъ адресовать германскому Правительству, врученное 15 с. мѣсяца, дружеское предложеніе въ слѣдующей формѣ.

1. Всѣ военныя суда должны быть немедленно удалены изъ японскихъ и китайскихъ водъ. Суда, не могущія быть уведенными, должны быть обезоружены.

2. Германское Правительство должно, отъ сего дня самое позднее до 15 сентября, безусловно и безплатно сдать японскимъ властямъ всю территорію Кяо-Чао, на предметъ возвращенія ея Китаю.

Японское Правительство объявило германскому Правительству, что если оно до полудня 23 августа 1914 г. не получитъ отъ него отвѣта въ смыслѣ безусловнаго принятія вышеуказаннаго предложенія, то само приметъ къ тому всѣ необходимыя ему мѣры.

Питается искренняя надежда, что германское Правительство согласится на вышеуказанное предложеніе, такъ какъ

на отвѣтъ ему данъ болѣе чѣмъ достаточный срокъ. Если же бы, что было бы достойно сожалѣнія, это предложеніе оказалось безрезультатнымъ, то японское Правительство окажется вынужденнымъ принять необходимыя для достиженія его цѣли мѣры.

Избравъ настоящее поведеніе, японское Правительство, какъ уже сказано, не руководствовалось никакими иными побужденіями, какъ только защитой, на основаніи параграфовъ англо-японскаго договора, общихъ интересовъ Японіи и Велико-Британіи, въ интересахъ укрѣпленія тѣхъ основъ, на коихъ долженъ зиждиться прочный миръ въ восточно-азіатскихъ земляхъ. Японское Правительство отнюдь не питаетъ замысловъ проводить политику территоріальныхъ расширеній; и тѣмъ болѣе не преслѣдуетъ матеріальныхъ интересовъ. Посему Императорское японское Правительство рѣшилось съ величайшимъ вниманіемъ уважать въ восточной Азіи интересы третьихъ державъ и не нарушать ихъ въ какой бы то ни было ничтожной степени.

№ 67.

Графъ Берхтольдъ графу Клари въ Брюсселѣ.

(Телеграмма.) Вѣна, 22 августа 1914 г.

Прошу Ваше Превосходительство немедленно сдѣлать министру иностранныхъ Дѣлъ слѣдущее сообщеніе.

По предписанію моего Правительства, имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству слѣдующее: „Въ виду того, что Бельгія, отказавшись принять предложенія, съ которыми нѣсколько разъ обращалась къ ней Германія, оказываетъ свое военное содѣйствіе Франціи и Великобританіи, которыя—какъ та, такъ и другая—объявили войну Австро-Венгріи; и въ виду того установленнаго факта, что австрійскіе и венгерскіе подданные, находящіеся въ Бельгіи, вынуждены были претерпѣвать, на глазахъ королевскихъ властей, обращеніе, противное примитивнѣйшимъ требованіямъ гуманности и недопустимое даже по отношенію къ подданнымъ непріятельскаго государства,—Австро-Венгрія оказывается вынужденной порвать дипломатическія сношенія и считаетъ себя съ настоящей минуты въ состояніи войны съ Бельгіей. Я оставляю Страну со всѣмъ составомъ посольства и довѣряю защиту нашихъ интересовъ посланнику

Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Бельгіи. Съ своей стороны, Императорскимъ и Королевскимъ Правительствомъ паспорта вручены графу Эрранбо дэ-Дюдзэель".

(Подп.) *Клари.*

№ 68.

Князь Гогенлоэ графу Берхтольду.

(Телеграмма.) Берлинъ, 23 августа 1914 г.

Канцелярія министерства иностранныхъ Дѣлъ извѣстила сегодня японскаго повѣреннаго въ Дѣлахъ въ Берлинѣ о намѣреніи Императорскаго германскаго Правительства не отвѣчать на японскій ультиматумъ. Она добавила, что германское Правительство предписало въ качествѣ инструкціи, своему послу въ Токіо, съ окончаніемъ, сегодня въ полдень, назначеннаго Японіей срока, покинуть Японію и что въ тотъ же самый часъ она вручитъ паспорта японскому повѣренному въ Дѣлахъ въ Берлинѣ.

Въ полдень паспорта были вручены повѣренному въ Дѣлахъ, и этотъ послѣдній завтра утромъ покинетъ Берлинъ вмѣстѣ съ персоналомъ посольства.

№ 69.

Графъ Берхтольдъ барону фонъ-Мюллеру въ Токіо.

(Телеграмма.) Вѣна, 24 августа 1914 г.

Командиръ корабля Его Величества „Elisabeth" получилъ приказъ принять участіе въ борьбѣ въ Цзиньтао. Въ виду поведенія Японіи въ отношеніи нашей союзницы, германской Имперіи, прошу Ваше Превосходительство испросить ваши паспорта, сообщить положеніе консульствамъ и отправиться вмѣстѣ съ колоніей и персоналомъ посольства и консульствъ въ Америку. Ваше Превосходительство соблаговолитъ ввѣрить защиту нашихъ соотечественниковъ и нашихъ интересовъ американскому послу. Здѣшнему японскому послу будутъ вручены паспорта.

Оглавленіе документовъ.

Стр.

Стр.

Книжный Магазин

Петроградъ, Не

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ВОЕННЫЙ
РУССКО-НѢМЕЦКІЙ КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ

съ приложеніемъ таблицъ германскихъ и австрійскихъ монетъ, мѣръ и вѣса.

Цѣна въ переплетѣ 45 коп.

ОТЪ КАРПАТЪ ДО БУДАПЕШТА
ВЕНГЕРСКО-РУССКІЙ ПЕРЕВОДЧИКЪ

съ картой страны и планомъ Будапешта.

Сост. Н. М. Лаговъ.

Цѣна 85 коп.

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ КАРМАННЫЙ СЛОВАРЬ

съ приложеніемъ Краткой Грамматики нѣмецкаго языка.

XXVIII и 351 стр. около 30.000 словъ.

Цѣна въ мягкомъ коленкор. переплетѣ 1 руб.

КНИГА ЛЖИ.
ГЕРМАНСКАЯ БѢЛАЯ КНИГА

о возникновеніи русско-германо-французской войны.

Полный переводъ.

2-ое изданіе. Цѣна 50 коп.

СѢРАЯ КНИГА.

Бельгійская дипломатическая переписка, относящаяся до войны 1914 г. (24 іюля—29 августа).

Цѣна 50 коп.

СИНЯЯ СЕРБСКАЯ КНИГА.

Диплом. переписка, относ. къ войнѣ 1914—15 гг. Ц. **50** к.

ЗЕЛЕНАЯ ИТАЛІАНСКАЯ КНИГА.

Диплом. документы и пр. Цѣна **1** р. **30** к.

Цѣна 1 руб. 25 коп.